

82 коп.

Научная библиотека КемГУ

04200000274031

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

002.7
с 37

Ю.Б.СИМЧЕНКО

ТАМГИ НАРОДОВ СИБИРИ

XVII века

Холм

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Ю.Б.СИМЧЕНКО

ТАМГИ народов СИБИРИ

XVII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · МОСКВА 1965

nots. 121

4-13407

902.4
С 37

413407

ВВЕДЕНИЕ

*

Знамена (тамги) — единственный документальный источник, принадлежащий бесписьменным народам Сибири в период начала русской колонизации. Термин «знамя», «знамение» появился в русском приказном делопроизводстве задолго до знакомства с сибирскими тамгами и употреблялся для обозначения любого знака в самом разнообразном применении. Он встречается очень часто. Из близких к нему по смыслу терминов употреблялись: «тамга» (название различных знаков, бытовавших у тюркских народов), «пятно» (русское название знака собственности), «клеймо» (позднейший вариант «пятна»). «Пятно» и «клеймо» во многих источниках заменяли термином «тавро». Встречаются названия «конское пятно», «оленное пятно», «клеймо оленное» и пр. В ином значении этот термин известен как «бортовое пятно». Термин «знамя» охватывал все перечисленные понятия. Иногда знамена назывались в актовых материалах «знаками».

По документам, рисующим колонизацию Сибири, работу администрации, фискальный сыск, обращение автохтонных народов и православие и т. п., достаточно отчетливо можно проследить крупные племенные, территориальные и отчасти родовые группировки народов, определить их численность и расселение, но не всегда удается выявить в деталях родовой состав коренного населения и определить, к каким типам общности относятся те или иные группировки, установить имевшие место миграции и пр. По этим источникам весьма сложно выделить чужеродный элемент в конкретной этнической общности. На такие вопросы могут дать ответ тамги народов Сибири.

Принято считать, что тамги развивались от общеродовых к индивидуальным знакам собственности. Однако система знамен у народов, находящихся на ранних стадиях общественного развития, в том числе у народов Сибири, была сложнее и применение их было значительно многообразнее.

Самыми древними, несомненно, являются родовые тамги. Как правило, это были изображения тотема. Разнообразие тотемов у разных народов достаточно хорошо известно, поэтому здесь нет необходимости останавливаться на этом вопросе. Можно лишь напомнить, что обычно отсчет происхождения от предков — людей (каких-либо мифологических героев) более позднего происхожде-

ния, чем мифы о предках — животных. Это положение подтверждается приводимым ниже материалом.

Родовые тамги употреблялись всеми членами рода. Переселение члена какого-либо рода, присоединение его по любым причинам к другой группировке у большинства народов Сибири (а также Урала, европейского Севера, Поволжья и других областей) или не влекло никаких изменений употреблявшегося им прежде родового знака, или вызывало лишь незначительные изменения в нем. Это обстоятельство позволяет во многих случаях выявить миграции населения.

Наряду с родовыми знаками применялись и личные, возникшие, может быть, немного позже. Если родовая тамга была знаком принадлежности к определенному роду, то личное знамя удостоверяло личность человека и его личную собственность. Эти знаки возникали обычно из каких-то примет данного индивидуума.

В приведенных ниже знаменах обских угров упоминаются из знаков такого типа рубцы, порезы и т. д. Родовой знак ставился на предметах, принадлежащих всему роду. Однако господство общеродовой собственности отнюдь не исключало личной собственности отдельных членов общества на оружие, различную утварь и пр. Для определения принадлежности этих вещей применялись личные знаки. Личные знамена употреблялись охотниками для обозначения маршрутов, для удостоверения личности и при различных внутривидовых актах. Примером могут служить юкагирские «тосы», охотничьи затесы и пр. (см. далее, стр. 39).

В процессе развития общественных отношений функции родовых знаков сужались и расширялись функции личных знаков, так как уменьшалась роль общеродовой собственности и увеличивался удельный вес семейной собственности, т. е. личной собственности главы семьи. Имущественные отношения членов рода усложнились. Участились случаи актового оформления разных сделок. Родовые знаки сохранились при этом как тамги, показывающие принадлежность к данному роду, и как знаки, удостоверяющие собственность рода на основные средства производства (охотничьи угодья, рыболовные участки, оленьи пастбища и пр.).

Личная тамга стала употребляться как юридический знак в сделках, которые заключались между главами семей, а не всего рода, как ранее.

Отсчет происхождения велся от какого-то определенного предка. Его личная тамга переходила почти без изменений к наследникам, имеющим правовое преимущество. У остальных потомков она несколько изменялась. Благодаря этому, выявив общий прототип, можно проследить дифференциацию семей, составлявших род. Изучение случаев применения родовых и личных тамг в определенных периоды времени дает возможность конкретизировать общественные отношения между родами и внутри рода.

Общая закономерность дальнейшей эволюции тамг заключается в последовательном вытеснении родовых знаков семейными. Однако в каждом конкретном случае это происходило по-разному. Пережитки родовых отношений сохранялись в течение более или менее длительного времени и проявлялись у разных этнических групп в неодинаковых формах и в разной степени. Это сказывалось на применении родовых тамг.

В литературе существует мнение, что с появлением племенных союзов возникли и племенные тамги. Однако у народов Сибири племенных тамг не существовало. При изучении определенной категории источников, отражающих представительства от племенного союза, существование племенных знаков на первый взгляд может показаться возможным. Но сопоставление знаков главы какой-либо большой группировки со знаками рядовых ее членов опровергает это предположение. Главой любого союза был представитель самого могущественного из входящих в него родов. Во всех случаях он ставил от имени племени знак своего рода или свой личный знак. Если сохранялось «естественное право» наследования места вождя, то главой союза становился кто-нибудь из членов правящего рода, чаще всего потомок прежнего вождя. Новый вождь выступал с тамгой своего рода или тамгой отца, которые совпадали. Это и создавало иллюзию существования племенных тамг. В действительности, судя по множеству фактов, члены племени никогда не рассматривали знак вождя как общий для всех входящих в племенной союз. Известны случаи, когда не племенные, а локальные, территориальные группировки подбирали себе общий знак. Так, туринцы при объединении или расчленении волостей меняли тамги (см. стр. 54—55). Эти тамги легко отличить от родовых по сюжетам, по характеру применения и по их недолговечности — они исчезали с изменением территориального деления.

У некоторых исследователей вызвали недоумение факты внезапной смены одной «племенной тамги» другой. На самом деле это объяснялось переменой правящего рода, если речь шла о племени, или изменениями в административном делении, если это был знак территориальной группировки населения.

Кроме рассмотренных выше категорий знамен, существовали и другие знаки, имевшие совершенно особое применение. Прежде всего следует отметить сакральные знаки. Для их выявления необходим тщательный анализ большого источниковедческого материала. Сакральные знаки нередко ставились наряду с родовыми под документами, оформление которых сопровождалось религиозными актами. В качестве примера можно привести шерти — присяги, долговые документы, удостоверение которых сопровождалось клятвой, и др. В таких случаях выделить сакральные знаки помогает сопоставление разных по значению документов, археологический и этнографический материал.

Нужно отметить, что сакральные тамги — очень ценный источник. Письменные материалы о Сибири XVII в., принадлежащие в основном русским, бедны сведениями о религии и верованиях народов Сибири. Огромное значение для освещения данного вопроса имеют материалы сибирских духовных миссий, монастырей и пр., до сих пор недостаточно изученные. Однако, судя по имеющимся работам и источникам, и они дали бы только внешнюю картину религиозных воззрений автохтонных народов Сибири. Изучение сакральных знаков этих народов, в частности обских угров, позволяет наметить хронологические рамки развития тех или иных культовых представлений, проследить их в ранние периоды, по которым нет письменных источников, а имеются только археологические материалы, и уточнить их территориальное распространение.

Другую категорию знаков составляют должностные, или, как их называли в дореволюционной этнографической литературе, «кастовые знаки». Эти знаки весьма многообразны. Самыми ранними из них являются «жреческие знаки» — особые знамена, удостоверявшие, что данный человек — шаман. Такие знаки были распространены главным образом в Восточной Сибири. Совершенно иное значение имеют тамги должностных лиц, появившиеся с установлением системы управления населением Сибири. У вогулов эти знаки появились, по всей вероятности, с началом тюркизации южных земель Западной Сибири, у народов Восточной Сибири — с введением русскими местного управленческого аппарата. В середине — конце XVIII в. должностные знаки сотников, десятников и старшин были приняты как официальные знаки.

Сюжет тамги позволяет в некоторых случаях определить тип хозяйства этнических группировок: охотничий, скотоводческий или земледельческий. По характеру исполнения знамен можно судить об уровне графического искусства.

Наконец, в некоторых случаях анализ тамг помогает изучить зачатки письменности, определить ее характер и форму.

Документы со знаменами народов Сибири имеются в материалах центральных учреждений, т. е. в составе крупных фондов, и относятся главным образом к XVII—XVIII вв. Со второй половины XVIII в. юридические официальные документы стали оформлять печатями, выдаваемыми представителям коренного населения. С этого времени тамгами оформлялись лишь документы местного значения. Практически мы располагаем знаменами как массовыми источниками только для XVII—XVIII вв. Знамена ставились на склейках столбцов и оборотах листов. При расклейке столбцов и реставрации места, где ставились эти знаки, нередко обрезали или заклеивали. Это затрудняло их обнаружение и реконструкцию.

Настоящая работа является попыткой подбора, систематизации и исследования тамг народов Сибири. Автор поставил себе

задачу установить закономерности развития и употребления тамг, анализируя их применение в каждом конкретном случае, определить на этом материале и на других источниках родовой состав, типы общности, уровень общественных отношений, миграции населения, его этническую принадлежность и пр.

Источником для данной работы служат главным образом материалы Центрального государственного архива древних актов. Здесь были изучены фонды: Сибирского приказа, Якутской, Иркутской, Нерчинской и Верхотурской приказных изд, Межевого архива, Приказных дел старых лет, портфели Г. Ф. Миллера, Государственный архив и др.

Были привлечены материалы, хранящиеся в рукописных отделах Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, в Областном Тобольском архиве, в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР и др. Описание источников имеется в тексте.

Основное внимание уделено знаменам народов Западной Сибири. Это объясняется прежде всего лучшей сохранностью и большей полнотой документальных материалов по Западной Сибири. Источников, содержащих сведения о населении Средней Сибири, Забайкалья и Восточной Сибири, обнаружено меньше. Знаки этих народов, как и большинства других, приводятся здесь впервые.

Работа разбита на главы, каждая из которых посвящена населению одного или нескольких уездов, так как при такой структуре в изложении сохраняется целостность группы населения.

Знамена сгруппированы в таблицы по территориальному и хронологическому признакам. Последовательность тамг в них та же, что и в документах. При описании таблиц названия волостей и имена даются в транскрипции XVII в.

Сокращения в ссылках на архивные и опубликованные материалы общепринятые.

Тамги народов Сибири изучаются с того времени, когда их стали употреблять для оформления документов, после выхода в свет Уложения 1648/49 г., где было узаконено применение тамг нерусских народов в официальных документах. Первыми исследователями этих знаков были приказные люди. Русской администрации было необходимо знать значение знаков в каждом конкретном случае (клятвенные, родовые, личные и пр.). Приказные люди, обычно ясажные сборщики, производили на месте подробный опрос населения относительно значения различных тамг. Выяснив значение знака, его расшифровывали на документе. При повторных «дозорах» и сысках, при сборе ясака и в ряде других случаев приказные сверяли вновь поставленные ясажными людьми тамги и знаки, имеющиеся под старыми документами. Для удобства проверки подлинности тамг с них снимали копии и

составляли специальные списки. Указание на это встречается в ряде случаев. В качестве примера можно привести довольно подробное описание черемисских тамг, составленное в 50-х годах XVII в.¹ Списки знамен оставались в архивах местных приказных изб и не присылались в центральные учреждения по управлению Сибирью.

Хорошая осведомленность относительно значения тех или иных тамг у русской администрации выразилась в подробной расшифровке знамен, а также в умелых подделках и копиях. Приказные знали родовые знаки главным образом у охотских тунгусов, отличали тамги князцов от знамен рядовых ясачных людей, знаки одной волости от знаков другой и т. п. Интерес к тамгам у представителей русской администрации был чисто практическим. Однако объяснение тех или иных знаков, данное приказными, дает возможность в ряде случаев научно анализировать их.

Тамги угров довольно подробно описал Г. Новицкий². Он подчеркнул значение тамг как юридических знаков и подтвердил записи приказных людей относительно обычая татуировать знамена. Новицкому принадлежит любопытное наблюдение, что остяки употребляют знамена «вместо же заемных писаний и каба-лах». Следовательно, обычай ставить тамги на актовых материалах возник не искусственно, под давлением русских, как предполагали некоторые исследователи. Новицкий описывает «заемные писания» и другие документы, где ставились тамги. Очевидно, они не были написаны на бумаге. Вероятно, здесь фигурировали счетные палочки, сохранившиеся до XX в., и какие-то записи на других материалах³. Этот вопрос теснейшим образом связан с определением типов общности обских угров в XVII—XVIII вв. Замечания Г. Новицкого подтверждают точку зрения С. В. Бахрушина, видевшего в угорских группировках на Оби феодальные объединения, хотя и сохранившие некоторые элементы родовых отношений⁴. С этой точкой зрения, как будет видно далее, нельзя согласиться полностью. Процесс распада родовой общины был далеко не синхронным у разных групп угров.

Первым обобщающим анализом тамг явилась работа П. П. Ефименко «Юридические знаки»⁵. В ней Ефименко выступает как последовательный эволюционист. Автор тщательно изучил документальные материалы по Архангельской губернии, где имеются тамги русских крестьян, лопарей, карелов и самоедов, а

также описания Сорокина⁶, фон Пошмана⁷, Шренка⁸ и др. На довольно большом фактическом материале Ефименко показывает, что тамги имеются у всех «финско-татарских племен». Далее он, исходя из правильной предпосылки о наличии закономерностей в развитии тамг, пытается на основании тезиса о «законе естественного подбора и изменчивости» периодизировать тамги разных народов и толковать их. Рассуждения Ефименко о тамгах перемежаются с пространным изложением основных положений дарвинизма, по которым автор мыслит себе их эволюцию. Автор периодизирует тамги, или, как он их называет, «клейма», по характеру изображений; самыми ранними он справедливо считает знаки в виде изображений тотемных животных. Далее в его таблице следуют «предметы жизни, неизвестные в кочевом быту, бытовавшие в период получения родами названий от имен предков или названий кочевий»⁹. С этим согласиться нельзя. Таких тамг среди знаков, употреблявшихся на различных стадиях развития социальных отношений, считанные единицы. Выделить их в особую категорию нет ни малейшей возможности. «Бродяжий быт» не определяет ни значения, ни сюжетов тамг. Народы, жившие оседло, при сохранении родовых отношений обычно употребляли тамги в виде изображений тотемного животного.

Хронологическое определение «периода получения родами названий от имен предков или названий кочевий» у Ефименко также весьма туманно и голословно. Третьей стадией развития юридических знаков Ефименко называет «знаки собственности, утратившие свое значение, простые, чисто условные». Это утверждение тоже весьма спорно. Знаки собственности, т. е. личные знаки, если речь шла о частной собственности, семейные и родовые, если определялась принадлежность общинной собственности, имели место у всех народов, и происхождение их в каждом случае было различным. Нельзя считать, что эти знаки появились только после полного вытеснения тамг, связанных с родовыми и прочими ранее существовавшими знаками. Личные знаки существовали одновременно с родовыми и семейными, хотя они появились позднее родовых знаков.

Последнюю стадию развития юридических знаков П. Ефименко видит в клеймах «по начальным буквам имен владельцев» — инициалам. Очевидно, что инициалы ничего общего с тамгами не имеют и их не следует помещать в периодизационную таблицу.

Несмотря на эти недостатки, работа Ефименко имеет несомненный интерес и поныне. В ней имеются весьма ценные

*

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет, столб. 43, л. 334.

² Новицкий, 1941, стр. 43.

³ Старцев, 1928, стр. 44.

⁴ Бахрушин, 1935.

⁵ Ефименко, 1874, стр. 145—170, 271—293.

*

⁶ Сорокин, 1873.

⁷ Фон Пошман, 1870.

⁸ Schrenk, 1854, стр. 314—317.

⁹ Ефименко, 1874, стр. 145.

фактические данные, большой интерес представляют таблицы тамг, взятых из материалов Архангелогородского архива.

Работа Ефименко привлекла внимание многих исследователей. Следующая книга о тамгах, претендующая на значение обобщающей, принадлежит Е. Т. Соловьеву¹⁰. Она не является серьезным исследованием. Автор рекламирует свой труд как исчерпывающий по тамгам народов России. Он полемизирует с Ефименко, отрицая полностью связь тамг с социальными отношениями, и утверждает, что возникновение и развитие тамг идет по «законам веры». Е. Т. Соловьев прав в том, что тесная связь между религиозными взглядами народов и их тамгами, действительно, существовала повсеместно. Однако у знаков собственности связь с религией была весьма отдаленной. Мистические причины возникновения и развития тамг, выдвигаемые автором названного труда, не требуют опровержения, как ложные. Е. Т. Соловьев широко сравнивает знаки многих народов России, знаки письменности древних народов и буквы современных алфавитов, например раздельные знаки народов Двуречья, древнеегипетские иероглифы, личные знаки народов Двуречья, древнеегипетские лопарей и чувашские и черемисские тамги, знаки собственности лопарей и карелов, и по внешнему виду начертания знаков делает выводы об их связи, заимствованиях и пр. Е. Т. Соловьев анализирует русские гербы и печати и, отвергая данные геральдики и сфрагистики, выводит их из тамг разных народов. Научно-справочный аппарат отсутствует почти полностью. Ссылки на другие работы встречаются весьма редко. При чтении этой книги очень трудно отделить фактический материал от вымысла автора. Е. Т. Соловьев нередко на очень небольшом материале делает далеко идущие выводы. Например, взяв из статьи Н. Сорокина восемь значки выводов. Например, взяв из статьи Н. Сорокина восемь значков, из которых один является татуировкой на руке остяка, а остальные — вогульские личные тамги, он делает обобщения о тамгах «остяков, вогулов и сибирских инородцев вообще». Знаки тамгах «остяков, вогулов и сибирских инородцев вообще» комментируются совершенно произвольно, без всякой связи с утверждениями самого Н. Сорокина. Таблицы составлены Соловьевым крайне путано. Названия тамг приводятся в единичных случаях.

В заключение книги даются таблицы «постепенности усложнения форм знаков», где сложные знаки выводятся от простых линейных форм. При этом автор часто производит стилизованные рисунки разных народов от позднейших линейных знаков собственности, относя их ко времени «появления тамг». Итогом работы Е. Т. Соловьев считает маловразумительную таблицу, где им сравниваются тамги и знаки письменности русских, украинцев, финнов, мордвы, лопарей, китайцев, греков, вогулов, корейцев,

мексиканцев, чувашей, египтян, арабов и др. Какими соображениями руководствовался автор, составляя эту таблицу, установить трудно. Е. Т. Соловьев выступил на V археологическом съезде с докладом о знаках собственности кавказских народов¹¹.

Книга Е. Т. Соловьева в научной литературе совершенно не используется. Исследователи неоднократно указывали на научную несостоятельность его взглядов и невозможность использования данных его работы.

В 1889 г. вышла в свет очень ценная работа Н. Н. Оглоблина «Остяцкие знамена в XVII в.»¹². Н. Н. Оглоблин собрал и опубликовал 85 тамг хантов, селькупов и кетов, но он не определял принадлежности тамг тем или иным народам. Он видел в угорских знаменах зачатки «родовых гербов и печатей», «попытки рисования» и т. п. Объяснение знамен Н. Н. Оглоблиным имеет довольно произвольный характер.

Н. Н. Оглоблин опубликовал знамена народов Сибири, встречаемые им на документах XVII в. в фонде Сибирского приказа Московского архива Министерства юстиции¹³. Всего в публикацию вошло 190 тамг, преимущественно обских утров.

Большой прогресс в области методики изучения тамг был достигнут в работе Н. Аристов «Опыт выяснения этнического состава киргиз-кайсаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследованиях». Автор тщательно изучил тамги и ураны (боевые кличи) киргиз-кайсаков, сделал подробные сопоставления с этнографическими материалами о них и пришел к весьма существенным выводам: он установил разницу в личных тамгах и родовых знаках собственности, проследил «прочность и неизменность тамг, пока род не слишком велик», изменение знаков при разделе рода и семей, когда за основу бралась родовая тамга и к ней «добавлялись дополнительные знаки»¹⁴. На материале тамг автор устанавливает связи между семьями и родами, подкрепляя свои выводы наблюдениями этнографического порядка.

В работе Н. Аристов делается попытка обобщить сведения о тамгах других народов и дать им объяснение. В частности, Аристов пытается трактовать знаки обских утров. О знаке «шай-анская рожа» (см. стр. 107—110) Н. Аристов пишет: «...вероятно, у остяков это была просто тамга многочисленной кости

Соловьев, 1887.

Оглоблин, 1889.

Оглоблин, без года.

Аристов, 1894, стр. 412.

или рода, шайтанской же рожей именовали ее служилые приказные люди, замечая ее в числе других тамг и изображений на бубнах шаманов, «служителей шайтана»¹⁵.

Как будет показано далее, предположение Н. Аристово неправильно. Эта тамга имеет сакральный характер и не связана с родовыми тамгами. Н. Аристову было трудно делать правильные выводы, пользуясь комментариями Н. Н. Оглобина. Относительно другого сакрального знака остяков — скобеля — Н. Аристов пишет, что название его происходит от орудия для добывания огня. Догадка Н. Аристово близка к истине. На свастику у хантов в XVII в., действительно, перешло название орудия, но не для добывания огня, а скребка для выделки шкур, на котором аналогичные знаки ставились еще в усть-полуйское время.

В 1900 г. вышла в свет работа Н. Харузина, посвященная тамгам мордвы в XVI и XVII вв.¹⁶ Н. Харузин собрал 170 знаков мордвы Арзамасского, Алатырского, Нижегородского и Тамбовского уездов по отказным книгам, одному столбцу Сибирского приказа (№ 106) и трем делам фонда грамот Коллегии экономии Московского архива Министерства юстиции. Н. Харузин привлек труды П. Богаевского, описавшего в работе о религиозных представлениях вотяков их родовые тамги, работу Г. Майкова о юридическом быте мордвы и др. Н. Харузин прослеживает знаки собственности у мордвы начиная с XVI в. Он приводит примеры описаний русскими приказными знамен нерусских народностей. Так, по Н. Харузину, в записи о разделе имений на реке Пьяна знамена объясняются следующим образом: «Знамя Смирново Романово лапти, стрела, рубежи»; кроме того, названы «дуга, четыре глаза да три гужа» и в ряде других случаев то же самое с разным количеством «глаз» и «рубежей»¹⁷. В дарственной записи Николо-Чернеевского монастыря, по сообщению автора, упоминаются в качестве мордовских знамен сабли и «поиски»¹⁸. Н. Харузин на основании анализа тамг делает конкретные выводы о родственных связях у мордвы в XVI—XVII вв.

Следует отметить, что тамги финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Южного Урала исследованы крайне мало, хотя эти знаки сохранились в документальных материалах полнее и с более ранних времен, чем тамги других народов России. Тамги народов Поволжья имеются в документах, имеющих более регулярный и массовый характер. Это объясняется прежде всего более ранним знакомством русских с этими народами, чем, например, с народами Сибири, более четким администрированием и т. п.

*

¹⁵ Аристов, 1894, стр. 458.

¹⁶ Харузин, 1900.

¹⁷ Там же, стр. 65.

¹⁸ Там же.

Знаки народов Поволжья представляют исключительный интерес и являются важным историческим источником. Профессор Ч. Лоукотка считает черемисские тамги одними из самых интересных¹⁹.

Особенно много этих знаков в материалах ревизий, генерального межевания и налоговой документации XVI—XVII вв.

Очень интересна работа Д. Н. Соколова, посвященная башкирским тамгам. Она была напечатана литографским способом. Д. Н. Соколов исследовал обширный материал как архивный, так и этнографический. Он показал, что развитие грамотности почти не повлияло на употребление тамг. Автор сделал вывод, что башкирская тамга есть знак семейной собственности или собственности домохозяина и что подписывание тамгой актов значило «применение ее к новой функции» — фамильной печати. Этот вывод для башкирских тамг правилен.

Д. Н. Соколов утверждал, что у киргизов, татар-ногайцев, туринских и красноярских татар в XVII в. существовали общеродовые знаки. Но он ошибочно считал территориальные группировки туринцев, качинцев и аринцев родами. Констатируя существование в XVII в. общих знаков у этих объединений, Соколов ошибался в определении типа общности.

Д. Н. Соколов заметил, что у народов Сибири существовали «кастовые тамги у духовенства и родовой верхушки». Исходя из почерпнутого у Н. Н. Оглобина неверного трактования тамг обских угуров, Соколов высказал неверные взгляды относительно знамен остяков и вогулов. «Остяк, — писал Д. Н. Соколов, — выбирает себе тамгу по собственной фантазии, несколько не соображаясь с тамгами отца или иных родственников»²⁰.

У башкир Д. Н. Соколов проследил порядок наследования тамг и отметил, что развитие их тесно связано с социальными и имущественными отношениями. Основным наследником имущества отца у башкир был старший сын. Он же получал в неизменном виде тамгу отца. Так сохранялся «естественный порядок» наследования имущества по старшинству и фиксировалась «основная, старшая линия рода». Младшие дети изменяли тамгу отца, вводя в нее отличительные детали. Автор вводит понятие «основная тамга», т. е. прототип знака рода. Выявляя основную тамгу, автор устанавливал родственные связи башкир в конце XIX — начале XX в.

Д. Н. Соколов показал, что для башкирских тамг характерно «употребление прямых и ломаных линий». Он сопоставил их с мещеряцкими, мордовскими и вотяцкими знаменами и подчеркнул графическое различие знаков разных народов, оговаривая тот факт,

*

¹⁹ Лоукотка, 1950.

²⁰ Соколов, 1904, стр. 17.

что башкирские тамги являются стилизованными изображениями различных орудий и животных, но не раскрывая их происхождения. Он подчеркивает, что башкирские тамги даже для их владельцев стали совершенно абстрактными знаками и не имеют общепринятых в роду названий.

Автор аргументирует стабильность тамг, показывая, что при создании территориальных и административных объединений из людей различных родов родовые тамги остаются раздельными и сохраняются очень долго. Составленные Д. Н. Соколовым таблицы содержат более 1 тыс. тамг башкир и выглядят весьма убедительно. Таблицы составлены по принципу развития «основных тамг». В них показана эволюция башкирских знамен и на этом материале прослежена дифференциация башкирских родов.

В советской этнографической литературе мало специальных работ о тамгах народов СССР и народов Сибири в частности. Обобщающих работ среди них нет. Вопрос о тамгах рассматривается в работах С. И. Руденко, В. Н. Чернецова, В. И. Мошинской, С. А. Токарева (см. список литературы на стр. 220 — 223), тамгам нганасанов и энцев посвящена статья Б. О. Долгих²¹.

*

²¹ Долгих, 1957.

ВЕРХОТУРСКИЙ УЕЗД

Вогоулы

*

Знакомство русских с обскими уграми и, в частности, с вогулами восходит к X — XI вв. В XI в. появились летописные сообщения об уграх. В 1484 г. московскому князю били челом о принятии в подданство вогульские и угорские князцы¹. В XVI в. сибирские земли были поделены русским правительством на Обдорию и Кондию. В этот период в Западной Сибири был создан местный аппарат управления и началась интенсивная колонизация восточных земель. Первоначально административным центром вогульских земель — от верховьев Уфы до истоков Печоры — являлся Лозвинский городок, основанный в 1590 г. Через семь лет возник Верхотурский острог, имевший более выгодное расположение, и вскоре он стал опорным пунктом русской колонизации. Место, на котором возникло Верхотурье, было заселено гораздо раньше того времени, когда Артемий Бабин открыл удобную дорогу от Соли Камской в Сибирь, на верховья Туры (в новиковском географическом словаре сообщается, что потомки А. Бабина живут в деревне Чикман Верхотурского уезда). Так, в «Новом и полном географическом словаре», составленном в 60—70-х годах XVIII в., указывается: «...на том месте (гостиного двора.— Ю. С.), где сей город стоит, была в древние времена вогульская крепость, называемая пермским и сирийским языком Нером Кара, и от сего древнего пермского названия происходит имя реки Неромки, впадающей в двух верстах пониже города в реку Туру...»²

В начале XVII в. (1602 г.) к Верхотурью был присоединен ряд волостей Туринского уезда, несколько позже из Верхотурского уезда были выделены вишерские и сылвенско-иренские вогулы, приписанные к Чердыни.

В результате постепенного изменения политико-административного деления к концу первой четверти XVII в. Верхотурский

*

¹ См. Пыпин, 1888, т. 4, стр. 691.

² «Новый и полный географический словарь Российского государства», М., 1788.

уезд стал почти чисто вогульским. Подсчеты Б. О. Долгих убедительно показывают, что численность вогульского населения в Верхотурском уезде была совершенно незначительной³.

В течение XVII в. происходило интенсивное проникновение русских на восток и север Сибири. К началу этого времени Верхотурский острог имел уже до 250 домов и до 27 каменных лавок на гостинном дворе. К середине XVIII в. в Верхотурье было более 700 купцов. Основной предмет вывоза из Сибири — «мягкая рухлядь» — привлекал в Сибирь русских промышленных людей, купечество и представителей государственной власти. Продвижение служилых людей на восток по территории Сибири было связано с «приведением под государеву руку» сибирских народов. Правительство, стремясь увеличить доход от сбора ясака, регулярно проводило сыски ясачных людей. Опрос населения при сыске и свидетельские показания сопровождалась подписью документов, т. е. приложением тамг. Порядок рукоприкладства был регламентирован правительством, однако до Соборного уложения 1648/49 г. установленные законом нормы юридического оформления сысков были весьма неопределенны. Соборное уложение 1648/49 г. оговорило порядок рукоприкладства у татар, распространенный затем на все нерусское население: «а которые грамоте не умеют и у тех у ясачных людей имати обыски за их знамяны...»⁴

Другим документом, где требовались подписи, были челобитные. Здесь ясачные люди тоже ставили свои тамги.

Когда у вогулов укоренился порядок ставить свои тамги под документами, установить трудно. Одна из подлинных челобитных вогулов, датированная не позднее 1598 г. («Царю, государю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси бьют челом и плачутся ис Сибири пельымские ясашные вагульчи Гонко Челдин за всех своих вогулич место...»), найденная Г. Ф. Миллером, знамен не имеет⁵. Первые знамена вогулов в документах Верхотурского уезда появились под сыском, произведенным в июне — ноябре 1646 г.⁶ Обысканы были Сосвинская, Лозвинская, Туринская и Мулгайская волости.

В 1652/53 г. был проведен сыск в Уфимских (Уфилских), Мулгайской и Туринской волостях⁷. Через год был обыск в Чусовской, Сосвинской, Лозвинской, Лялинских и Козвинской волостях. После пятилетнего перерыва в Верхотурском уезде вновь был произведен сыск. 28 мая 1659 г. в Сосвинской и Лозвинской волостях верхотурский стрелец Яков Яковлев опросил ясачных

*

³ Долгих, 1960, стр. 23.

⁴ Соборное уложение 1648/49 г., гл. X, ст. 161.

⁵ ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, оп. 199/2, портфель 478, ч. 1, № 78.

⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 282, лл. 305—316.

⁷ Там же, стлб. 501, лл. 236, 239, 237.

людей. 30 мая стрелец Василий Желваков обыскал Туринскую⁸ и Мулгайскую волости. 9 июня стрелецкий десятник Иван Мелентев произвел сыск в Лялинских и Козвинской волостях. Обыск уезда закончил 27 июня верхотурский стрелец Григорий Туманов, допросивший верхотурских и чусовских вогулов⁹. Во всех документах сыска 1659 г. имеются знамена ясачных людей.

В 1680 г. была обыскана населенная вогулами Вагильская волость, приписанная к Верхотурью¹⁰.

В перечисленных документах имеется более 300 тамг. За XVIII в. вогульских знаков под документами пока не обнаружено. Во второй половине XVIII в. прочно закрепился порядок ставить под официальными документами печати, выданные должностным лицам из местного населения.

Не дали никакого результата поиски знамен в материалах Межевого отдела Центрального государственного архива древних актов, где было просмотрено более 1 тыс. дел по обмежеванию Верхотурского уезда Пермской губ. в первой четверти XIX в. Если в полевых журналах, спорных земельных делах и планах по Поволжью имеется чрезвычайно много тамг местного населения, то в аналогичных материалах по Верхотурью их нет. Это объясняется тем, что в качестве свидетелей здесь привлекались в основном русские, знавшие грамоту, священники, старосты и пр. При рукоприкладстве в этот период по большей части сохранялся известный порядок. Первыми ставили тамги сотник, десятник и другие должностные лица, а затем остальные ясачные вогулы последовательно от «лучших» до «худых» людей. Таким образом, место тамги под документом отражает имущественную дифференциацию вогульского населения волости. Изучение вогульских знамен показало также, что родственники с нераздельным имуществом обычно ставили тамги рядом, а ясачные люди, имеющие самостоятельные хозяйства, подчинялись общему правилу.

Обычно знамена написаны нечетко. Причина этого весьма естественна: вогулам приходилось пользоваться непривычным оружием письма — пером — и ставить тамгу на незнакомом материале — бумаге. Поэтому определить сюжеты вогульских знаков довольно сложно.

Подгородние (Первая и Вторая) Лялинские волости вместе в 1645 г. насчитывали до трех с половиной десятков ясачных людей. По подсчетам Б. О. Долгих, в Лялинских волостях было 15 мужчин¹¹. По сыску 1646/47 г.¹², в этих волостях также

*

⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, лл. 233—250.

⁹ Там же, стлб. 567, ч. I, лл. 35—40.

¹⁰ Там же, стлб. 936, л. 105.

¹¹ Долгих, 1960, табл. 1.

¹² ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 282, л. 311 об.

имелось 15 ясачных вогулов. Таким образом, под обыскными реками поставили свои тамги все взрослые мужчины Лялинских волостей. Каждый знак имеет подпись: знамя такого-то (имя). Значение знаков не указано.

Тамга 1/1 принадлежит сотнику Сайтыбаю Подгibalову, а тамга 1/10 — его брату Митрофану. Их знаки различны. Обращает на себя внимание знак Митрофана Подгibalова в форме

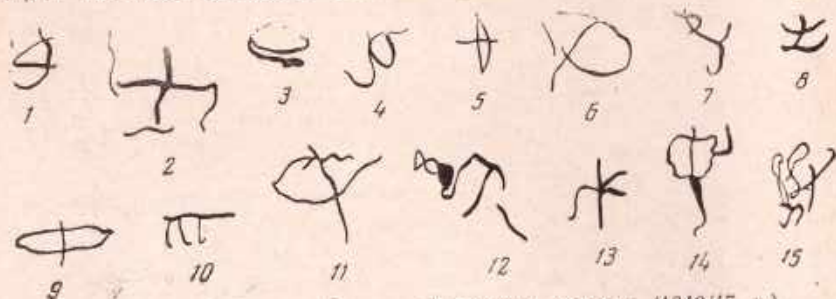

Таблица 1. Первая и Вторая Лялинские волости (1646/47 г.)

треухаубой гребенки. Такая же тамга была у сотника Сосвинской волости Гани Кумычева (см. 6/26).

Знамена 1/6 и 1/8 поставлены братьями Квакором и Никитой Каймаковыми. Тамги у обоих — луки. Эти знаки настолько отличаются по рисунку, что каждый из них воспринимается как совершенно самостоятельная тамга. Из 15 тамг 9 изображают луки. Интересны два последних знамени — 1/14 и 1/15, которые принадлежат братьям Тушину и Делге Ивашковым. Эти знаки также различны. Нечеткость рисунков не позволяет достоверно определить, что они изображают, как и знаки 1/1 и 1/7. Очевидно только, что Ивашковы, будучи братьями, имели разные тамги.

Знамя 1/2 Сандры Меркушина изображает скобель — знак, часто употреблявшийся березовскими остяками¹³.

В табл. 2 показаны знаки обыска 1654 г.¹⁴ Здесь Сандра Меркушин поставил знак «лук» (2/1), в то время как под обыском 1646/47 г. он написал скобель (1/2). Ентыш Одинцов (2/2) поставил свою прежнюю тамгу — лук. Очевидно, тамгой Сандры Меркушина был, как и у большинства ясачных вогулов, лук. Знак «ско-

*

¹³ Не упомянутые в тексте знаки принадлежат: 3 — Пондьяку Кавидекову, 4 — Василию Овашкину, 5 — Мочаю Казымбаеву, 7 — Седуну Казымбаеву, 9 — Ентышу Одинцову, 11 — «каймаку» прозвищем Моча, 12 — Оглю Кушину, 13 — Кубаю Тушину.

¹⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, л. 252 об. Обыск 11 декабря 1654 г. Лялинских и Козвинских волостей.

бель» употреблялся им, вероятно, в том же значении, что и у остяков, т. е. он имел культовый характер¹⁵.

Все пять знамен сыска 1654 г. представляют собой луки. Каждый знак подписан: «знамя такого-то» (имя)¹⁶. Значение знаков не указано. К сыску этого года была привлечена только часть вогулов, так как в 1651 г. Первая Лялинская волость насчитывала 11, а в 1660 г. — 15 ясачных людей.

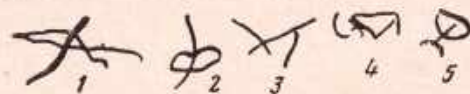

Таблица 2. Первая Лялинская волость. 1654 г.

Во Второй Лялинской волости¹⁷ поставили тамги в основном новопривывшие ясачные люди, 6 человек — около половины всего мужского населения волости¹⁸. Знаки подписаны именами их владельцев, но не расшифрованы¹⁹. Знаки 3/1—3/3 и 3/5 — луки. Спорной является тамга 3/4 поставленная Ситом Богдашиным. На первый взгляд, этот знак напоминает профильный рисунок птицы, например остяцкий знак тетери. Автору данной работы знамя Сита Богдашина представляется плохо написанным знаком лука. Тамга 3/6 обозначает скобель.

Таблица 3. Вторая Лялинская волость. 1654 г.

Козвинская (Косвинская) волость, близко расположенная к Подгородним Лялинским волостям, обычно обыскивалась вместе с ними. Первые тамги ясачных людей этой волости относятся к 1654 г.²⁰ Они подписаны именами владельцев.

*

¹⁵ См. о знаке «скобель» у березовских остяков стр. 70—119.

¹⁶ 1 — Сандра Меркушин, 2 — Ентыш Одинцов, 3 — Кургуя Пондьяков, 4 — Седун Казымбаев, 5 — Кара Горшков.

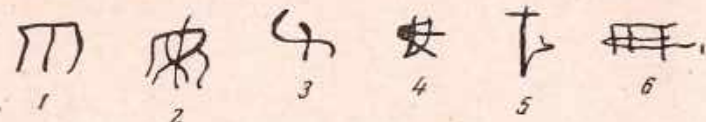
¹⁷ Знамена сыска 1659 г. приведены при рассмотрении тамг Козвинской волости, так как из восьми тамг, имеющих под этим сыском, весьма сложно выделить знаки лялинских и козвинских вогулов.

¹⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, л. 251 об. Обыск 1654 г. Лялинских и Козвинских волостей.

¹⁹ 1 — Кухтер Ткинов, 2 — Дмитрий Каймаков, 3 — Семен Васин, 4 — Сит Богдашин, 5 — Лип Огосев, 6 — Шульга Калмыков.

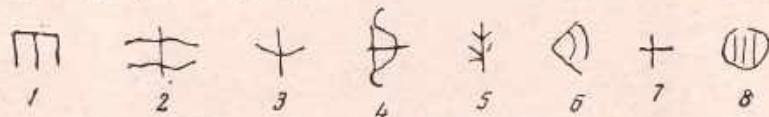
²⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, л. 250 об. Сыск Лялинских и Козвинских волостей 1654 г.

Здесь, как и в знаменах лялинских вогулов, имеется тамга, изображающая гребенку. Этот знак принадлежал Дею Тавдыкову (4/1). В тексте сыска и в подписях знамен не указывается его должностное положение, однако имеются все основания полагать, что он был административным главой волости. Об этом прежде всего говорит тот факт, что он поставил первым свою тамгу под сыском. Кроме того, Дею Тавдыкову упоминается в нескольких документах сыска (отписках и челобитных стрельцов, проводивших сыск) как лицо, выступающее в качестве представителя всех ясачных людей своей волости. Его знак подобен тамгам лялинских сотников и членов их семей.

Т а б л и ц а 4. Козвинская волость. 1654 г.

Среди тамг ясачных людей Козвинской волости имеются остяцкий скобель (4/3), лук (4/4), вероятно, изображение рыболовной снасти (4/6), и весьма интересный знак, напоминающий печатную букву «ять» (4/5). Точно такой же знак был обнаружен

Т а б л и ц а 5. Козвинская и Лялинская волости. 1659 г.

Г. Ф. Миллером на одном из вогульских «идолов»²¹. Под сыском 1654 г. поставили тамги все ясачные люди волости. Все знамена подписаны²².

Из знамен, поставленных под сыском 1659 г.²³, выделить знаки козвинских вогулов крайне трудно. Новые знаки — дерево, тождественный знаку «ель» белогорских остяков (5/5); диск, перечеркнутый тремя чертами (5/9), не встречающийся ни у остяков, ни у вогулов; лук с выгнутыми концами (5/4), как на татарских тамгах, — могут быть одинаково отнесены как к лялинским, так и к козвинским вогулам.

*

²¹ ЦГАДА, Портфель Г. Ф. Миллера, оп. 199/2, портфель 509, № 7.

²² 1 — Дею Тавдыков, 2 — Ян Новиков, 3 — Владимир Семенов, 4 — Казей Богданов, 5 — Емшан Кокормылов, 6 — Фар Петрушин.

²³ ЦГАДА, Сибирский приказ, слб. 367, ч. 1, лл. 38 об. — 39 об. Сыск верхотурского стрельцового десятника Ивана Мелентьева 9 июня 1659 г.

Тамга в виде лука, поставленная под сыском, могла возникнуть только под татарским влиянием. Возможно, что в этом сыске в качестве свидетелей выступали соседи козвинских вогулов — остяки и татары, поставившие свои тамги.

Козвинская волость к 1660 г. состояла из пяти ясачных людей, а к 10-м годам XVIII в. вообще выбыла из оклада.

Самая крупная из верхотурских вогульских волостей — Сосвинская — представлена более чем 40 тамгами²⁴ в сысках 1646/47 г.²⁵, 1654 г.²⁶ и 1659 г.²⁷ Знаки подписаны, но не расписаны. Знамена сосвинских вогулов — очень интересный материал.

Знаки 6/3 и 6/5 принадлежат отцу и сыну — Осе Ленгину и Катышу Осину. Тамги изображают силок — треугольную петлю с веревкой. Графически эти знамена совершенно различны. Ося Ленгин рисует свой знак одним росчерком от центра основания треугольника влево. Его сын рисует тот же знак тремя чертами. Установить сходство обеих тамг на первый взгляд трудно. Здесь сын взял тамгу отца, видоизменив ее до такой степени, что она практически потеряла свой первоначальный вид.

Брат Оси Ленгина Валка имеет совершенно другую тамгу (6/13). Его знак несколько напоминает арабские буквы «далъ» с зубчиком и «вав». Вероятно, эта тамга является подражанием татарскому письму. В 1654 г. под сыском поставил свою тамгу Ося Ленгин (6/27). Она не имеет ничего общего со знаками остальных Ленгиных.

Тамги отца и сына — Симпы Алпаутова (6/7) и Фомы Симпина (6/16) — не имеют сходства в начертании, хотя и возникли из общего прототипа.

Под обоими обысками приложили руки Онисим, Танчер, Якуния, Танча и Якун Меркушины (6/19, 6/21, 6/22, 6/31, 6/40). Тамги

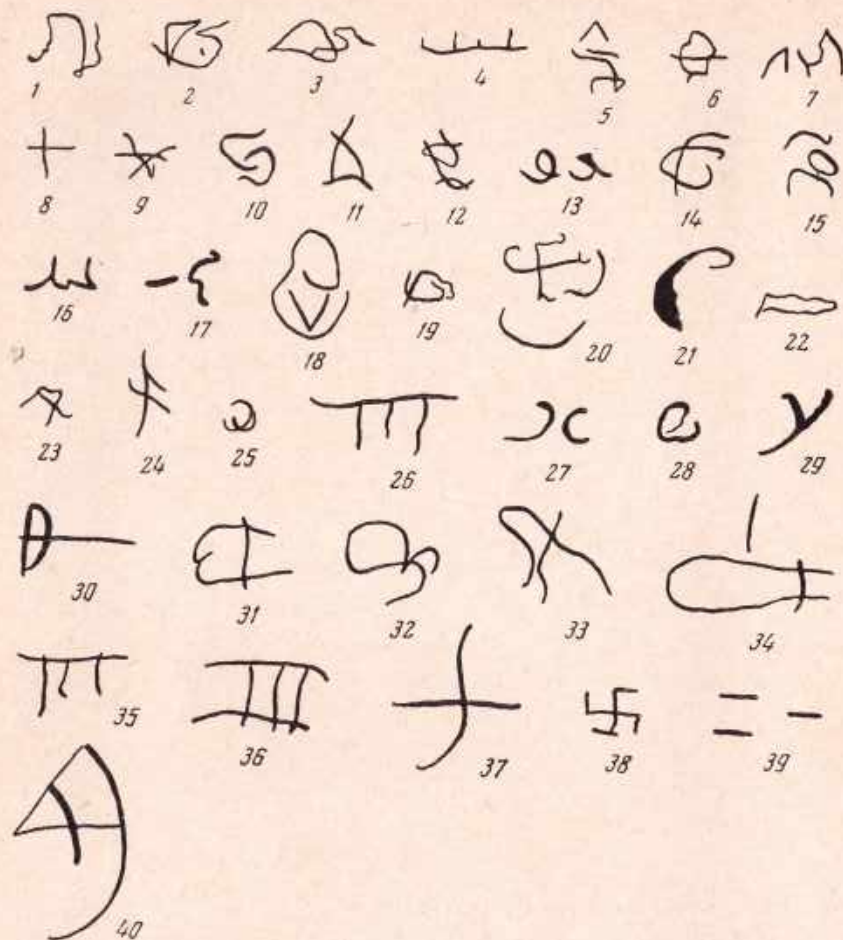
*

²⁴ 1 — Чемра Чагин, 2 — Гриша Кумычев, 3 — Ося Ленгин, 4 — Гаяя Гришин, 5 — Катыш Осин, 6 — Мороз Енташев, 7 — Симпа Алпаутов, 8 — Делеша Андришин, 9 — Малай Чекин, 10 — Алтынец Милевкин, 11 — Талай Токоимасов, 12 — Миша Еригов, 13 — Валка Ленгин, 14 — Фола Гришин, 15 — Табалас Сотин, 16 — Фома Симпин, 17 — Камика Якимин, 18 — Курака Касемаков, 19 — Онисим Меркушин, 20 — Казарин Елис, 21 — Танчер Меркушин, 22 — Якуня Меркушин, 23 — Чебыда Ечин, 24 — Ормак Токучев, 25 — ?, 26 — Гаяя Кумычев, 27 — Ося Ленгин, 28 — Селя Пятков, 29 — Каташ Осипов, 30 — Алексей Чамров, 31 — Танча Меркушин, 32 — Табылтак Сотин, 33 — Якуня Палкин, 34 — Четыр Ларчиков, 35 — Василий Андреев, 36 — Михаил Чертов, 37 — Камига Якушин, 38 — Делга Андреев, 39 — Чеба Васчин, 40 — Якун Меркушин.

²⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, слб. 282, л. 305 об. Обысканные речи ясачных вогулов Верхотурского уезда 1646/47 г.

²⁶ Там же, слб. 501, л. 248 об. Обыск 20 декабря 1654 г. Сосвинской волости Верхотурского уезда.

²⁷ Там же, слб. 567, ч. 1, л. 35 об. Сыск верхотурского стрельца Якова Яковлева Сосвинской и Лозвинской волостей Верхотурского уезда 28 мая 1659 г.

Т а б л и ц а 6. Сосвинская волость:

1—25 — 1646/47 г.; 26—40 — 1654 г.

этих пяти представителей одного рода резко отличаются друг от друга.

Подобных примеров можно привести довольно много. Все вогулы Сосвинской волости были связаны близким родством. Даже беглое знакомство с приведенной таблицей приводит к мысли, что у сосвинских вогулов были личные тамги, наследственный характер которых трудно выявить уже в XVII в. Пример с Осей Ленгиным и Катышем Осиным говорит о преемственности в некоторых случаях тамг от отца к сыну. Анализ ясачных книг, поз-

воляющий выявить хозяйственную структуру вогульского общества, объясняет это на первый взгляд противоречивое явление. Сыновья, становясь самостоятельными охотниками, но живя в доме отца, имели личную тамгу, созданную на основе отцовской. При разделе семей сыновья могли брать себе новую тамгу или еще более изменять прежнюю.

Среди тамг сосвинских вогулов имеются два четких рисунка остяцких знаков скобеля (6/20, 6/38) и одного знака «шайтанская рожка» (6/39). Эти «знамена» явно невогульские. Рисунок шайтанской рожки, как и четкие изображения скобеля, более ни в одной из вогульских волостей не повторяются. Наличие этих тамг у населения Сосвинской волости, вероятно, свидетельствует о проникновении туда березовских остяков. Появление таких знаков

Т а б л и ц а 7. Сосвинская волость. 1659 г.

под сысками, как и появление новых тамг, вызывалось самим назначением обысков. При обысках наряду с уже объясченными людьми опрашивались и вновь прибывшие, прикладывавшие руку к своим расспросным речам.

Следует отметить, что и в Сосвинской волости род Кумычевых, члены которого занимали должность волостного сотника, имел тамгу, подобную знакам сотников рассмотренных выше волостей (6/4, 6/26, 6/35).

Сыск 1659 г. обнаружил миграцию в Сосвинскую волость остяков из Белогорья. Обыскные речи были взяты у четырех ясачных остяков из одной семьи, и все четверо поставили знак «ель» (7/2—7/5). Их речи подтвердил сотник Гая Кумычев. Он написал знамя в виде трехзубой гребенки (7/1).

Тамги вогулов Лозвинской волости²⁸ представлены значительно беднее, чем в предыдущих волостях. К сыску 1654 г. было привлечено всего шесть человек, хотя в ней в это же время насчитывалось приблизительно 15—16 ясачных людей²⁹. Знаки лозвинских вогулов, несмотря на близкое соседство и многочисленные родовые связи с сосвинцами, самостоятельны.

Тамга 8/1 принадлежит Степану Ленгину, брату Оси Ленгина, который жил в Сосвинской волости. Между тамгами братьев сходства нет. Тамга Степана Ленгина — совершенно самостоя-

✱

²⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, столб. 501, л. 246. Сыск Сосвинской и Лозвинской волостей Верхотурского уезда 20 декабря 1654 г.

²⁹ Долгих, 1960, табл. 1.

тельный знак, обозначающий, самое вероятное, гимгу или аналогичную рыболовную снасть³⁰.

Тамга Камиги Носайкова (8/2) также изображает гимгу. Остальные знамена расшифровать сложно. Последний знак, без сомнения, означает лук. Начертание его здесь чрезвычайно характерно для изображения вогулами луков (8/6)³¹.

Т а б л и ц а 8. Лозвинская волость. 1654 г.

Несколько тамг лозвинских вогулов имеется и под сыском 1659 г. Здесь тамги лозвинцев даются вперемежку со знаками сосвинских вогулов и выделить их не представляется возможным.

Туринская волость по численности ясачного населения стояла на втором месте (после Сосвинской). В документах эта волость нередко называется Низтуринской. Обсуждалась она, как правило, вместе с Мулгайской волостью. Костяком волости был род Белгилдиных, представители которого фигурируют в источниках как «лучшие ясачные люди». Белгилдины были самыми зажиточными людьми волости. В 40—50-х годах XVII в. Исангильда Белгилдин почти в течение двадцати лет упоминается как сотник Туринской волости.

Под обыском 1646/47 г.³² поставили тамги пять человек из рода Белгилдиных: Исангильда (9/7), Янил (9/17), Ингирда (9/18), Меньшик (9/23) и Енгильда (9/34). У братьев Белгилдиных знамена имеют один общий прототип — лук. Все рисунки луков сильно стилизованы и отличаются по начертанию. Здесь налицо факт применения родового знамени в качестве личной тамги. То, что Белгилдины были братьями, вряд ли может вызвать сомнения, да и неродовитого русского, обычно писалось имя отца данного человека и его собственное имя. Все перечисленные вогулы были сыновьями Белгилды. Генетически связаны также тамги братьев Турачевых — Якуни и Анты (9/11, 9/14).

Можно привести еще несколько аналогичных примеров о связях тамг родственников у вогулов Туринской волости. Знамена

*

³⁰ См. Дунин-Горкавич, 1904, т. 1, стр. 102.

³¹ Остальные тамги принадлежат: 3 — Матвею Бордашину, 4 — Мите Алеметову, 5 — Асте Ваесову, 6 — Турбашу Розашкову.

³² ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 282, лл. 312 об., 314 об., 315/2 об.

туринских вогулов более сложны, чем знаки ясачных людей описанных выше волостей. По сложности начертания они приближаются к мулгайским тамгам. Изображения писцами не расшифрованы, но большинство их означают луки. Имеется знак остяцкого скобеля, принадлежащий Токучу Нелукову (9/2), рисунок сторожевого лука (9/3) и гимги (9/38).

Т а б л и ц а 9. Туринская волость:

1—38 — 1646/47 г.; 39—50 — 1652/53 г.

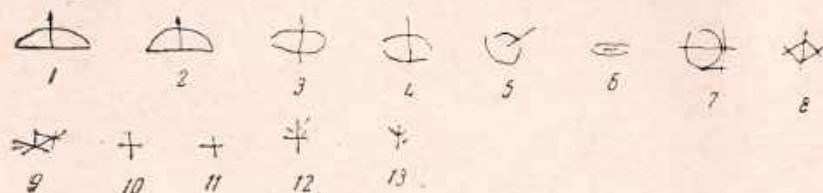
Чрезвычайно примечательны знаки вогулов, поставленные под сыском 1652/53 г.³³ Как и в тамгах других волостей, здесь появляются изображения остяцкой ели и остяцкого лука и стрелы с трехперым наконечником (9/43, 9/44, 9/46). Это может служить свидетельством о миграции остяков с востока, из Белогорья и из Березовского уезда, на вогульские земли. Туринские вогулы

*

ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, лл. 242—243.

одновременно испытывали сильное влияние татар. На это указывает широкое распространение у туринцев татарских имен и большая, чем в других волостях, стилизация изображений тамг, характерная для татар³⁴.

В середине XVII в. в Туринской волости насчитывалось около 60 человек³⁵. Рассмотренные источники содержат тамги лишь половины общего числа ясачных людей.

Т а б л и ц а 10. Туринская и Мулгайская волости. 1659 г.

Обыск 30 мая 1659 г., проведенный верхотурским стрельцом Василием Желваковым в Туринской и Мулгайской волостях³⁶, также сопровождался подписыванием тамг. Тамги ясачных людей обеих волостей вряд ли могут быть продуктивно использованы, так как они не комментированы.

Тамги Мулгайской волости имеются, кроме того, под сыском 1646/47 г., 1652/53 г.³⁷

Тамга 11/1 принадлежит мулгайскому сотнику Нантарку Минлыбаеву³⁸. Его знак несколько отличается от знамен сотников других волостей, однако рисунок гребенки, хоть и с пятью зубцами вместо трех, сохранен.

*

³⁴ В табл. 9 тамги 1649/47 г. подписаны владельцами: 1—Цыган Микитин, 2—Токуч Нелуков, 3—Сыял Тыянов, 4—Корей Дрошилов, 5—Гаш Чопов, 6—Ланча Тыянов, 7—Исангильда Белгилдин, 8—Ушага Челкишев, 9—Чигаи Микитин, 10—Токус Шловков, 11—Якуя Турачев, 12—Май Кыркумов, 13—Грош Юконов, 14—Анта Турачев, 15—Шум Черемкулов, 16—Иван Черемкулов, 17—Янил Белгилдин, 18—Янгирда Белгилдин, 19—Алаверда Чичигин, 20—Пенкиш Чичигин, 21—Атал Бердин, 22—Кабыч Комов, 23—Меньшик Белгилдин, 24—Лаша Тыянов, 25—Баймерат Челков, 26—Сафян Пускимов, 27—Буурхан Микитин, 28—Кузьма Храников, 29—30—?, 31—Кятнан Тугаев, 32—Усман Ерилов, 33—?, 34—Енгильда Белгилдин, 35—Сыряк Хабарин, 36—?, 37—Максим Баендин, 38—Баймурза Иркутов.

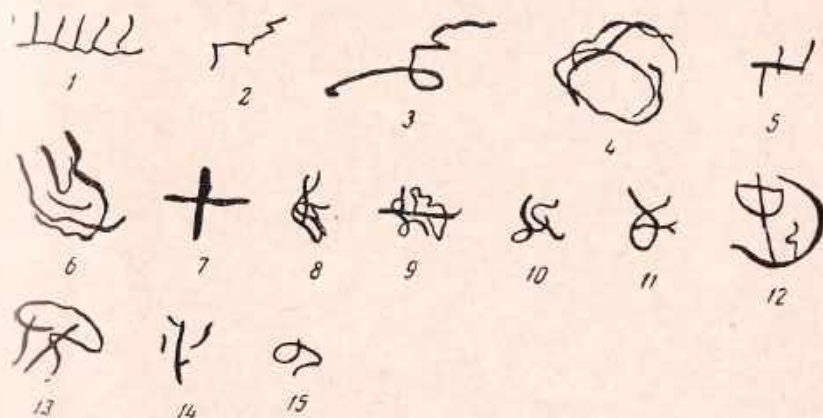
³⁵ Долгих, 1960, стр. 26.

³⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, слоб. 567, ч. 1, лл. 36 об.—37 об.

³⁷ Там же, слоб. 282, л. 312 об. и слоб. 501, л. 241 об.

³⁸ Владельцы остальных тамг: 2—Андрей Акбердин, 3—Ишимбай Истеяков, 4—Ушан Шарабашев, 5—Безбай Мантаев, 6—15—?.

Интересно происхождение тамги 9/29. Здесь рисунок лука помещен в полукруг со знаком, напоминающим букву «ять». Тамга, изображающая лук, была самым распространенным знаком у вогулов. Большинство ясачных людей создавало личную тамгу, по-разному варьируя его начертания. Некоторые брали за основу простое четкое изображение лука и окружали его другими знаками. В качестве примера можно привести тамгу вогула Мулгайской волости, поставленную под сыском 1652/53 г. (11/12).

Т а б л и ц а 11. Мулгайская волость:

1—5 — 1646/47 г.; 6—15 — 1652/53 г.

Тамги сыска 1659 г. трудно разделить на туринские и мулгайские. Среди знамен под этим обыском есть два знака в виде простого креста, какие часто ставили татары, знак ели с перекладной, характерный для белогорских остяков, и четкие рисунки луков вогульского типа.

Волость «верх Туры реки» (Верхотурская) состояла в середине XVII в. более чем из двух десятков ясачных вогулов³⁹. Тамги вогулов данной волости имеются только под сысками 1653/54 г.⁴⁰ и 1659 г.

Под первым обыском приложили руки шесть человек⁴¹. Знаки этих вогулов, не расшифрованные писцами, изображают луки. Две тамги (12/2 и 12/5) написаны в совершенно остяцком стиле. Вогулы крайне редко изображали лук со стрелой, имеющей двух-

*

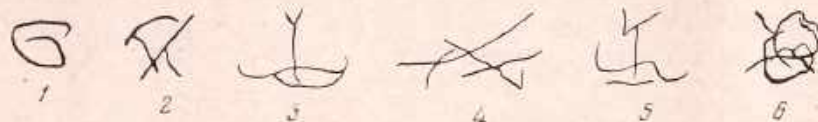
³⁹ Долгих, 1960, стр. 26.

⁴⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, слоб. 501, л. 233 об.

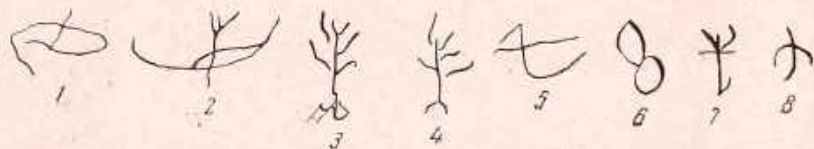
⁴¹ 1—Гай Баянов, 2—Стрец Цыбиртылов, 3—Клим Токомасов, 4—Тукал Шекилтемаков, 5—Грег Овдеев, 6—Никита Ловитов.

перый наконечник. Среди более чем трехсот изученных тамг вогулов аналогичных изображений наберется всего около десятка.

Тамги чусовских вогулов, как и тамги верхотурцев, есть под обысками 1652/53 г. (табл. 13)⁴² и 1659 г. (табл. 14)⁴³. Здесь имеются два знамени в виде остяцкого знака «ель» с корнями (13/3,

Т а б л и ц а 12. Верхотурская волость. 1653/54 г.

Т а б л и ц а 13. Чусовская волость. 1653/54 г.

13/4), остяцкий лук с трехперым наконечником (13/2) и скобель (13/5)⁴⁴. Таким образом, из восьми тамг только четыре можно отнести к чисто вогульским. Под сыском 1659 г. повторяются знаки остяцкого лука и ели. Манера изображений других луков — чисто вогульская.

Население волости «в Поле над Аятом озером» (Даяцкой) состояло не только из вогулов. Здесь жили, кроме того, остяки и терсяки.

Тамги, помещенные в табл. 15, принадлежат ясачным вогулам⁴⁵. Эти знаки отличаются большим своеобразием. Знамена, поставленные под сысками 1646/47 г. и 1652/53 г., имеют очень мало общего с тамгами вогулов рассмотренных выше волостей.

*

⁴² ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, л. 232 об.

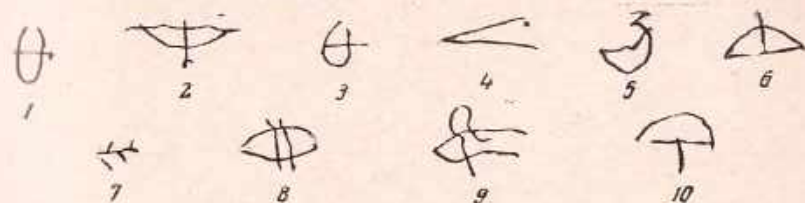
⁴³ Там же, стлб. 567, ч. 1, л. 40. Сыск верхотурского стрельца Григория Тумашова 27 июня 1659 г.

⁴⁴ Имена владельцев тамг: 1—Кузьма Лычков, 2—Мороз Ченчуков, 3—Захар Дементьев, 4—Сылод Тоболмасов, 5—Колмак Копчиков, 6—Тимофей Чеулов, 7—Горюстей Горчаков, 8—Кабай Муратов.

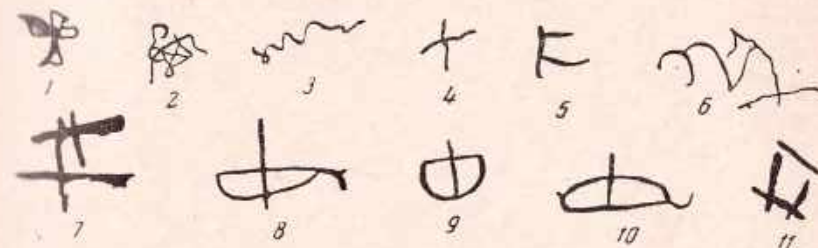
⁴⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 282, л. 308 (сыск Верхотурского уезда 1646/47 г.); там же, стлб. 501, л. 239 (сыск Верхотурского уезда 1652/53 г.). Тамги подписали: 1—Игнатий Елисеев, 2—Ахунов Итков, 3—Кукберда Карлышев, 4—Какуза Елгувасов, 5—Илербай Кашуротов, 6—Петр Игеев, 7—целовальник Кантя Моков, 8—Юлчур Ятаров, 9—Дунай Тылтов, 10—Максим Баратчуков, 11—Оцебай Емотов прозвищем Игнашка.

Тамги 15/3 и 15/5 схожи со знаками тобольских татар. Знамя 15/5 означает у них оглобли.

То же можно сказать и о луках. Ясачные луки по рисунку напоминают тамги пельмских татар и ясачных людей Епанчиной волости Туринского уезда.

Т а б л и ц а 14. Верхотурская и Чусовская волости. 1659 г.

Т а б л и ц а 15. Даяцкая волость:

1—6 — 1646/47 г.; 7—11 — 1652/53 г.

Тамги 15/7 и 15/11 представляют собой типичные татарские знаки. Для вогулов других волостей, как видно из приведенного выше материала, такие знамена не характерны.

К этой же группе тамг относятся знаки ясачных вогулов Уфимских—Уфимских, как их называли в XVII в., волостей. Тамги уфимских вогулов по манере начертаний и по сюжетам очень близки к татарским знакам соседних волостей (см. табл. 16⁴⁶ и 17⁴⁷).

Среди знамен вогулов Первой Уфимской волости нет знака, общего для всех вогулов,—лука. Лук со стрелой встречается только один раз, под сыском 1652/53 г. Второй Уфимской волости (17/11). Остальные тамги весьма просты по начертанию, их удоб-

*

⁴⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 282, л. 308 об. (сыск Верхотурского уезда 1646/47 г.); стлб. 501, л. 238 (обыск Верхотурского уезда 1652/53 г.).

Имена владельцев тамг: 1—Филат Кучемов, 2—Байкучук Икбердин, 3—Умирлат Токозин, 4—12—?

⁴⁷ Там же, стлб. 501, л. 236.

но использовать в качестве знаков собственности: тавров, бортовых тамг, знаков для разграничения угодий и пр. Знаки уфимских ясачных людей формировались, несомненно, под татарским влиянием.

Обращают на себя внимание два знамени вогулов Второй Уфимской волости — 17/3 и 17/10. Первое изображает остяцкий скобель, а второе — птичью лапу. Эта тамга — самая архаичная из всех знаков вогулов обеих волостей.

Таблица 16. Первая Уфимская волость:

1—3—1646/47 г.; 4—12—1652/53 г.

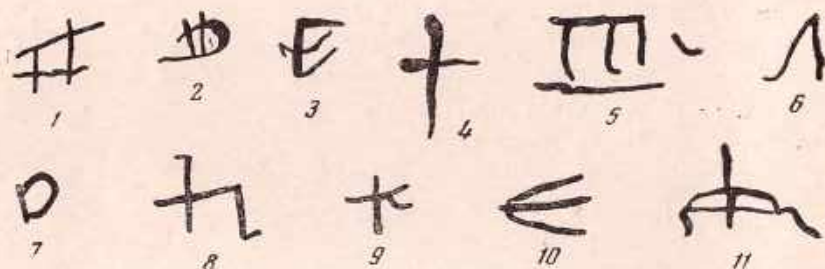

Таблица 17. Вторая Уфимская волость, 1652/53 г.

Рассмотренный материал позволяет разделить тамги вогулов Верхотурского уезда на две группы. В первую группу входят знамена ясачных людей Первой и Второй Лялинских, Козвинской, Сосвинской, Туринской, Мулгайской, Верхотурской и Чусовской волостей, во вторую — тамги ясачных людей Даяцкой и Уфимских волостей.

Знаки первой группы резко отличаются от тамг второй группы. Последние менее самобытны, они близки к татарским тамгам.

В литературе обычно о знаках обских угров в XVII в. говорится без выделения вогульских и остяцких тамг. Как будет видно дальше, такая постановка вопроса неверна. Об угорских

знаменах XVII в. говорить недифференцированно нельзя, так как юридические знаки верхотурских вогулов отличаются по значению и смыслу от знаков березовских, нарымских и сургутских остяков. В. Н. Чернецов в статье «К истории родового строя у обских угров»⁴⁸ отметил несинхронность развития одних и тех же общественных институтов у разных их групп. Это же подтверждается в работах выдающегося исследователя Сибири С. В. Бахрушина, который показал распад родового строя в XVII в. в Конде, Ляйне и так называемом Пелымском княжестве, наиболее ярко проявившийся в вогульских областях и гораздо слабее — в остяцких. Сам факт того, что в обысках этого времени в одних случаях выступают все, в других — только князцы, в третьих — только «лучшие люди», говорит за себя. В трудах С. В. Бахрушина дана яркая картина постепенного исчезновения коллективной собственности и углубления имущественной дифференциации в угорском обществе в рассматриваемый период⁴⁹. Однако это не означает, что вогульский род в то время уже распался и родовые отношения заменились иными. Процесс разложения родовых отношений тогда только начался. Впоследствии он затянулся на длительное время.

Более ранний распад родового строя у вогулов, чем у остяков, объясняется объективно-историческими причинами — тюркской экспансией и русской колонизацией. При покорении татарами вогульских княжеств зачастую полностью уничтожалась власть родовой верхушки, устанавливались новые отношения как внутри родов, так и между родами и родовыми объединениями. Русская колонизация сильно повлияла на хозяйственный уклад вогулов. Русские принесли новые хозяйственные орудия, которые отдавали в обмен на «мягкую рухлядь», установили строгий порядок налогового обложения, распространили, наконец, земледелие в тех областях Западной Сибири, где прежде его не знали. Царское правительство назначало сотников, десятников, целовальников и других должностных лиц, иногда не считаясь с родовыми традициями, что также, несомненно, влияло на родовые отношения.

Все эти изменения сказывались на вогульских тамгах. Нельзя согласиться с трактовкой вопроса о юридических знаках обских угров, предложенной В. Н. Чернецовым: «...в XVII в. параллельно с личными тамгами существовали знаки или знамена, принадлежавшие группам лиц и именуемые «ясачных людей» знаменами или «волостными» знаменами. Такое знамя являлось юридическим знаком данной группы»⁵⁰.

*

⁴⁸ Чернецов, 1947, стр. 160.

⁴⁹ Бахрушин, 1935.

⁵⁰ Чернецов, 1947, стр. 165.

В документах XVII в. вогулы ставили только личные тамги. То же можно сказать и о березовских осяках. Волостных тамг у обских угров в XVII в. не существовало. Исследователей вводила в заблуждение подпись, которую обычно ставили в том случае, когда руку прикладывал кто-либо из князцов сургутских или нарымских осяков: «знамя свое в товарищев своих место приложил». Здесь на первый взгляд тамга князца представляется родовой или даже фратриальной. На самом деле князец, будучи юридическим представителем волости, ставил свою личную тамгу. Когда под сыском, челобитной или другим документом одновременно с ним прикладывали руки другие ясачные люди, все они ставили свои тамги. Если волость состояла из одного рода, тамги по рисунку часто совпадали. Когда в волость входило несколько родов, знамена были отличными. Это можно проследить по таблицам знаков нарымских и сургутских осяков.

Родовые знаки у вогулов на какой-то стадии развития их общества, несомненно, были, но по документам XVII в. выявить прототип личных тамг вогулов уже трудно.

По материалам XVII в. можно проследить наследственность знаков. Когда имущество членов семьи было нераздельным, их тамги отличались друг от друга лишь в мелких деталях. В данном случае тамги как знак семейной собственности и принадлежности к семье имели общий прототип, а как личный знак — несколько отличные начертания. Такой порядок наблюдался у большинства народов в эпоху родового строя.

Хорошей иллюстрацией к этому выводу являются тамги рода Кукиных, приведенные В. Н. Чернецовым⁵¹. Здесь родовой знак — лапа филина — варьируется у каждого члена рода по-своему.

Когда вогул отделялся от своей семьи, он еще более изменял родовую тамгу, а иногда даже брал новую. Его личная тамга после отделения становилась знаком собственности не родового имущества, а имущества новой семьи и знаком принадлежности к ней. При новом разделе семей повторялось то же самое. Если родовые связи были еще достаточно крепкими, прототипом новых тамг оставался родовой знак. Это можно проследить на тамгах верхотурских вогулов в XVII в.

Д. Н. Соколов нашел аналогичное явление у башкир⁵². Он выяснил, что тамга в неизменном виде передается старшему сыну — наследнику имущества отца — и изменяется у младших сыновей, имеющих самостоятельные хозяйства.

Тенденцию изменять тамгу при разделе семей обнаружил у иганасанов и эйцев Б. О. Долгих⁵³.

*

⁵¹ Чернецов, 1947, стр. 169.

⁵² Соколов, 1904, стр. 18.

⁵³ Долгих, 1957, стр. 30.

Таким образом, связь изменений тамг с изменениями имущественного положения можно считать характерной для большинства народов на стадии разложения рода.

Чрезвычайный интерес представляет происхождение юридических знаков вогульских сотников.

По утверждению С. В. Бахрушина, деление на сотни восходит ко времени покорения вогульских княжеств татарами⁵⁴. Это наименование было условным. Обычно под сотней понимался исторически сложившийся круг населения с разным числом людей. В XVII в. сотнями обычно являлись вогульские волости. Исключение представляют Козвинская волость, бывшая «десятью», и Лозвинская, именуемая «пятидесятью». Сотники Лялинской и Сосвинской волостей Митрофан Подгибалов и Ганя Кумычев, козвинский десятник Дей Тавдыков и должностные лица других волостей под официальными документами ставили один и тот же знак в виде гребенки (см. 1/10, 6/26, 4/1).

Тамги сотников, одинаковые по рисунку, отличались некоторыми деталями — количеством зубцов, направлением их (вниз или вверх) и т. п. В некоторых случаях названные лица ставили другие, несомненно, родовые тамги. Это приводит к выводу, что рисунок гребенки был юридическим знаком главы данного округа, который возник вместе с делением на сотни.

В XVII в. власть сотников приобрела наследственный характер. Поэтому тамга в виде гребенки встречается у членов их семей, которые должны унаследовать эту власть. Остальные родственники сотников, как правило, употребляли свои личные тамги.

Употребление специальных юридических знаков у должностных лиц характерно и для пельмских вогулов.

Происхождение тамги вогульских сотников в виде гребенки в документах не раскрывается. Этот знак не мог быть связан с культом, так как являлся символом гражданской власти. Он, вне сомнения, был символом подчинения коллектива, члены которого были связаны кровными узами, одному лицу, что было связано с коллективным трудом. Коллективный труд у вогулов применялся только на рыбных промыслах. Одним из важнейших орудий ловли рыбы являлись описанные А. А. Дуниным-Горкавичем заграждения, «устройстваемые из расколотых на плашки жердей в 2—3 вершка ширины, 2,5—3 сажени длины»⁵⁵. Устройство и использование таких заграждений происходило обычно под контролем официальных должностных лиц. Это представляется тем более вероятным, что сотники назначались из представителей родовой верхушки. Тамга сотников, вероятно, и изображала заграждение для ловли рыбы.

*

⁵⁴ Бахрушин, 1935, стр. 21.

⁵⁵ Дунин-Горкавич, 1904, т. 1, стр. 102.

У должностных лиц остальных обских угров юридических знаков, ничем не связанных с родовыми тамгами, не встречено. Это тоже подтверждает отличие общественного уклада вогулов XVII в. от остяков.

Вогулов Верхотурского уезда от остальных угров Сибири отличается и отсутствие тотемических тамг уже в конце XVI—начале XVII в.

Важнейшим признаком рода, после экзогамии, является самоназвание. «В одних случаях,— пишет В. Н. Чернецов,— родовым именем является название тотемного животного или птицы, в других — имя предка-богатыря, в третьих — в качестве родового имени употребляются прозвища»⁵⁶.

Совершенно справедливо В. Н. Чернецов считает наидревнейшими названиями рода по имени животного — предка, особенно предка женского пола. Память о тотемных животных сохранилась до наших дней. Это позволило В. Н. Чернецову выявить в своих полевых исследованиях, что, например, у вогулов с реки Ляпин тотемами были орел (род Кукиных), филин, щука и др.⁵⁷ Тотемические воззрения вогулов отразились в орнаментике их одежды, предметов быта, оружия и т. д.

В тамгах XVII в. у вогулов Верхотурского уезда, однако, нет ни одного изображения животных. В это же время тамгами остяков были изображения птиц, животных, рыб и пр. (см. далее, стр. 170).

Более половины всех тамг вогулов составляют луки, далее идут изображения рыболовных снастей и различных орудий охоты. Следует обратить внимание на самый характер рисунков тамг. Общая закономерность эволюции тамг — от простейших реалистических изображений к стилизованным схематическим и, наконец, превращение их в символические знаки. При этом часто забывалось прежнее значение изображения, и оно объяснялось по-новому. В XVII в. у остяков тамги представляли собой довольно реалистические рисунки животных, а у вогулов бытовали тамги, близкие по рисунку к упрощенным знакам собственности. Их было удобно употреблять в качестве бортовых знамен, знаков для разграничения угодий, на охотничьих затесах, знаков собственности на личном имуществе и т. п.

Примечательно само многообразие вогульских тамг. Все это говорит о более глубоких изменениях в родовых отношениях у вогулов в XVII в., чем у других угорских народов Сибири.

У березовских остяков в XVII в. существовал известный по этнографическим данным обычай татуировать свои тамги на руках, что прямо подтверждают документы того времени (под тамга-

*

⁵⁶ Чернецов, 1947, стр. 161.

⁵⁷ Там же, стр. 162.

ми обычно подписывали: «...знамя... на правой (левой) руке»). Для XVIII в. этот обычай описывает Григорий Новицкий. Говоря об остяках, он описывает «знамения или некия взоры», татуировавшиеся «на руках, персех и носех»⁵⁸. Отрывок из сочинения Г. Новицкого о татуировке отмечался С. В. Бахрушиным, В. Н. Чернецовым, С. И. Руденко и другими исследователями.

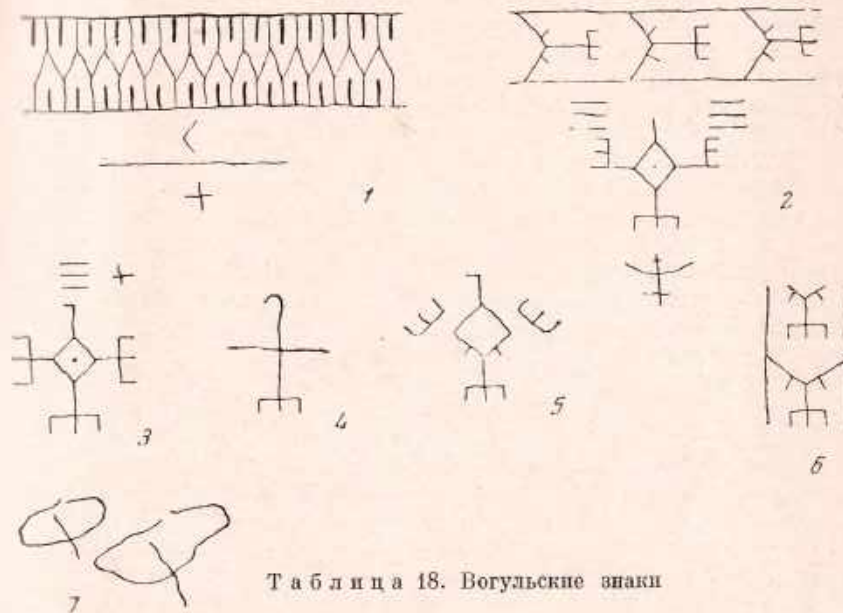

Таблица 18. Вогульские знаки

Материалы XVII — начала XVIII в. показывают, что вытатуированные тамги имели у остяков двойкий характер: одни из них использовались в качестве юридических знаков, другие — как сакральные изображения.

В документах и этнографической литературе о верхотурских вогулах обычай татуировки личных тамг не подтверждается.

В начале 70-х годов прошлого столетия Н. Сорокин, изучая быт лозьвинских вогулов, столкнулся с татуировкой у вогулов и остяков. В своей статье о поездке к вогулам Н. Сорокин описал татуировку и привел пример «подписи» одного вогула. Вытатуированные знаки Н. Сорокин ошибочно называет тамгами⁵⁹.

Знаки 18/1 и 18/2 были вытатуированы на левой и правой руках вогульской девушки. Первый знак представляется просто украше-

*

⁵⁸ Новицкий, 1941, стр. 43.

⁵⁹ Сорокин, 1873, табл. 2.

нием. Об этом Г. Новицкий писал «...не только же се имеют се-го ради употребления, но почитают се за украшение некое, и женский бо их пол також, де, руде себе изпещряют и украшают тою... чернотью»⁶⁰. Крестики и черточки около этого украшения, как и у других изображений, вероятно, играли ту же роль, что рубежки у березовских остяков.

Знак на правой руке состоял из орнамента в верхней части и двух изображений птиц. То, что эти знаки являются изображениями птиц, навряд ли может подлежать сомнению. В табл. 18 приводится типичное изображение пливки, или птички, — весьма распространенной в XVII в. тамги в Березовском уезде и на Белогорье (18/4). Вогульские же татуировки — у названной девушки, у некоего остяка (18/3), у вогула Петра Бахтиярова (18/5) — мало чем отличаются от схематических изображений птиц на тамгах других обских угров. Эти знаки не могут изображать тотемов: они имеются не только у не связанных родством вогулов, но и у остяка, живущего в той же волости.

Изображения на руках не являются также личными тамгами вогулов и остяка хотя бы в силу своего подобия. К тому же, по просьбе Н. Сорокина, один из вогулов Петр Укладов изобразил на бумаге свою «подпись», т. е. личную тамгу, — лук (18/7). Однако на руке у Петра Укладова было такое же, как и у названных людей, изображение птицы. Все это говорит о том, что оно имело культовое значение. В этом отношении весьма показательна татуировка на руке у вогульской девушки. Орнамент в верхней части состоит из элементов рисунка культовой птицы (ср. 18/4, 18/5 и 18/6 — фрагмент татуировки на руке вогульской девушки).

С. И. Руденко в 1909—1910 гг. обнаружил аналогичные орнаменты на руках у остяков и вогулов по рекам Казыму и Северной Сосьве, называемые концом стрелы⁶¹. Название данного орнамента является свидетельством утраты первоначального смысла древнего обряда. Рисунок хвостов птиц на орнаментах, описанных С. И. Руденко, действительно, похож на изображение трехперого наконечника остиацкой стрелы.

О татуировках XX в. у вогулов и остяков С. И. Руденко высказывает следующую точку зрения: «Вполне возможно, что в иных случаях при татуировке изображаются тотемы. Вне сомнения, иногда татуировка, как особая примета, служит знаменем для данного лица, примеры чего приводят Г. Новицкий, Отлобин и Сорокин, но отождествлять татуировку с тамгами, знаменами вряд ли правильно»⁶². Этот вывод можно вполне распространить на XIX, XVIII, а также и на XVII в. по отношению к бере-

*

⁶⁰ Новицкий, 1941, стр. 43.

⁶¹ Руденко, 1929, табл. 3, № 4—7, 9.

⁶² Там же, стр. 17.

зовским остякам, о татуировках которых сообщается в документах.

Изображения птиц на руках у вогулов весьма похожи по своей манере на рисунки остиацких тамг Первой Луинукольской волости Сургутского уезда (см. далее, табл. 69). Остяки рисовали контур филина с раскинутыми крыльями, которые изображались каждое тремя линиями, и хвостом, также состоявшим из трех черточек. При последующей стилизации мог возникнуть указанный рисунок культовой птицы. Филин являлся культовой птицей у вогулов. Это подтверждается описанием каких-то ритуальных танцев, которые видел Н. Сорокин. При нем лозвинские вогулы исполняли танцы медведя и филина⁶³.

Известно, что у обских угров, у манси в частности, занимал видное место культ глухарки. В. Н. Чернецов, изучая представления о душе, выяснил, что «третья душа, по представлению обских угров, имеет вид глухарки». Третья душа, по верованиям остяков и вогулов, большую часть времени живет вне человека. «К человеку, — пишет В. Н. Чернецов, — она прилетает лишь во время сна, почему и именуется „ulem is“, т. е. „сонная душа“, „душа сна“ или „ulem uj“, т. е. „птица сна“»⁶⁴.

Иеромонах Макарий, наблюдавший в первой половине прошлого века лозвинских вогулов, отмечал обычай укреплять на стенах жилищ распаленные хвосты глухарей⁶⁵.

В. Н. Чернецов на средней Оби обнаружил обычай рисовать на крышке гроба солнце, месяц и птичку, чтобы душа не выходила из могилы. У сосвинских и ляпинских вогулов существовал обычай рисовать тетерея на люльках⁶⁶. Мотивы, по которым вогулы изображали на люльках глухарей, очевидны. В. Н. Чернецов приводит эти рисунки. Здесь тетерея, как и на тамгах XVII в. у остяков Подгородней и Юганской волостей Нарымского уезда, изображается в профиль. В тамгах обских остяков только тетерея изображалась таким образом. Эта манера профильного рисунка тетери возникла, несомненно, до XVII в. и сохранилась у манси до наших дней.

Из сакральных знаков у верхотурских вогулов в XVII в. можно выделить три знака, имеющиеся среди тамг: скобель, ель и знак в виде русской буквы «ять».

Скобель употреблялся, вероятно, в том же значении, что и у березовских остяков. Однако этот знак у вогулов встречается значительно реже.

*

⁶³ Об этих танцах Н. Сорокин говорит очень мало. О танце филина замечается, что вогулы изображали «довольно сальные похождения филина» (Сорокин, 1873, стр. 33).

⁶⁴ Чернецов, 1959, стр. 134.

⁶⁵ Макарий, 1853, кн. 1, разд. VIII.

⁶⁶ Чернецов, 1959, стр. 134.

Второй знак в несколько измененном виде есть на вогульском «идоле», найденном Г. Ф. Миллером⁶⁷. Собственноручный весьма схематический рисунок Г. Ф. Миллера «идола», очевидно, с наскального изображения около Благодатских заводов. Датировка «идола» неизвестна. Очевидно, он был сделан до XVII в. По рисунку Г. Ф. Миллера, «идол» представляет собой отесанный

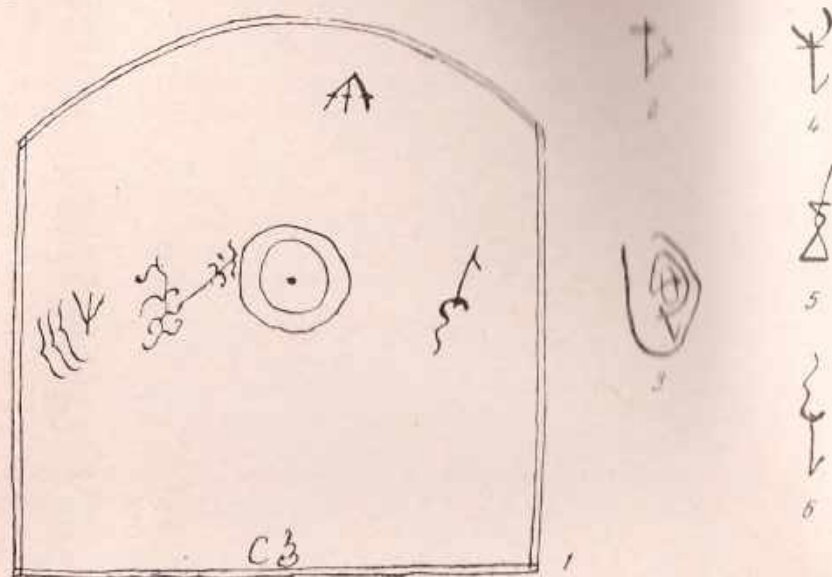

Таблица 19. Вогульские сакральные знаки

камень с куполообразной верхушкой (19/1). На гладкой поверхности передней грани камня, в центре, выбит какой-то солярный знак. У верхнего края — знак, напоминающий изображение птичьей лапы. Такое же изображение имеется в левой половине лицевой грани. Фигурные скобки рядом с ним являются, самое вероятное, следствием неточной передачи Г. Ф. Миллером рисунка. Справа от солярного символа имеется знак в виде буквы «я». Значение этого знака определить трудно. В тамгах XVII в. верхотурских вогулов он встречается в Козвинской, Туринской и Чусовской волостях (19/2—19/4). Это знамя имеется также у исетских ясачных людей (19/5). Туринский вогул поставил этот знак в сочетании со своей личной тамгой — луком (19/3).

*

⁶⁷ ЦГАДА, Портфель Г. Ф. Миллера, оп. 199/2, портфель 509, № 7. «Описание некоторых вогульских идолов в окрестностях Благодатских заводов».

Знак ели, несомненно, связан с религиозными представлениями обских угров. Ель изображена на упоминавшемся вогульском «идоле». Этот знак был найден С. И. Руденко среди татуировок вогулов и остяков, иногда в сочетании со знаком птицы.

Побывавший летом 1887 г. в северной части Пермской и западной части Тобольской губернии Н. И. Кузнецов ознакомился с жизнью вогулов верхнего течения Сосьвы и Лозьвы. В это время русское население, а вместе с ним и хлебопашество, продвинулось до 61° северной широты⁶⁸. Здесь, у деревни Першино, кончались

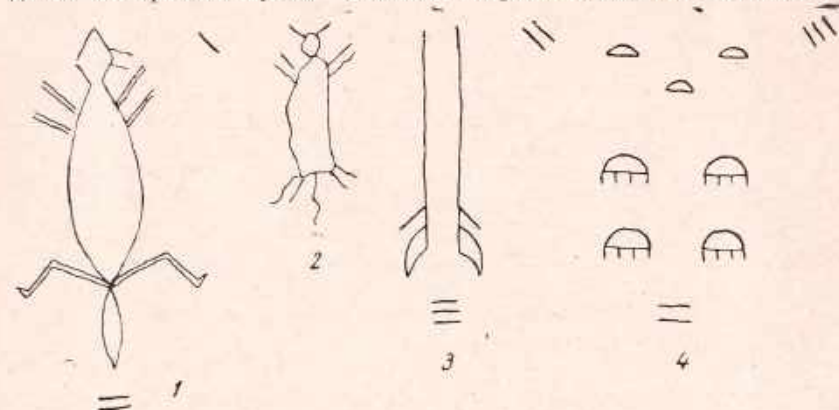

Таблица 20. Вогульские знаки

так называемые ясачные, т. е. перусские, поселения. Н. И. Кузнецов указывает, что, по заявлению местных жителей, вогулы живут в верховьях Лозьвы, а остяки — на Сосьве. Однако различия в их быте, языке и пр. он не нашел. Лозвинские вогулы, по наблюдениям Н. И. Кузнецова, более обрусели, нежели население на Сосьве, которое он также считал вогульским.

Н. И. Кузнецов описал весьма интересный обычай охотничьих затесов. На затесах вогулы помещали пиктограммы, содержащие изложение событий, произошедших на данном месте. Для этого использовались следующие знаки: горизонтальные черточки (которыми обозначались мужчины), косые (собаки), длинные черточки (лодки). Особыми знаками изображали животных — лося (лосьная нога), медведя, куницу, белку, соболя, росомаху и др. На табл. 20 показана пиктограмма: «на этом месте два вогула с одной собакой убили белку» (20/1). Знак 20/2 является изображением белки в XVII в. остяками Подгородней волости Березовского уезда. Как видно из рисунков, традиция изображения белки

*

⁶⁸ Кузнецов, 1887, стр. 738.

со спины с двумя парами передних лап, символизирующих ее подвижность, сохранилась в течение более чем двух столетий. Знак 20/3 — нога лося. По утверждению Н. И. Кузнецова, это был самый распространенный на значительной территории знак. Найти какую-либо связь его с имеющимися тамгами не представляется возможным. Интересна манера изображения животного, священного для вогулов и остяков, — медведя (20/4). Его морда нарисована весьма условно: только глаза и нос. Такую же схему представляет собой знак «шайтанская рожа» в виде трех черточек, который бытовал у остяков Березовского уезда, Конды и Белогорья (более подробно об этом знаке см. далее, стр. 107—110).

Традиция оставления охотничьих затесов возникла, несомненно, задолго до XIX в. В источниках, однако, нет никаких сведений о существовании затесов в XVII в. Вогульские тамги ничего общего с изображениями на затесах не имеют. Манера рисунков этих пиктограмм полностью совпадает с манерой изображения животных остяками на тамгах.

Тамги вогулов Даяцкой и Уфимских волостей выделяются в особую группу. Эти знаки полностью тождественны знакам соседних татар. Тамги ясачных людей данных волостей являются типичными знаками собственности, наменения которых зависят от имущественного положения их владельца.

Еще ближе к татарским и башкирским знамена вогулов бассейнов Сылвы, Ирепи, Шакьи и др. (см. табл. 21). Эти тамги были выписаны П. И. Мельниковым-Печерским из писцовых книг 1623/24 г.⁶⁹ Здесь татарские и вогульские знаки настолько похожи, что их очень трудно разделить. Связь между тамгами родственников уже к началу XVII в. была утеряна. В качестве примера можно привести знамена Балантая и Боронги Сигизяковых (21/7, 21/8), братьев Ибердея и Безыргана Башпеевых (21/12, 21/13), Ункабая и Токбая Евбаевых (21/21, 21/22), Чураша и Коробая Окдаевых (21/23, 21/24), Онобаша Ногаева и его сына (21/28, 21/29), братьев Торгаевых (21/32, 21/33) и др.

Приведенные знаки называются в документе бортевыми знаменами, т. е. знаками собственности. Эти тамги вряд ли можно сравнить даже с более поздними тамгами ясачных вогулов остальной части Верхотурского уезда. Чужеродное влияние здесь сказалось не только на назначении тамг, но и на самом характере их начертаний. Уже в изучаемое время у вогулов Шакьи, Сылвы и Ирепи связь тамг с тотемическими верованиями исчезла. Тамги стали только знаками собственности определенного лица. Можно проследить известную направленность в выборе тамг вогулами. Так,

*

⁶⁹ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 775. Собрание А. А. Типова, № 2279, бумаги П. И. Мельникова-Печерского.

бортовое знамя Акилдея (21/57) представляет собой заглавную букву «аз», т. е. его инициал, а «знамя бортовое на сосне» Енгигита (21/58) — заглавную букву «есть». Эти тамги были созданы при несомненном участии русских. Названные вогулы не связывали здесь себя никакими традициями, выбрав знак, легкий для понимания и запоминания своих соседей — русских.

Таблица 21. Тамги вогулов и татар, живших по рекам Сылве, Ирепи, Шакье и др. 1623/24 г.:

1—10 — Ромашинские, Шакшинский и Юрманские юрты; 11—22 — Шакшинские юрты; 23—27 — Юрманские юрты; 28—42 — разные юрты Ромашинского улуса; 43—60 — юрты на Ирепи.

Исключительный интерес представляет собой единственная среди всего изученного материала о народах Сибири женская тамга (табл. 22).

Этот знак имеется под судным делом мая 1678 г. ясачного вогула Чусовской слободы Казака Бердина и новокрещенного черемиса той же волости Никифора. Черемис Никифор увел племянницу Казака Бердина и вместе с ней крестился. Казак Бердин бил на него челом. На следствии показания давала сама девушка-вогулка и оставила под расспросными речами свою тамгу. Ее

ПЕЛЫМСКИЙ УЕЗД

Вогулы

*

Задолго до прихода русских территория Пелымского уезда была занята так называемым Пелымским княжеством. Вряд ли будет правильным считать Пелымское княжество феодальным государством со всеми или рядом наиболее важных его признаков. Однако наличие выделившейся аристократии и превращение остальной массы пелымских вогулов в податное население не позволяет уравнивать его с общественными образованиями у других угорских народов Сибири.

Пелымцы более других сибирских народов испытали влияние со стороны татар. Покорение татарами крупного вогульского племенного союза, вмешательство в его общественный строй привели к существенным изменениям внутри Пелымского княжества. Племенная и родовая знать пелымцев отатарилась. Очевиден факт смещения татар и вогульской аристократической верхушки. Неслучайно почти все представители вогульской племенной аристократии носили татарские имена. Среди родовых вогулов татарские имена встречались гораздо реже.

Отатаривание правящих слоев было настолько велико, что при последующей русской колонизации приказные люди, имевшие дело в основном с представителями пелымской аристократии, затруднялись определить их этническую принадлежность. В большинстве документов с конца XVI по XVIII в. население Пелымского уезда называется пелымскими татарами. Это название фигурирует главным образом в материалах сысков, ясачных книгах и росписях, словом, в материалах, составленных при участии пелымской знати. В челобитных рядовых ясачных людей, при ясачных сборах и в ряде других случаев пелымцы именовались вогулами. Таким образом, основное население Пелымского уезда было вогульским.

Территория Пелымского уезда с 1595 г. почти не изменялась в течение всего XVII и первой половины XVIII в. До 1589 г. в состав Пелымского княжества входила Большая Конда, которая с этого времени стала платить ясак в Тобольске. В 1595 г. к Пелыму была приписана Табаринская волость.

Г. Новицкий писал о пелымских вогулах следующее: «Народ сей вагульский начинает селение свое над рекою, нарицаемою Ту-

ра, обдержит же селением свои и вершины Тавды реки. Множество же вящщее сего народа седе над рекою Кондою, иде же и княжика своего имеют и выпшмим сям сего повиновением, неже остяки своих княжиков почитают. Жительствоующии же на Тавде и Конде прилежат присудом в град Пелым»¹.

В этом высказывании интересно замечание о «высшем, неже у остяков», повиновении вогулов своему князю. Это прямо указывает на меньшую, чем у их соседей остяков, архаичность общественных отношений вогулов Пелымского княжества. По крайней мере, у пелымцев отсутствовали черты родовой демократии, долго сохранявшейся у остяков. Г. Новицкий указывает также на отличия хозяйственного уклада пелымских вогулов, особенно южных. Здесь, по его словам, под татарским влиянием вогулы «упрямятся з прилежанием труда в сеянии и собирании плодов»².

Тамги пелымских ясачных людей очень своеобразны. Не подлежит сомнению существование родовых и личных тамг у пелымских вогулов в изучаемый период. Однако ранние челобитные вогулов, хранящиеся в ЦГАДА и датируемые концом XVI в., и все известные нам другие документы по истории пелымцев вогульских тамг не имеют. Здесь, вероятно, сказались некоторые традиции делопроизводства Пелымской приказной избы. В челобитных пелымских ясачных людей подписи или вообще отсутствуют, или в конце имеется приписка «... в ясачного пелымского вогулича... место... руку приложил».

Знамена пелымцев встречены только под сыском 1654/55 г. (см. табл. 23 и 24)³. В 1654/55 г. были обысканы Вагильская, Верхкондинская, Верхпелымская, Кондинская, Лественишная (Лественичная, Подгородняя), Леушинская, Низтавдинская, Сосвинская, Табаринская и Тахтанская волости⁴. Под обыском имеется 48 знамен пелымцев⁵. Тамги не расшифрованы писцом. Таким

*

¹ Новицкий, 1941, стр. 79.

² Там же.

³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, лл. 220 об.— 221 об.

⁴ Там же, лл. 212—229.

⁵ 1 — Моча Емохов, 2 — Азарай Емохов, 3 — Митя Семенов, 4 — Кабыз Аниров, 5 — Кутыш Неборов, 6 — Тыик Венки, 7 — Енмет Ехалимов, 8 — Кормыс Ярши, 9 — Лоркекум Уросов, 10 — сотник Ичей Сылкин, 11 — Печер Лебырев, 12 — Кырма Тахлямов, 13 — Григорий Сармашев, 14 — Игиля Бояркинов, 15 — Шесток Малахов, 16 — Волтон Татев, 17—20 — ?, 21 — Шаркум Агаев, 22 — Исмиль Якрычев, 23 — Чарис Шумин, 24 — Уника Еглов, 25 — Пуничик Поямов, 26 — Моча Модшиков, 27 — Дал Коротаев, 28 — Петр Абышкин, 29 — Сел Мамаев, 30 — Исак Кулегобердиев, 31 — Кутей Демашкин, 32 — Чамныч Кайбакышков, 33 — Тыша Сахшин, 34 — Лар Матяев, 35 — Миша Мастеров, 36 — Кашига Ермаков, 37 — мурза Елк Кудашев, 38 — Акселт Емельдяшев, 39 — Казан Онтуров, 40 — Таяик Булунбаев, 41 — Селенк Емельдяшев, 42 — Кирлик Матаев, 43 — Нохта Юнжков, 44 — Талбай Ичиков, 45 — Ося Болдаков, 46 — Якуш Шуйков, 47 — Мойча Болдаков, 48 — Осеркул Молошин.

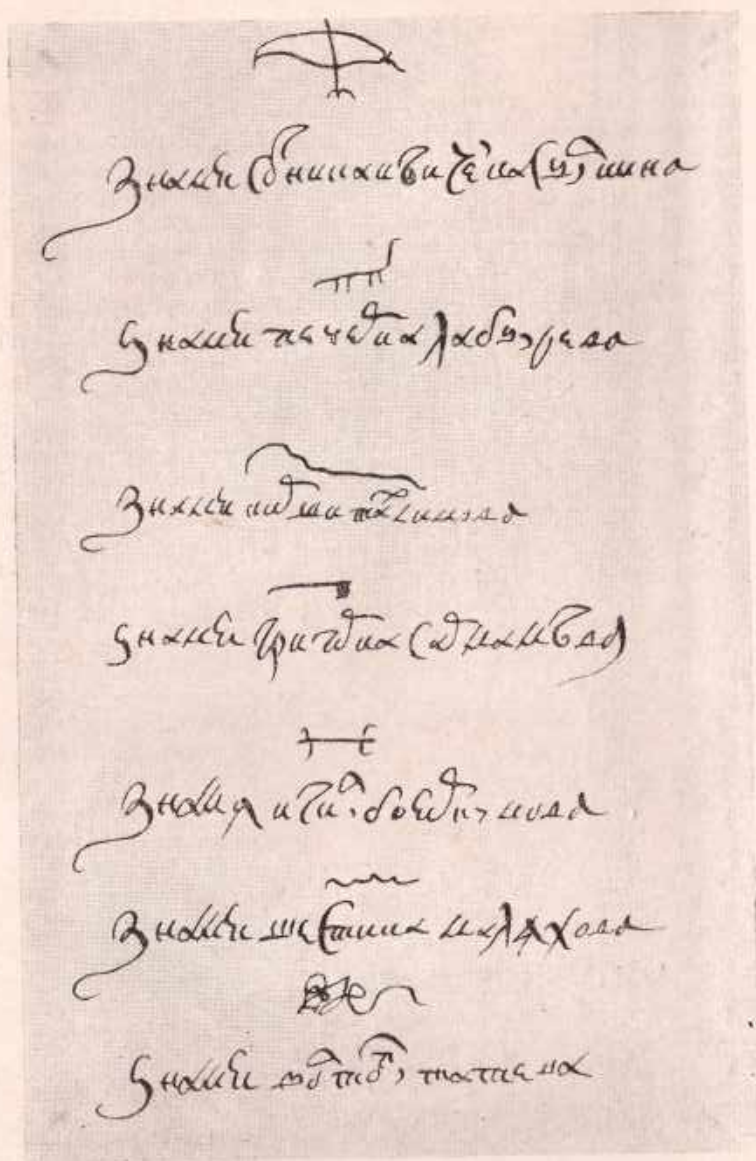

Таблица 23. Верхнелымская волость, Пелымского уезда.
Сыск 1654/55 г. Фотокопия.

Таблица 24. Пелымский уезд. 1654/55 г.

образом, имеются знаки вогулов всех волостей, кроме Ворынской.

В это время в уезде насчитывалось приблизительно пять с половиной сотен ясачных людей.

При ознакомлении с тамгами пельмцев прежде всего обращает на себя внимание то, что определенные знаки повторяются в каждой волости. Исключение представляют только знамена Кондинской, Леушинской и Табаринской волостей.

Под сыском имеется пять тамг вогулов Вагильской волости (24/1—24/5). Знамя, изображающее лук, принадлежит Моче Емохову. Его тамга стоит первой среди остальных. В документах он фигурирует как представитель волости. Это дает возможность считать Мочу Емохова вагильским сотником. Вторая тамга поставлена его братом Азаром Емоховым. Она представляет собой волнистую черту, которая у березовских остяков означала петроглиф «земля» (см. 25/2). Тамги у братьев совершенно разные.

Следующие три тамги изображают: одна — какое-то животное, другая — вероятно, солярный символ, третья напоминает остяцкий знак священного дерева.

У вогулов Верхкондинской волости (24/6—24/9) повторяются те же знаки, что и у вогулов Вагильской волости. Отсутствует только тамга в виде перечеркнутого круга. Нужно отметить, что этот знак повторяется только среди тамг вогулов Сосвинской волости.

Последнее знамя под сыском Верхкондинской волости (24/9) написано Лоркекумом Уросовым. Знак этот выделен среди остальных. Лоркекум Уросов также был, вероятно, сотником.

Тамга 24/8, изображающая животное, написана иначе, чем в Вагильской волости. Животное нарисовано здесь с тремя задними ногами. Такое начертание имеют аналогичные знаки в Лественишской, Сосвинской и Тахтанской волостях (24/22, 24/34, 24/44).

Верхпельмская волость представлена семью тамгами (24/10—24/16). Первая тамга — лук — поставлена Ичеом Сылкиным. В обыске он прямо назван сотником. Далее знак «лук» повторяется среди тамг всех волостей, кроме Леушинской и Табаринской. В отличие от остальных знаков, он в каждой волости написан только одним человеком. Все эти факты свидетельствуют о том, что названная тамга в семи волостях Пельмского уезда была специальным знаком сотника, т. е. тамгой, обозначавшей должность.

Остальные тамги в Верхпельмской волости те же, что и в Вагильской и Верхкондинской (24/11, 24/12, 24/15, 24/14). Здесь дважды повторяется знамя в виде волнистой линии (24/12 и 24/15). Этот знак написан Кырмой Тахлимовым и Игилей Бояркиновым — людьми, не состоявшими в близком кровном родстве. Данная тамга не является их родовым знаком. Она не может также быть их личным знаменем хотя бы в силу полного тождества. Остается

предположить, что и эта тамга обозначала какое-то должностное положение названных лиц.

Знак 24/14, вероятно, является сильно стилизованным рисунком священного дерева.

Весьма интересна тамга, изображающая топор (24/13). Знамя в виде топора встречается также в Низтавдинской и Тахтанской волостях (24/28 и 24/48). В Верхпельмской волости топор изображен Григорием Сармашевым, в Низтавдинской — Петром Абышкиным, в Тахтанской — Осеркулом Молошиным. Этот знак также не является родовым или личным. Тамга в виде топора, кроме пельмцев, встречается только у туринских татар (табл. 25, 26).

Последняя тамга верхпельмских ясачных людей (24/16) представляет собой произвольную ломаную линию, значение которой в материалах никак не раскрывается.

В Лественишской (Лественичской, Подгородней) волости под обыскными речами руку приложили четыре человека. Здесь имеется сотничья тамга — лук, известное изображение животного и два знака в виде произвольной ломаной линии, подобной последней тамге в Верхпельмской волости. Отсутствуют тамга в виде волнистой черты и знак, подобный стилизованному изображению священной ели у остяков.

Знамена Низтавдинской волости содержат изображения священного дерева, топора, лука, два знака в виде ломаной линии и волнистую прямую. Нет только изображения животного.

Тамга в виде ломаной линии написана Исаком Кулегобердиевым и Кутей Демашкиным. Этот знак, так же как и другие, не является ни родовым, ни личным. Вероятно, и эта тамга, подобно рассмотренным, обозначала определенную должность.

Под сыском Сосвинской волости знак «лук» поставил сотник Кашига Ермаков, волнистую линию — Миша Мастеров, тамгу в виде животного написал выходец из Табаринской волости Лар Матаев, какой-то солярный символ — Типа Сакшин. Нет встречающихся в других волостях знаков в виде дерева, ломаной линии и топора.

Пять последних знамен табл. 24 принадлежат ясачным людям Тахтанской волости. Все это уже встречавшиеся ранее знаки. Знамена 24/45 и 24/47 принадлежат братьям Осе и Мойче Болдаковым. Тамги их различны. Установить какую-либо генетическую связь между ними весьма трудно. То, что в данном случае братья имели разные, ничем не связанные тамги, повторяющиеся в каждой волости, тоже говорит в пользу толкования этих тамг как знаков должностных лиц.

Все перечисленные факты делают особо интересными тамги населения Пельмского княжества. На основании имеющегося материала можно выделить следующие общие для всех волостей, кроме Кондинской и Табаринской, знаки: лук — должностная тамга сотника; изображение животного, волнистая линия, подоб-

ная знаку «земля» у остяков, ломаная линия, топор и сильно стилизованный знак священного дерева. Эти шесть знаков неизменно повторяются среди тамг населения семи волостей Пелымского уезда. Изучение родственных связей отвергает возможность рассматривать данные тамги как родовые. Трудно предположить, чтобы представители шести родов были каким-то образом равномерно распределены по всем волостям уезда. То, что в одних случаях неблизкие родственники ставили одинаковые по смыслу тамги в одной волости и близкие родственники подписывались разными тамгами в другой, исключает трактовку данных знаков как родовых или личных.

Единственно возможным представляется рассматривать эти знамена как знаки, обозначающие определенные должности. В отношении должностного знака сотников — лука — эта точка зрения бесспорна. Отсутствие под некоторыми сысками каких-либо имеющих в других волостях знамен объясняется тем, что в данной волости или не было таких должностных лиц, или они при обыске не привлекались.

Должностные тамги — явление довольно редкое. Кроме вогулов Пелымского уезда, особые знаки имели сотники верхотурских вогулов и шаманы у якутов.

Знаки пелымцев подтверждают сведения об особенностях их общественного уклада, в частности о наличии довольно развитого административного аппарата. Должностное положение какого-либо лица в изучаемый период у пелымских вогулов имело известный оттенок сословности.

Рисунки этих тамг весьма характерны для обских угров. Например, лук изображен с типичной для угров стрелой, имеющей трехперый наконечник, упрощенный рисунок животного напоминает изображения соболя у сургутских остяков и т. д. В то же время знак «топор» такой же, как и у туринских татар. У других этот знак не встречается.

Тамги Кондинской волости (24/16а—24/20) отличны от знаков ясачных людей других волостей. Два первых знамени являются солярными символами, лук, вероятно, тоже сотничья тамга. Два последних знака явно изображают какие-то предметы обихода, скорее всего санки.

Судить о знаменах Леушинской волости трудно, так как имеется всего два знака ясачных вогулов (24/25, 24/26). Один из них — рисунок животного, другой — искаженное изображение круга, одной из родовых тамг табаринцев.

Тамги населения Табаринской волости (24/37—24/43) полностью подтверждают предположение Б. О. Долгих о том, что это было особое племя⁶. Знамя 24/37 принадлежит мурзе, как он

назван в документе, Елку Кудашеву. Остальные знаки, за исключением одного (24/39), являются различными вариантами его тамги. Если он нарисовал три несвязанных круга, то другие — два несвязанных, два соединенных круга и отдельно один круг. Тамги в виде одного круга и в виде двух сомкнутых кругов написаны по два раза. Таким образом, можно выделить три родовые тамги: один круг, два несоединенных круга и два соединенных круга. Усмотреть связь этих тамг между собой довольно легко. Примечательно, что мурза Елка Кудашев имел тамгу в виде трех кругов, как символ союза трех родов.

*

⁶ Долгих, 1960, стр. 30—31.

ТУРИНСКИЙ УЕЗД Отатарившиеся вогулы

*

Этническую принадлежность населения Туринского уезда определить крайне трудно. Исследователи расходятся во мнениях по этому вопросу. С. В. Бахрушин называет туринцев отатарившимися вогулами или татаро-манси¹. Б. О. Долгих пишет о жителях Туринского уезда: «От соседних вогулов Верхотурского уезда обитатели Туринского уезда отличались главным образом тем, что занимались земледелием. Предполагая, что название „остяк“ на южном Урале обозначало коренных его жителей угров в отличие от пришельцев — тюрок („татар“), мы можем считать население Туринского уезда вогулами, лишь подвергнувшимися татарскому влиянию»². В трудах историков туринцев обычно называют татарами. В документах XVII—XVIII вв. все жители Туринского уезда также именуются татарами.

Тамги туринцев по сюжетам отличаются как от знаков верхотурских и пельмских вогулов, так и от всех татарских тамг Тюменского, Тобольского, Тарского и Красноярского уездов (см. табл. 25).

Среди знаков туринцев имеются копы, весло, котел, плет, пешня, долото, чекан — знаки, не встреченные ни у татар, ни у вогулов. Эти тамги говорят прежде всего о хозяйственных занятиях населения Туринского уезда. Чекан и долото — орудия ремесла, не употреблявшиеся вогулами, как можно судить об этом по литературе. Плет, тамга Кичубаевой волости, свидетельствует о широком распространении у туринцев лошадей.

Совершенно своеобразна манера исполнения рисунков.

Наконец, представленные в табл. 25 знаки являются волостными знаменами или знаменами юртов. Тамг подобного назначения нет ни у одного из народов Сибири. Лишь у сургутских остяков имелись знамена, принадлежащие всему роду — волости. Эти знаки были явно тотемического происхождения и сохранялись в течение всего XVII и XVIII вв. (см. далее, стр. 170—177).

*

¹ Бахрушин, 1955, стр. 147.

² Долгих, 1960, стр. 35.

Большинство населения Туринского уезда употребляло в качестве юридических знаков изображения орудий труда. Такие тамги, несомненно, «моложе» знаков рода — волости у сургутских остяков. Время их появления относится, по всей вероятности, к периоду формирования юртов как административных единиц. Как будет показано ниже, факты произвольного выбора тамг имели место еще в 50-х годах XVII в. При этом появление волостных знамен было приурочено к изменениям административного деления у ясачных людей Туринского уезда.

Б. О. Долгих называет в составе Туринского уезда юрты Япанчин (Епанчин), Ямбаев (Ембаев), Кокузов, Индричеев, Илясов, Тюрютинев (Тюретеев), Куртумов, Байгарин, Санкин, Нагаев, Тентюков, Ермолаев, Колмаков, Кичубаев, Зензаров, Илчибаев с населением до полутора сотен человек³. В сноске к табл. 7 у Б. О. Долгих о численности ясачного населения Туринского уезда говорится, что Нагаева волость не упоминается после 1640 г. В использованных для данной работы материалах Нагаев юрт не упоминался и во время очередного сыска, проводившегося до 1640 г. (25/4—25/13). В табл. 25, где представлены волостные тамги туринцев, эта волость не включена.

Кроме названных юртов, в челобитной Туринского уезда всех волостей⁴ 1640 г. упоминается Байгарина волость. Может возникнуть предположение, что это искаженное название Байгаринской волости. Однако если под челобитной 1640 г. в качестве байгаринского волостного знамени стоит копы, то в 1648 г., где названа Байгарина волость, в качестве волостного знака был поставлен олень, видоизмененный при объединении волостей в середине XVII в. (25/5 и 25/14).

В челобитных 1640 и 1648 гг. дважды повторена Илчибасова волость (25/7, 25/17). Илчибасов юрт выступает вместе с Зензаровым юртом в 1654 г. Обе волости имеют общую тамгу — лук. Вместе с перечисленными волостями неоднократно упоминаются: Илсова одновременно с Илясовой, Панчина одновременно с Епанчиной, Тумтумова и Ялчидаева волости (25/16, 25/18, 25/10, 25/6, 25/11, 25/13).

Названия всех волостей, как установлено Б. О. Долгих, образованы от имен лиц, когда-то возглавлявших их.

Самыми ранними из известных знамен туринских ясачных людей являются три знака, поставленные представителями Ермолаевой, Кичубаевой и Колмаковой волостей Ильей Алеяровым, Ахметом Мелияровым, Бакаконом Тебаевым и другими под челобитной от 22 июня 1639 г.⁴ В челобитной ясачные люди жалуются, что их «обижают... пашенные крестьяне пашнею, и санными

*

³ Долгих, 1960, стр. 35.

⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 83, л. 914 об.

покосами, и рыбной ловлею, и бобровыми гонами, и запорными реками и озерами, и в лесах собольюю ловлею и во всяких зверях, и хмелевыми и всякими угодыями».

В 1640 г. туринцами была подана коллективная челобитная одиннадцати волостей (Андричеевой, Байгариной, Епанчиной, Илчибасовой, Илясовой, Индричеевой, Кичубасовой, Панчиной, Тумтумовой, Тюретеевой и Ялчидаевой) о выплате корма, где имелось десять волостных знамен⁵.

12 февраля 1648 г. ясачные люди Туринского уезда поставили 11 тамг — Байгариной, Ермолаевой, Илясовой, Илчибасовой, Илясовой, Индричеевой, Кичубасовой, Кокузовой, Куртумовой, Панчиной и Санкиной волостей — под челобитной об освобождении их от уплаты недоимок и о вытеснении их из слобод русскими⁶.

Знамена туринских волостей имеются на сыске толмача Федора Васильева от 6 января 1643 г.⁷ и Семена Шарина от 4 января 1650 г.⁸, а также на обыске 30 ноября 1654 г.⁹ (см. табл. 25).

Тамги на всех этих документах, кроме сыска С. Шарина в 1650 г., являются волостными, т. е. знаками юртов. Так их называли писцы, составлявшие грамоты. Например: «знамя медведь Санкиной волости»¹⁰. Как уже говорилось, большинство знаков являются изображениями орудий труда и охоты. Среди изображений животных имеются лисица, медведь, журавль, олень и утка.

До 1654 г. эти знамена сохранялись из года в год без изменений во всех волостях. В 1654 г. произошли какие-то события, после которых волостные тамги изменились.

От Епанчиной волости отделился Енбаев (Янбаев) юрт, объединившийся с частью Байгариной волости. При этом для каждого из новых объединений были взяты два самостоятельных знака — лук и чекан (см. табл. 25).

Илясов юрт слился с Тюрютневым (Тюретеевым), и для данного объединения было взято знамя Илясовой волости — утка. В этом случае, вероятно, произошло не объединение двух юртов на равных правах, а присоединение одной группировки населения к другой.

Объединились также Ермолаева и Тентюкова волости, выбравшие совершенно новое знамя — весло. Ранее у Ермолаевой волости была тамгой лисица, а у Тентюковой — сабля.

Впервые выступили в качестве одного юридического лица Зензаров и Илчибаев юрты с общей тамгой — луком.

*

⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 83, л. 970 об.

⁶ Там же, стлб. 308, л. 52.

⁷ Там же, оп. 4, лл. 18, 47 об. — 48 об.

⁸ Там же, стлб. 381, лл. 27—28.

⁹ Там же, стлб. 501, лл. 206—211.

¹⁰ Там же, оп. 4, д. 18, л. 47 об.

Самое примечательное из знамен этого времени — рогатый журавль, которого поставили в качестве тамги объединившиеся Колмаков юрт и часть Байгариной юрта. До объединения байгаринским волостным знаменем был олень, а ясачные люди Колмакова юрта имели тамгой рисунок журавля. Появление фантастического

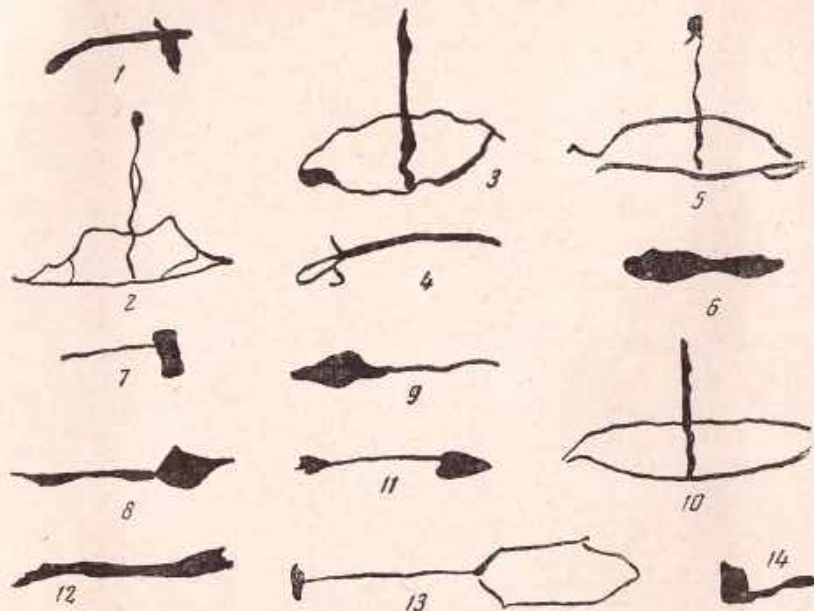

Таблица 26. Туринский уезд:

1 — сабля (Байгарина волость); 2 — лук (Епанчина волость); 3 — лук (Ермолаева волость); 4 — сабля (Енбаева волость); 5 — лук (Зензарова волость); 6 — нож (Илясова волость); 7 — топор (Илчибасова волость); 8 — копье (Индричеева волость); 9 — копье (Кичубасова волость); 10 — лук (Кокузова волость); 11 — стрела (Колмакова волость); 12 — стрела (Куртумова волость); 13 — весло (Санкина волость); 14 — топор (Тюретеева волость).

рогатого журавля вследствие объединения племен — чрезвычайно интересный факт. Это дает возможность предположить, что изображения фантастических животных в некоторых случаях и у других народов возникали при аналогичных обстоятельствах.

Примечательно и то, что при изменениях в структуре волостей относительно тамг принимались различные решения. Значило ли это, что в одном случае это было подчинение какой-либо группы населения другой, а в другом — равноправное объединение, с полной уверенностью сказать нельзя.

Туринские ясачные люди имели и личные тамги. Они приведены в табл. 26. Их поставили представители 14 волостей под сым-

ком 1650 г.¹¹ Сюжеты личных знаков — изображения оружия и орудий труда: нож, лук, стрела, копьё, сабля и др. Рисунки выполнены с большим искусством и тщательностью, что позволяет представить форму изображенных предметов, в частности ясно, что туринцы пользовались долотом с треугольным лезвием (25/19, 25/29), втульчатой пешней (25/24). Можно хорошо рассмотреть форму топора (25/4, 25/32), плети (25/2, 25/9, 25/20, 25/30), котла (25/18, 25/28).

Большим мастерством исполнения отличаются тамги под сыском 1643 г. (табл. 27)¹². Все рисунки под этим сыском выполнены одним лицом. Очень четко изображены лук, выгнутый посередине, с загibaющимися концами, изогнутая сабля с прямым перекрестьем, стрела с треугольным наконечником, пешня, долото и чекан. Весьма оригинальны изображения оленя, медведя, журавля и лисицы. Эти рисунки дают некоторое представление о характере живописного искусства у туринцев. Но писец, подписывавший знамена, допустил явные ошибки. Так, знамя «котел» он приписал Ембаевой волости, лук — Тюретеевой, топор — Зензяровой и т. д.

Б. О. Долгих различает три категории объединений у вогулов Западной Сибири: племя, род и юрт (населенный пункт), который был подразделением рода — волости¹³. Основной единицей административного деления вогульских уездов Б. О. Долгих считает род — волость. По его наблюдениям, к родам — волостям вогулов Верхотурского и Пельымского уездов можно приравнять пять объединений у туринцев¹⁴.

Первое, условно называемое Япанчиной волостью, включает Япанчин (Епанчин), Ямбаев (Ембаев), Кокузов и Индричев юрты. Вторая условная волость — Куртумова — состояла из Илясова, Тюрютнева (Тюретеева), Куртумова (Кортумова) и Байгарина юртов.

Третья волость — Санкина, — хотя и состояла из одного Санкина же юрта, но составляла, по-видимому, один род. Это вытекает из его территориальной обособленности и сравнительной многочисленности населения. В четвертую волость — Верхницинскую — входили Нагаев, Тентюков, Ермолаев и Колмаков юрты. К пятой — Ницынской — волости относились Кичубаев, Зензаров и Илчибаев юрты.

Туринский уезд, как объединение этих пяти родов, являлся племенем.

*

¹¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 381, лл. 27—29.

¹² Там же, оп. 4, № 18, лл. 47 об. — 48 об.

¹³ Долгих, 1960, стр. 38—40.

¹⁴ Там же.

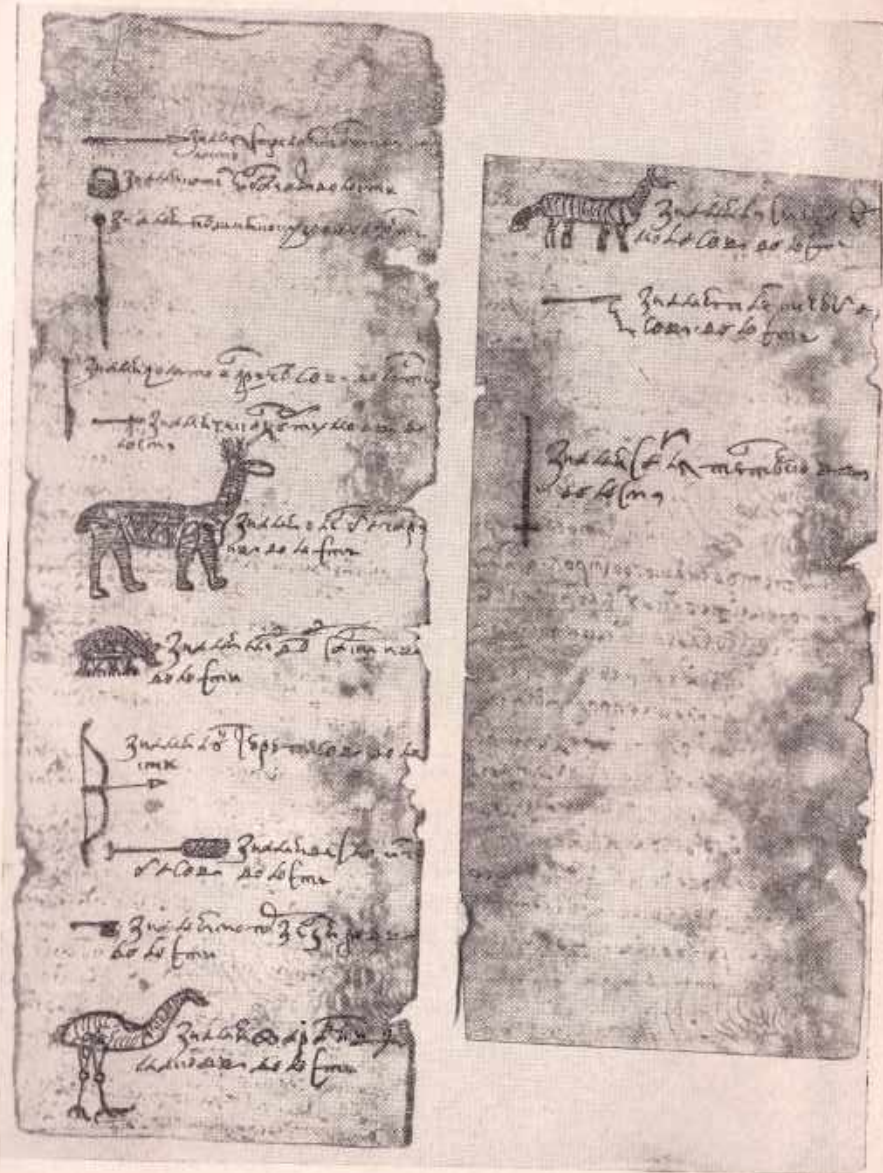

Таблица 27. Фотокопия фрагмента столбца с тамгами ясачных людей под обыском Туринского уезда 6 января 1643 г.

Б. О. Долгих показал, что в 1637—1641 гг. произошло объединение соседних юртов. Это подтвердил и В. И. Шунков. Однако на тамгах это никак не сказалось. Под челобитной ясачных людей Туринского уезда 1648 г. представители одиннадцати самостоятельных юртов поставили одиннадцать тамг. Большинство этих знаков аналогичны знаменам, поставленным в 1640 г. от имени тех же юртов.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что Туринский уезд отличался от других вогульских уездов по административному делению. В качестве волостей здесь фигурировали не целые роды, а какие-то их территориальные части — юрты. Таким образом, юрт можно рассматривать в некоторых случаях как отдельную семью или союз семей. Об общеродовой собственности у туринцев говорить нельзя. Коллективная собственность, судя по источникам изучаемого периода, сохранялась только у юртов, но далеко не во всех случаях. Однако этот социальный уклад изменился уже к середине XVII в.

Использование тамг юрта или волости как юридических знаков выдвигает туринцев на особое место. Их волостные тамги не являются, конечно, знаками собственности. Тем более нельзя их считать каким-либо образом связанными с культом. Туринские знамена были символами определенных территориальных объединений, выступавших как одно юридическое лицо.

ТЮМЕНСКИЙ, ТАРСКИЙ И ТОБОЛЬСКИЙ УЕЗДЫ

Татары. Остяки

*

Внутри Сибирского татарского царства особый союз составляли татары Тюменского уезда. В XVII в. в уезд входили Кишарский городок, Бачкырская, Терсяцкая, Шикчинская, Каскаринская, Пышминская, Исецкая волости и Иленский городок. Кишарскую, Иленскую, Шикчинскую и Каскаринскую волости заселяли сибирские татары; Бачкырская, Терсяцкая, Пышминская и Исецкая волости были заняты, по наблюдениям Б. О. Долгих, предками части современных башкир¹. Население Тюменского уезда знало письменность. Среди источников, относящихся к тюменцам, большинство документов, исходивших от ясачных людей, написаны арабской графикой. Челобитных, написанных по-русски, в XVII в. значительно меньше, чем аналогичных документов, написанных по-татарски. Челобитные на русском языке являются в основном переводами. В этих документах подписи мурз и волостных есаулов сделаны татарскими писцами или самими авторами челобитных. Однако число грамотных среди ясачных людей Тюменского уезда было невелико. Там, где требовались собственноручные подписи татарских должностных лиц, в подавляющем большинстве ставились тамги — личные знаки собственности. Главным образом это происходило во время сысков.

В документах до 1647 г. тюменские татарские тамги встречаются очень редко.

20 января 1647 г. тюменским воеводой Иваном Гавриловичем Бобринцевым-Пушкиным был проведен обыск ясачных людей Кишарского городка, Пышминской, Исецкой, Терсяцкой, Шикчинской, Каскаринской волостей и Иленского городка. Во время обыска татары жаловались на то, что в 7143 г. (1634/35 г.). «калмыцкие люди и Кучумовы внучата» напали на них, сожгли юрты и угнали скот, после чего ежегодно совершали нападения на тюменцев².

*

¹ Долгих. 1960, стр. 41.

² ЦГАДА, Сибирский приказ, столб. 282, лл. 174—180 об.

Под сыском было несколько подписей арабскими буквами и пятнадцать тамг (табл. 28)³. При этом знамена располагались группами, главным образом на склейках, и имели подписи следующего характера: «знамена Шикчинской и Каскаринской волостей ясашных людей ясаула Чуры Клеупердеева с товарищи» (28/12—28/15). Одни и те же знамена здесь повторяются по несколько раз.

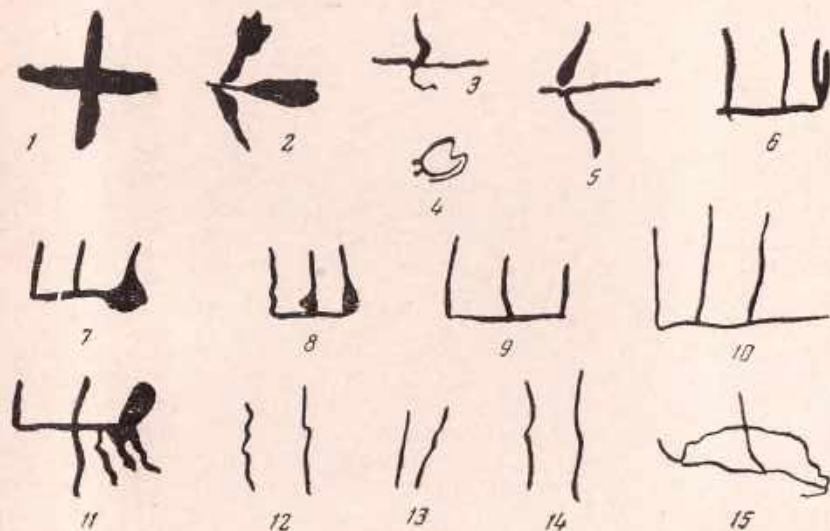

Таблица 28. Тюменский уезд. 1647 г.:

1 — Киньрский городок; 2—5 — Пышминская и Исецкая волости; 6—10 — Илепский городок; 11 — Терсяцкая волость; 12—15 — Шикчинская и Каскаринская волости.

Есаул Киньрского городка мурза Гильдей Небоков в качестве тамги поставил дважды знак в виде креста (28/1). Тамга написана нечетко. По характеру написания тамги видно, что киньрский есаул не привык пользоваться орудиями письма и был, по всей вероятности, неграмотным. Это же подтверждает челобитная Гильдея Небокова, приложенная к обыску, на татарском языке, где вместо него подписался писец. Названная тамга была личным

*

³ Владельцы тамг: 1 — есаул Киньрского городка мурза Гильдей Небоков, 2—5 — Пышминской и Исецкой волостей «ясашные люди Юкпердей с товарищи», 6—10 — Илепского городка «ясашные люди Баймас Куддеев с товарищи», 11 — Терсяцкой волости «ясашный человек Копанша Колыванов с товарищи», 12—15 — Шикчинской и Каскаринской волостей «еаул Чурай Клеупердеев с товарищи».

знаменем киньрского есаула. Тамга в виде креста встречается только у ясашных людей Киньрского городка.

Тамги Пышминской и Исецкой волостей заметно отличаются от знаков ясашных людей других волостей Тюменского уезда. В приписке у знамен сказано, что они принадлежат Юкпердею Тогоспаеву «с товарищи». Три из четырех тамг (28/2, 28/3 и 28/5) написаны одним человеком. Скорее всего, один знак троекратно поставил Юкпердей Тогоспаев. Тамги написаны на склейках и

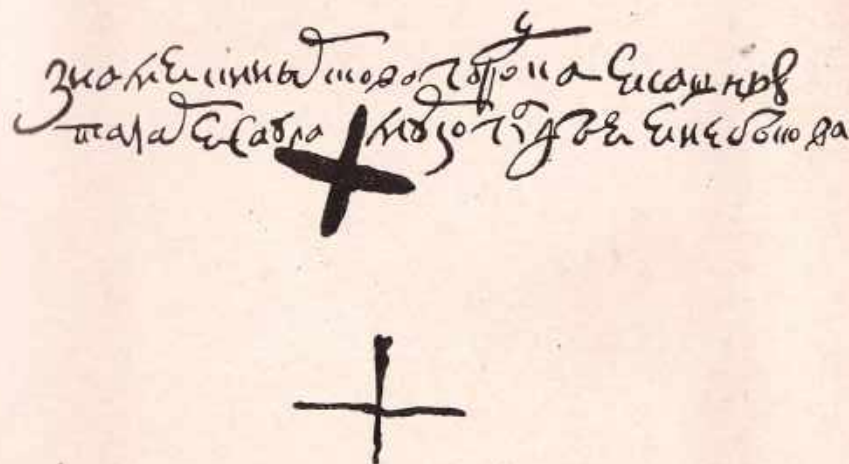

Таблица 29. Тамга есаула Киньрского городка

никак не названы писцом. Однако не подлежит сомнению, что данный знак изображает так называемую птичью лапу. Знамена такого начертания попадаются довольно часто. У русских пермских пашенных крестьян в XVII в. существовал аналогичный знак, именовавшийся сорочьей лапой, у крестьян Орла-городка такой же по начертанию межевой знак назывался курьей лапой, у березовских остяков была тамга «орловая лапа», у тобольских татар Бабасанской волости — «гусиная нога». В. Н. Чернецов приводит тамгу вогульского рода Кукиных, повторяющую буквально названное знамя и означавшую лапу филина⁴. Тотемное происхождение рассматриваемого знака очевидно. Эта тамга — самая архаичная среди всех тамг тюменцев.

В знаменах Пышминской и Исецкой волостей встречается также знак в виде какого-то круга (28/4). Будет верным считать, что тамга в виде птичьей лапы поставлена представителем одной

*

⁴ Чернецов, 1947, стр. 169.

волости, а знак в виде круга — другой. Какой именно из волостей принадлежит каждый из знаков — установить трудно.

Знамена 28/6—28/10 принадлежат ясачному человеку Иленского городка Баймасу Кулдевлетеву. Знаки весьма просты и изображают какое-то орудие. Тамги иленского ясачного человека похожи на знак представителя Терсяцкой волости Конанши Колыванова (28/11). И иленские и терсяцкая тамги являются личными знаками, употреблявшимися главным образом для обозначения собственности.

Таблица 30. Тюменский уезд. 1656 г.:

1—5 — Бачурская, Кинирская волости и Иленский городок; 6—8 — Пышминская и Исецкая волости; 9—11 — Терсяцкая волость; 12—16 — Шинчинская и Каскаринская волости

Такой же характер имели и тамги ясачных людей Шикчинской и Каскаринской волостей (28/12—28/15). Три тамги написаны представителем одной из волостей в виде двух вертикальных черточек. Последнее знамя в табл. 28 изображает лук. Знак изображен нечетко. По всей вероятности, все упомянутые тамги Шикчинской и Каскаринской волостей являются личными знаками собственности.

10 октября 1656 г. в Тюменском уезде одновременно провели обыски воевода Иван Титович Шаврин и Павел Корнилов⁶. Под сыском Шаврина было поставлено шестнадцать тамг ясачных людей всех волостей (табл. 30). Тамги расписаны не были. Ничего не сказано о том, кому они принадлежат. Характер знаков не оставляет сомнений в том, что это были личные знаки собственности.

Обращает на себя внимание знамя 30/9 ясачного человека Терсяцкой волости. Данная тамга очень напоминает букву «те» арабского алфавита. Тамга написана первой на склейке и принадлежит какому-то должностному лицу. Вероятно, это первая

*

⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, лл. 201—205, 190—199.

буква названия волости. Подобные случаи, когда в качестве знамени брались инициалы собственного имени или начальные буквы названия селения, волости и т. п., имели место в некоторых случаях и у других народов.

Особое место занимают тамги Пышминской и Исецкой волостей. Знак 30/6 изображает лук, 30/7 — две вертикальные черты, 30/8 — тамга, имеющая у вогулов Верхотурского уезда сакральное значение (см. ранее, 19/5). Наличие этого знака у пышминцев и исецких ясачных людей весьма примечательно. Б. О. Долгих сообщает, что известные ему источники «относительно Пышминской и Исецкой волостей... прямо указывают, что это „уфимские пришельцы“»⁶. Так как сакральные знаки исключительно хорошо сохраняются в качестве тамг, несмотря на смешения различных этнических групп и их перекочевки из одних областей в другие, то это знамя можно рассматривать как знак, возможно, имевший у предков исеццев и пышминцев культовый характер и утративший свое значение в изучаемый период. Данная тамга может служить также косвенным свидетельством связей предков ясачных людей названных волостей с уграми Урала в прошлом.

Обыск Павла Корнилова сопровождался рукоприкладством ясачных людей, «живущих по рекам Пышме, Исети, Нице и Туре» (см. табл. 31). Знамена этих людей являются типичными личными знаками собственности. Под обыском имеется четыре тамги, дающие возможность восстановить форму луков у тюменских татар (31/11—31/14).

В 1656 г. сыск тюменских ясачных людей «по их бусурманской вере и по шерти» проводил также Матвей Иванович Полуэктов⁷. Пять тамг, имеющих на документах, повторяют уже известные знамена.

Материалов, содержащих тамги населения Тарского уезда, очень мало. В настоящей работе рассматриваются только знаки, поставленные тарскими татарами под «Росписью ясаку татарам Барабинской, Чойской, Любайской, Теренинской, Тулусской, Сойской волостей»⁸. Роспись относится к 1655 г. Таким образом, приводимые в табл. 32 тамги принадлежат татарскому племени барабинцев. Источников со знаменами людей племенных групп Саргач, Коурдак, Аялы и других пока не обнаружено.

Знамена под росписью 1655 г. не имеют никаких подписей. Они произвольно написаны на обратных сторонах восемнадцати листов столбца. Установить принадлежность каждой тамги к определенной из упомянутых волостей не представляется возможным.

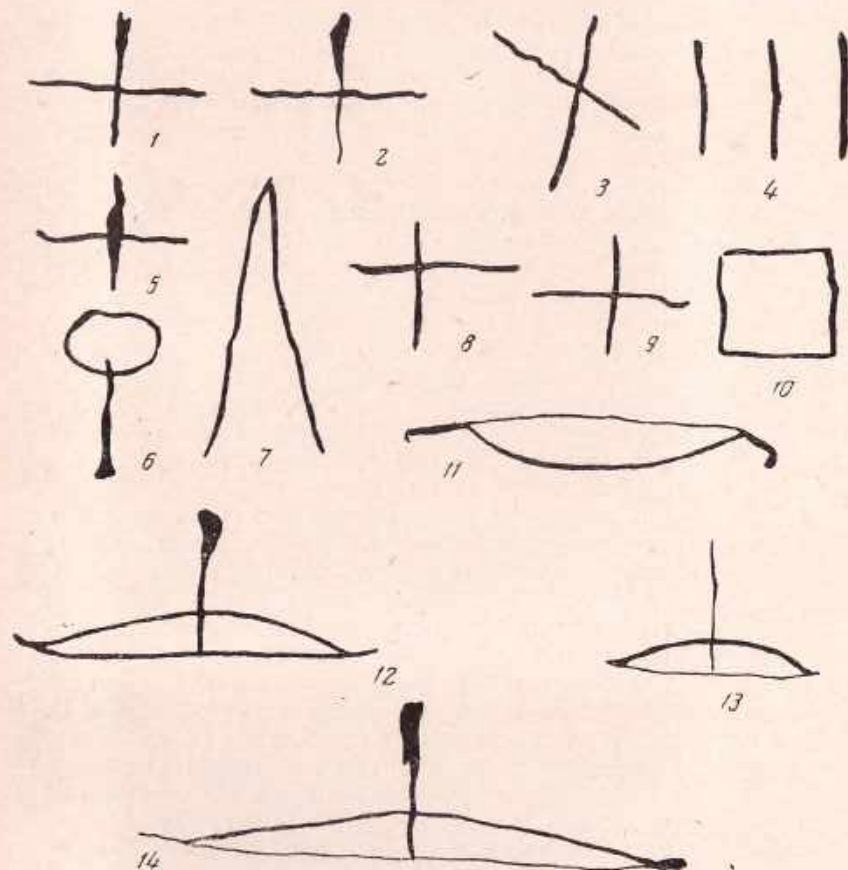
*

⁶ Долгих, 1960, стр. 46—47.

⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 496, лл. 371—373.

⁸ Там же, стлб. 501, лл. 113—130.

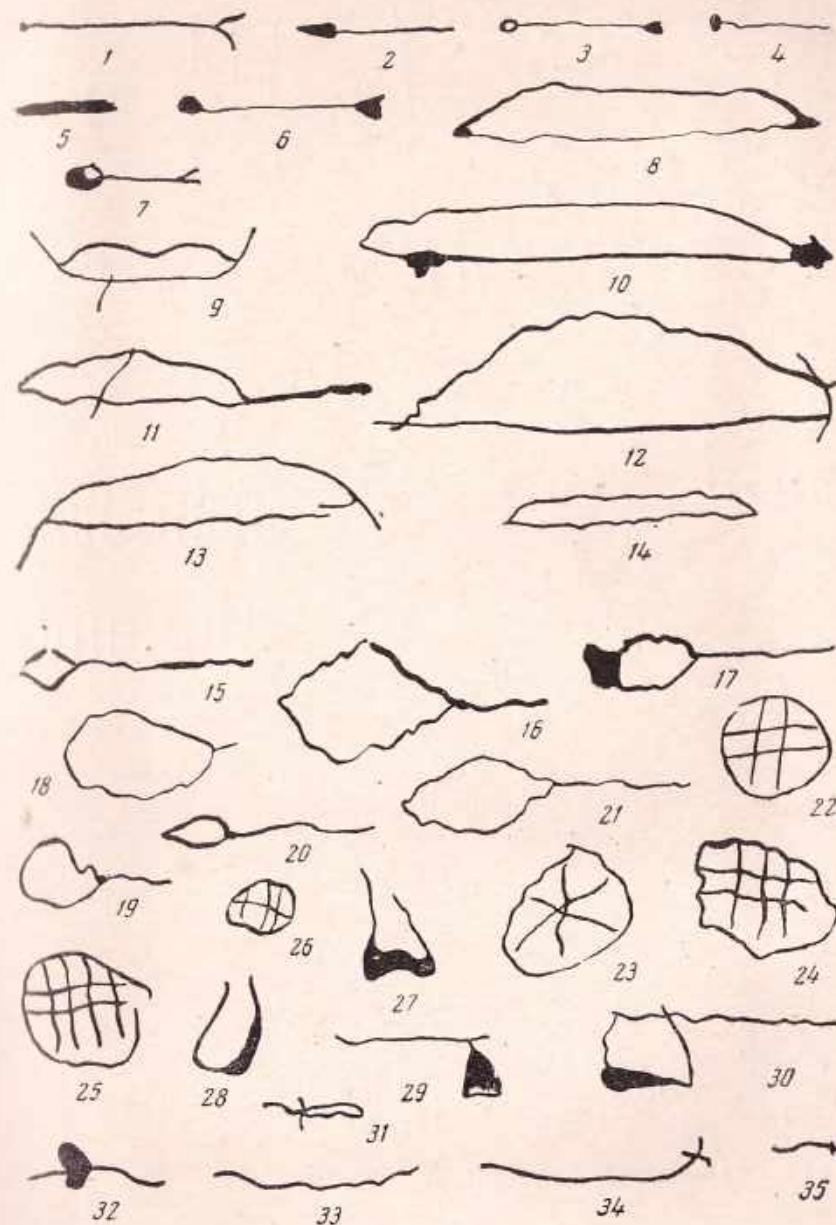
В таблице эти знаки были сгруппированы по сюжетам. Знамена главным образом изображают оружие: стрелы (32/1—32/7), луки (32/8—32/14), копы (32/15—32/21), щиты (32/22—32/28), топоры (32/29, 32/30), ножи (32/31, 32/32) и сабли (32/33—32/35). Луки здесь изображены без стрел, что очень редко встречается у других народов. Чрезвычайно редкими являются также рисунки

Т а б л и ц а 31. Тюменский уезд. 1656 г.

щитов. Боевые щиты изображались только так называемыми красноярскими татарами.

Тобольский уезд был населен татарами и остяками. Из двадцати семи волостей, приписанных к нему, восемнадцать были татарскими, а девять — остяцкими. Относительно тамг населения этого уезда данные далеко не исчерпывающие.

Т а б л и ц а 32. Барабинские тамги

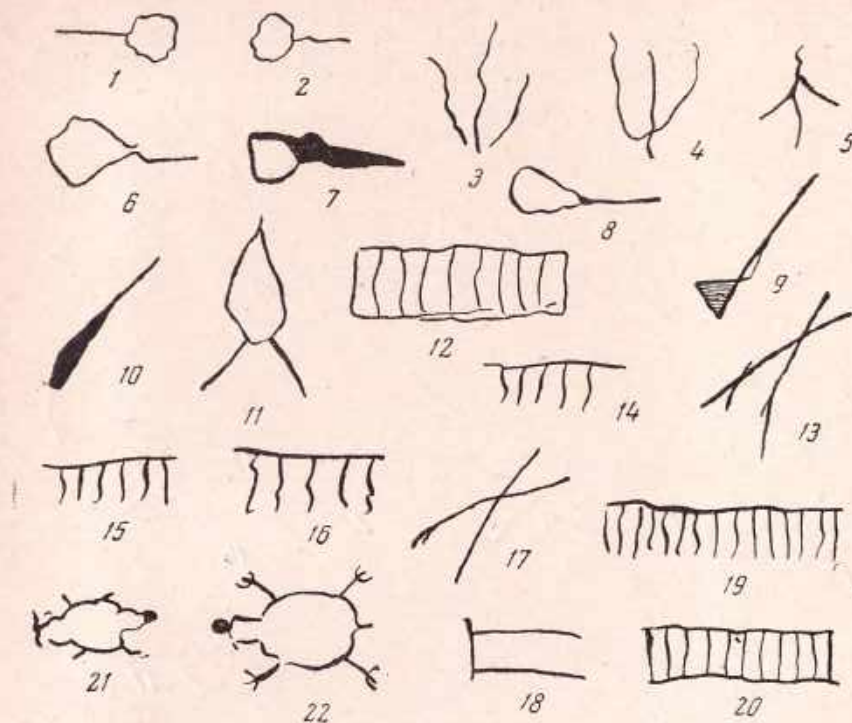

Таблица 33. Тобольский уезд:

1, 2 — поварища (Первая Байбасанская волость); 3—5 — гусиная нога (Вторая Байбасанская волость); 6 — копыто (Демьянская волость); 7, 8 — ?; 9 — конское пятно, 10 — ? (Индерская волость); 11 — бобровое копыто, 12 — иргенек, 13 — скопец (Капканинская волость); 14 — гребень (Комутская волость); 15, 16 — гребень (Лобутан); 17 — скопец (Лаймская волость); 18 — оглобли санные (Сунришская волость); 19 — гребень, 20 — иргенек (Увацкая волость); 21 — ? (Юконда); 22 — ? (Конда Малая)

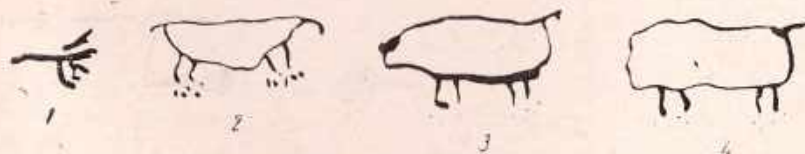

Таблица 34. Нарьмский городок. 1654/55 г.:

1 — медвежья лапа; 2—4 — медведь

Тамги тобольских ясачных людей были обнаружены лишь под сыском Андрея Княжина 1655 г.⁹ Знаки тобольцев подписаны следующим образом: «К сим речам своим обыским Чечка Енгитов за себя и за товарищев своих, своей волости Кречатников, зная свое волостное, копые бобровое, приложил»¹⁰. Тамги представителей всех волостей имеют такие подписи.

Бабасанские (Байбасанские) волости (на реке Нерде и отдельная) имели разные волостные знамена (33/1—33/5). В первой волости тамгу поставили два человека, посящие разные фамилии по именам отцов. Знаки их одинаковы. Эта волость была, вероятно, одним родом, члены которого имели общую тамгу. Знак «поварища», несомненно, более позднего происхождения, чем тамга «гусиная лапа», или «гусиная нога», Второй Байбасанской волости. Здесь гусиную ногу написали три человека. При этом писец называет ее также волостным знаменем. Возможно, что тотемом бабасанских ясачных людей был гусь, откуда и произошла эта тамга.

Общую тамгу имели Демьян-городок и Демьянская (Верхне-демьянская) волость. По свидетельству Г. Ф. Миллера, территорию по реке Демьянке, включая Демьян-городок, заселяли остяки¹¹. Писцы перевели название тамги как «копыто». Знак несколько напоминает изображения лосиных ног на вогульских охотничьих затесах, описанных Н. И. Кузнецовым (см. выше, стр. 39).

Кроме татарской Второй Байбасанской волости и остяцких волостей Юконда и Малая Конда, только тамги Демьян-городка и Демьянской волости ведут свое происхождение от изображений животных.

Индерская волость представлена двумя знаками собственности, как их прямо называет источник (33/9, 33/10). В сыске тамга индерского есаула Сейтмета Чунчеева названа конским пятном, т. е. тавром. Подобную же тамгу под сыском поставил индерский ясачный татарин Баксубукан Боров. Его знак написан менее четко и писцом не назван. Что изображает данное тавро, документы смысла не объясняют. О индерском тавре сказано, что это «волостное индерцов, ясачных людей, зная»¹². Следовательно, ясачные люди этой волости имели общий знак собственности для таврения скота. Возможно, что население волости составляло один род.

Три волости Кречатников, на реках Ашле и Вагае, были обысканы в 1655 г. под общим названием Капканинской. Они были населены тремя независимыми родами. Сюжеты тамг — «бобровое

★

⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, столб. 501, лл. 252—257.

¹⁰ Там же, л. 257.

¹¹ Миллер, 1941, стр. 489—491.

¹² ЦГАДА, Сибирский приказ, столб. 501, л. 255.

копье» (33/11), «иргенек» (33/12) и «скопец» (33/13). «Иргенек» переводится писцами как «дверь лубяная избы». Знак, в самом деле, изображает раму и поперечные планки двери, которыми закреплялся лубок. Знак «скопец» изображает какое-то орудие, похожее на ножицы. Может быть, это слопец, т. е. капкан.

Комуцкая и Лобутан волости имели общую тамгу, название которой было переведено как «гребень» (33/14—33/16). В сыске указано, что эти тамги являются общеволостными, в данном случае родовыми. Очевидно, один татарский род расселился на территориях этих волостей. Часть татар этого рода, вероятно, жила в Увацкой волости, где есть точно такая же тамга (33/19).

Ясачные люди Лаймской (Ашла) волости имели ту же тамгу, что и татарский род Кречатников на реке Ашле — «скопец» (33/17, 33/13). Волости были расположены рядом. Это говорит в пользу предположения о том, что их заселяли татары одного рода.

Тамгой татар Супринской волости было изображение санных оглобелей (33/18). Знак весьма оригинален по сюжету и отображает хозяйственный уровень супринских татар. Сюжет знамени позволяет приблизительно датировать эту тамгу. Санные оглобли — принадлежность русской системы упряжки лошадей. Судя по многочисленным историческим источникам, до прихода русских коренное население Сибири применяло ремennую упряжь. Таким образом, рассматриваемая тамга появилась после прихода русских.

Татары Увацкой волости принадлежали к двум разным родам, живущим также в Комуцкой, Лобутан и Кречатников-на-Вагае волостях. Под сыском 1655 г. они поставили знамена «гребень» (33/19) и «иргенек» (33/20).

На основании изученных тамг можно предположительно реконструировать миграцию тобольских татар.

Остяцкие волости Юконда и Ковда Малая, заселенные людьми одного рода, имели самую архаичную среди знаков тобольских ясачных людей тамгу — изображение животного (33/21, 33/22), близкое по характеру к рисункам бобров сургутских остяков. Таким же исключением представляются тамги ясачных остяков Нарымского городка, поставленные под сыском 1654/55 г. (табл. 34)¹³. Тамга ясачных людей Нарымского городка — медведь. Рисунок крайне схематичен и отличается по манере от других остяцких изображений в некоторых деталях. Голова медведя на трех тамгах различных людей нарисована крайне условно. Особенно тщательно выписаны лапы. Точки вокруг ног образуют рисунок следа медведя. Одна из тамг представителей населения Нарымского городка изображает лапу медведя. По мнению В. Н. Чернецова, это тамга какой-то группировки медвежьего рода Нарым-

ского городка. По-видимому, верное предположение. В обысках 1654/55 г. говорится, что тамга «медвежья лапа» поставлена от имени тридцати ясачных людей представителем, очевидно, главой, этой группировки. Знак 34/2 поставлен главой группы населения, насчитывающей пятнадцать ясачных людей. Таким образом, при сыске выступали четыре самостоятельные группы населения, принадлежавшие к одному роду. Юридические взаимоотношения этих групп те же, что и родов, входящих в какое-нибудь племя. При этом все группы в целом принадлежат к одному роду. Отсюда Нарымский городок следует рассматривать как какую-то переходную форму общности населения, выросшую из рамок родовых отношений, но по происхождению составляющую один род. Интересен сам факт выбора медвежьей лапы в качестве тамги группы людей из рода Медведя. В данном случае этот знак означает часть медведя — часть рода. Возможно, что такие случаи имели место и у других народов. Это, однако, не общее правило. Иногда части тотема, чаще всего лапы, т. е. рисунок следа, бесспорно, являются элементарным упрощением первоначального рисунка при сохранении прежнего значения. Знамя «медведь» Нарымского городка — один из немногих знаков тобольских остяков, объясненный в документе.

*

¹³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 214, л. 462.

БЕРЕЗОВСКИЙ УЕЗД

Остяки

*

В Сибири одним из самых крупных был Березовский уезд. Березовский острог построил на месте остяцкого городка Сумгут-ваш воевода Никифор Траханиот. После этого под контролем русской администрации оказалось остяцкое население водораздела Оби по рекам Сосьве, Казыму, Куновату, Полую и другим, а также самоеды, заселявшие обширные пространства тундровой и лесотундровой зоны бассейна Пура, Обской губы, Тазовской губы и полуострова Ямал. Березовская администрация, кроме сбора ясака, ведала взиманием таможенных пошлин с торговых и промышленных людей, едущих северным путем.

Березовский уезд состоял из следующих остяцких волостей: Обдорской, Куновацкой, Казымской, Сосвинской, Естыльской, Ляпинской, Подгородней и Белогорской. Сюда входило также Кодское княжество, включавшее Кодские городки, Ендырскую, Васпукольскую и часть Ваховской волости. Коде принадлежала и Колпукольская волость, платившая ясак в Тобольске. Население собственно Коды и приписанных к ней волостей было в вотчинном владении князей Алачевых. Как будет показано далее, особое положение занимала Белогорская волость.

В настоящей главе не будут рассматриваться тамги березовской «самояди» (ненцев). Они анализируются в разделе, посвященном Мангазейскому уезду.

Остяцкие знамена были впервые описаны Н. Н. Оглоблиным, который обнаружил их при разборе материалов Сибирского приказа, хранившихся в Московском архиве Министерства юстиции¹. Н. Н. Оглоблин обратил внимание на несомненную ценность знамен как исторического источника. Однако его методика изучения тамг была весьма неудовлетворительной. Он дал лишь внешнее описание знаков, не объяснив их смысла. Н. Н. Оглоблин не сделал попытки сгруппировать знамена по территориальному и хронологическому признакам, что выявило бы особенности знаков, принадлежащих соответствующим группам остяцкого населения.

*

¹ Оглоблин, 1889.

Исследователь не связал появления тех или иных тамг с определенными документами, с историей появления этих документов. Их назначением. «Это были,— делает вывод об остяцких знаках Н. Н. Оглоблин,— так сказать, именные печати, отчасти даже фамильные гербы, не имеющие, впрочем, характера вечной принадлежности инородческих родов и семей: рисунки знамен нередко менялись по произволу употреблявших их лиц... Словом, это были только зачатки гербов и печатей»². Далее Н. Н. Оглоблин утверждает, что тамги остяков следует рассматривать лишь как пример живописи, в некоторой мере отражающей «окружающий этих детей природы мир». Отсутствие целенаправленного анализа не позволило Н. Н. Оглоблину выявить сакральные знаки, личные тамги, родовые знамена тотемического происхождения и т. п. У Н. Н. Оглоблина и возник вывод о знаменах как о «плоде фантазии» остяков. Работа Н. Н. Оглоблина грешит многочисленными ошибками в определениях принадлежности тамг разным народам. Знаки селькупов и самоедов он приписывает хантам, кетские тамги — татарам. Он часто совершенно произвольно трактует знамена, усматривая в них изображения собак, лошадей и других животных, рисунки которых в это время у остяков в приведенных материалах не встречаются. В частности, целую группу тамг автор называет морскими чудовищами.

Н. Н. Оглоблину принадлежит также публикация тамг под названием «Знамена сибирских инородцев в XVII в.»³.

Здесь имеются знаки остяков Березовского, Сургутского и Нарымского уездов, самоедов Мангазейского, селькупов Кетского и кетов Енисейского уездов, названных Н. Н. Оглоблиным остяками, туринцев и красноярцев, названных татарами, якутов и охотских тунгусов. Тамги сопровождаются чисто описательными пояснениями. Всего Н. Н. Оглоблиным было опубликовано 190 знаков народов Сибири.

Неверное утверждение Н. Н. Оглоблина об отсутствии каких-либо закономерностей в возникновении остяцких тамг проникло и более позднюю этнографическую и историческую литературу.

Материалы Тобольского архива в 1896 г. были опубликованы в одной из работ Х. М. Лопарева⁴. Это были поступные, заемные и вкладные грамоты, в которых указаны знамена остяков. Эти тамги полностью совпали с приводимыми ниже знаками березовских остяков. Х. М. Лопарев никак не объяснял значения опубликованных им знаков.

В 1897 г. Ф. Мартин опубликовал весьма интересные рисунки агайских хантов, тождественные изображениям различных

*

² Оглоблин, 1889, стр. 136.

³ Оглоблин, без года.

⁴ Лопарев, 1896.

животных у сургутских остяков⁵. Таблица рисунков была снабжена краткими комментариями. Характер изображений бобров, выдр, оленей, соболей и других животных является отличной иллюстрацией долговечности традиций рисунков.

Ценные сведения о культуре, быте, типах общности и общественных отношениях угорских народов бассейна Оби, дающие возможность более глубокого анализа остяцких и вогульских тамг, имеются в работах У. Т. Сирелиуса⁶ и Ф. Семайера⁷.

Большой интерес представляет работа С. И. Руденко о графическом искусстве остяков и вогулов⁸. Здесь приводятся материалы экспедиции 1909—1910 гг. С. И. Руденко собрал многочисленные сведения о татуировках населения на Оби. К этому времени, по наблюдениям автора указанной работы, вытатуированные знаки употреблялись как знаки собственности — тавра. С. И. Руденко указал на назначение этих знаков, довольно ясно отраженное в самом названии тамг — «оленья метка». Он подчеркнул отличие этих тамг от знамен XVII в. «Вполне возможно, — пишет автор, — что в иных случаях при татуировке изображаются тотемы. Вне сомнения, иногда татуировка, как любая примета, служила знаменем для данного лица, примеры чего приводят Новицкий, Оглоблин и Сорокин, но отождествлять татуировку с тамгами, знаменами вряд ли будет правильно»⁹. Утверждение С. И. Руденко верно. Как будет видно далее, на татуировках и в XVII в. изображались иногда тотемы, как правило, сакральные знаки и личные знаки, связанные или не связанные с родовыми. Выбор личных знаков, не связанных с изображениями тотемов, очевидно, подчинялся какому-то правилу, установить которое, однако, трудно. Если принять во внимание тот факт, что Н. Н. Оглоблин относительно остяцких тамг высказал довольно произвольное суждение, то будет ясно, почему С. И. Руденко, который мог опираться только на опубликованный Н. Н. Оглоблиным материал, не удалось установить генетической связи остяцких знаков XVII и XX вв. С. И. Руденко отметил манеру стилизации рисунков у остяков, считая характерной для них особенностью изображать животных, птиц и рыб в движении. Исключительную ценность представляет сравнительный анализ орнаментов, украшений на различных предметах, остяцких татуировок и тамг, сделанный С. И. Руденко.

Большим вкладом в изучение народов Оби является работа В. Н. Чернецова «К истории родового строя у обских угров»¹⁰.

*

⁵ Martin, 1897.

⁶ Sirelius, 1904.

⁷ Semayer, 1905.

⁸ Руденко, 1929.

⁹ Там же, стр. 17.

¹⁰ Чернецов, 1947.

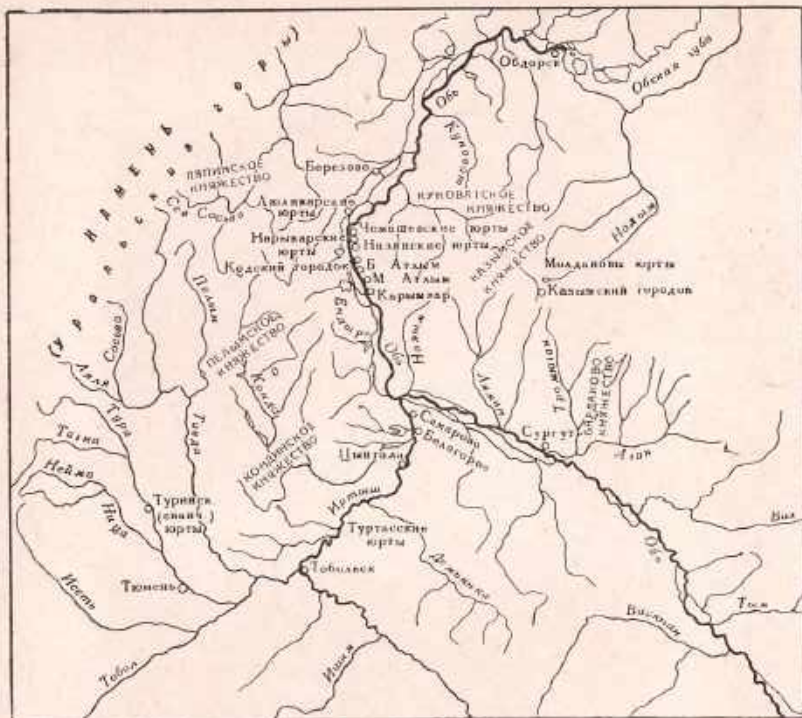
Здесь при исследовании типов общности обских угров затронут вопрос о тамгах. Прямо указывая на существование родовых знаков у остяков и вогулов, В. Н. Чернецов распространяет это правило на всех обских угров в XVII в., называя эти знаки волостными. Как уже было сказано выше, у верхотурских вогулов родовые тамги как юридические знаки перестали употребляться уже в начале XVII в. и, как увидим далее, родовые тамги имели лишь обские угры некоторых волостей Сургутского уезда, а именно тех, которые составляли один род. Следует еще оговорить, что назначение родовой тамги в сильной мере зависело от характера общественных отношений в той или иной волости.

Тамги ясачных людей Березовского уезда до второй половины XVII в. встречаются весьма редко. Большое число их поставлено впервые под обыском 1632 г. В 1628 г. тобольский письменный голова Василий Теприцкий и подьячий Иван Костюрин были посланы для обыска вотчин князей Алачевых. На следующий год Алачевы подали в Москве челобитную, где обвиняли дозорщиков в том, что они потребовали от Алачевых «посул» в 300 рублей и после отказа внесли в дозорные книги много людей, не подлежащих обложению ясаком: старых и увечных, недорослей, княжеских дворовых и др. Теприцкий и Костюрин в свою очередь заявили, что Алачевы утаили до 260 ясачных людей. И те и другие требовали нового сыска.

В 1630 г. из Москвы были специально посланы сын боярский Александр Воейков и подьячий Поместного приказа Максим Козлов для нового дозора алачевских вотчин. В 1632 г. дозорщики доставили в приказ Казанского дворца новый сыск. Обычно обыск ясачных людей (не только остяков, но и всего нерусского населения) сводился к исключению из числа плательщиков ясака старых, увечных и умерших людей и включению в податное население недорослей, у которых «вышли года», т. е. достигших возраста, с которого платился ясак. Дозорщики с толмачом опрашивали ясачных людей, иногда представителей отдельных родов — волостей и территориальных групп или местную администрацию. У остяков во главе волостей или целой группы волостей — «княжеств» — стояли местные князцы. По С. В. Бахрушину¹¹, волости Березовского уезда делились между Ляпинским княжеством (левый берег реки Оби между Обдорью и Кодой), Куноватским княжеством (бассейн реки Куновата до Обской губы) и Казымским княжеством (см. на стр. 74 карту остяцких и вогульских поселений в XVI—XVII вв., составленную С. В. Бахрушиным). Порядок сыска регламентировался довольно расплывчатыми наказами. Естественно, что такое положение дел не могло обеспечить

*

¹¹ Бахрушин, 1935.

Остячные и погульские поселения в XVI—XVII вв.

достоверных «дозоров» и было причиной различных злоупотреблений. Единого порядка обыска и юридического оформления сыскных документов до Уложения 1648/49 г. не было. Только после собора 1648/49 г. было оговорено, что все «сказки» ясачных людей должны быть заверены их собственноручными знаменами.

Посылая А. Воейкова и М. Козлова, правительство постаралось обеспечить достоверность сведений, наказав им «иметь знамяны» всех участвующих в опросе ясачных людей. Этот сыск был фактически первым, когда довольно широко привлекли рядовое население (более двухсот человек), а не только аристократическую верхушку и местную администрацию. Обыск 1631 г. состоит из «обыскных речей» ясачных людей алачевских вотчин, которые поставили около 300 знамен (см. табл. 49, 50, 51). Часто один и тот же человек ставил знамя под разными документами. Тамги не снабжены никакими комментариями. Непонятные для приказных людей центральных учреждений значки не могли быть достаточной гарантией того, что к сыску привлекались действительно указанные люди. Незнание ими знамен допускало возможность

подделки. Вероятно, правительством были предприняты какие-то меры, так как в следующем сыске 1640 г. Константина Чюкомина, «дозрившего» Березовский уезд, знамена снабжены подробными комментариями. После этого обыски стали проводиться более строго. Одни сопровождалась «сказками по вере и по шерти» части населения, когда ясачный человек клятвой подтверждал верность сообщаемых сведений, ставя при этом свою тамгу, а другие были общей переписью оказавшегося налицо ясачного населения. В первом случае тамги должны были как-то отражать содержание клятвы, во втором — ставился личный юридический знак опрошенного лица. Знамена остяков Березовского уезда хорошо иллюстрируют сказанное.

Знамена ясачных людей Обдорской волости были известны березовским приказным еще в 30-х годах XVII в. Существует подделка тамг обдорских остяков, относящаяся к 1642 г. 25 июля 1642 г. в Обдорской волости произвели сыск казачий атаман Бажев Кокоулин и пятидесятник Иван Мещеряков¹². Записывавший «обыскные речи» казак Прокопий Дмитриевич Шахов скопировал с какого-то более раннего документа тамги обдорских ясачных людей и снабдил их соответствующими подписями, взятыми из того же документа. Подделка легко определяется по необычайно строгому расположению знамен (все знаки написаны строго один под другим у левого края листа столбца), одному и тому же нажиму, твердости написания каждого знака и т. д. Через восемь лет, в 1650 г., сыск Обдорской волости провели Василий Кокоулин и Леонтий Михайлов¹³. Большинство тамг обдорцев под новым сыском те же, что и в 1642 г. Отсутствие некоторых прежних и появление новых знамен у обдорцев за период, прошедший со времени составления документа, с которого были списаны Шаховым тамги (до 1640 г.), и до 1650 г., т. е. более чем за 10 лет, объясняется тем, что часть остяков выбыла из числа ясачных людей и были включены новые плательщики ясака.

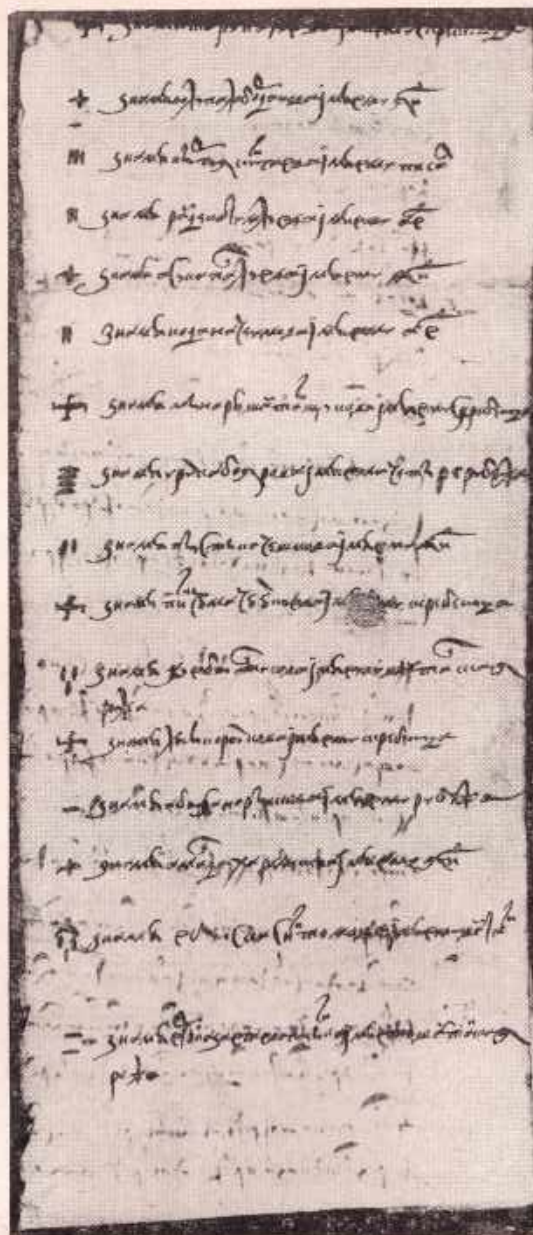
К сыску 1650 г. было привлечено 26 человек, которые поставили под этим документом свои тамги (см. табл. 35, 36). Остяки были сначала приведены к шерти, после чего «по их бусурманской вере» давали показания. Знаки расшифрованы писцом. Одинаковые знаки опускались.

Скобель (36/1) поставили пять человек: князь Момлек Момруков, Таира Понтуев, Момара Шайтанчиков, Пикчим Чумокнев и Люса Карымов. Этот знак не может быть родовым, так как одновременно с Момлеком из княжеского рода Момруковых его поставил целый ряд простых ясачных людей. Он не мог также быть

*

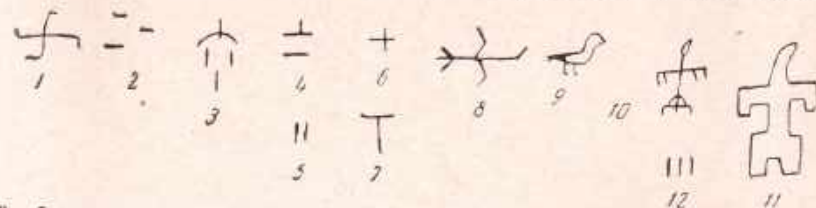
¹² ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 111, л. 94.

¹³ Там же, стлб. 105, лл. 169—170.

Т а б л и ц а 35. Фрагмент столбца сыска
Обдорской волости. 1650 г.

чьим-либо личным знаком, так как употреблялся чуть ли не каждым третьим из ясачных людей Березовских волостей. Зная особенность данного сыска, можно рассматривать этот знак как сакральный, поставленный для подтверждения достоверности «сказок». Тамгу под названием «шайтанская рожа» (36/2) поставили четыре человека из разных родов. Этот знак не может быть ни родовым, ни личным. Шайтанская рожа составляет около четверти всех тамг в Березовском уезде. Единичный характер имеет знак 36/3. Здесь рисунок шайтанской рожи усложнен и знак назван

Т а б л и ц а 36. Обдорская волость. 1650 г.:

1 — скобель; 2 — шайтанская рожа; 3 — шайтан; 4 — дол; 5 — аед; 6 — яид;
7 — костыль; 8, 9 — пташка; 10 — дятел; 11 — человек; 12 — писал

шайтаном. Не поддается расшифровке знак, названный писцом «дол» (36/4). Ни в одной из волостей это знамя не встречается. Автор этого знака — остяк Абок Селиков. Довольно широко распространены у обдорцев знаки «аед» и «яид», не употреблявшиеся людьми других волостей (36/5 и 36/6). Аед поставили под сыском три человека, яид — также три. Эти люди не были связаны близким родством, и знаки «аед» и «яид» нельзя считать родовыми или личными тамгами. Все эти знаки (36/1—36/6) имеют, несомненно, сакральный характер, что подтверждается анализом этих же знамен у ясачных людей других волостей. Тамги «аед» и «яид» переводятся писцами как «две черты» и «крест». Эти знаки употреблялись только обдорцами, как и знак «дол».

Тамга «костыль» (36/7) — знак, явно употреблявшийся в качестве оленьего тавра. Он принадлежит Туяну Понтуеву и был, вероятно, заимствован у оленных самоедов. Два различных рисунка пташки (36/9 и 36/8) различны по значению: первая — знак тотемического происхождения, вторая — знак, связанный с культом.

Тамга «дятел» (36/10), принадлежащая Вырчику Етекову, тотемического происхождения. Знак «дятел» встречается в Сосвинской, Подгородней и Белогорской волостях (42/12, 45/8).

Совершенно исключительным является знак «человек» (36/11). Изображение сильно стилизовано и приближается к приемам орнаментики остяков и вогулов на берестяных изделиях, одежде и других предметах. Знак «человек», имеющий совершенно другое начертание, во время этого же обыска написал один остяк Подгородней волости (45/17).

Лишь один раз встречается знак Ныргия Кунгеева (36/12)¹⁴, название которого было переведено как «писал», т. е. руку приложил, удостоверил. Аналогичные знаки более нигде не встречены.

В ноябре 1656 г. Иваном Дружининым был произведен очередной обыск Березовского уезда. В числе других была обыскана и Обдорская волость¹⁵. Здесь к обыску были вызваны новопробытые остяки при участии ранее дававших «сказки» ясачных людей. Новопробытые поставили личные тамги, которые писец оговорил как «знамяны на правой (левой) руке». Объяснений знаков нет.

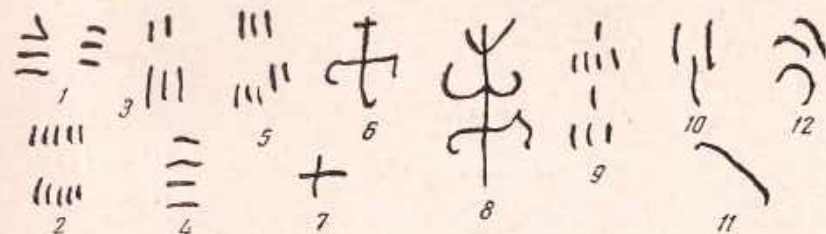

Таблица 37. Обдорская волость. 1656 г.

Первые два знака в табл. 37 принадлежат братьям Петру и Мойде Нотовым. Знаки различны. Они отличаются и расположением и числом рубежей. Это личный знак каждого из названных людей, не связанный с родовой тамгой. Дозорщики потребовали от Нотовых и остальных ясачных остяков, чтобы те ставили именно эти знамена для того, чтобы знать знаки, удостоверяющие личность каждого ясачного человека.

Тамги 37/3 — 37/5 имеют такое же значение, что и тамги братьев Нотовых. Знак 37/5 принадлежит Шуге Селикову, брату Абока Селикова, поставившего в 1650 г. знак «дол» (36/4). Здесь при сравнении тамг также хорошо видна разница в назначении каждого из знаков. Тамгу «скобель» (37/6) и на этот раз поставило несколько человек.

Здесь же имеется знак «шайтанская рожа» (37/10), поставленный тем же Дураком Курзеновым, который написал ее и под сымом 1650 г. (36/2)¹⁶.

*

¹⁴ Остальные тамги поставили: 2 — Дурак Курзенов, Илчия Селкиев, Клеба Айпасов, Ертюк Загаев, 3 — Ебык Снитомодов, 5 — Райдока Тумлиев, Якодан Чеумов, Пыстыка Чешков, 6 — Волина Лабордаков, Апыск Попылев, Ашандах Ремеев, 8 — Емодан Ижитибунни, 9 — Колмансат Алмапчиев, 11 — Козик Кыгалев.

¹⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, лл. 66—76.

¹⁶ Остальные тамги поставили: 3 — Окос Вокчимов, 4 — Смагин Чеголдаев, Ютыш, 6 — Токур Селицамин, Кыжик Азимов, Пойга Моткеев, князец Ермак Момруков, 7 — Тынина Нептеев, 8 — Коян Чеумов, 9 — Пыстик Чешков, 11 — Томыс Тунаев, 12 — Ебык Аспов.

На основании рассмотренных тамг можно утверждать, что Обдорская волость была племенем: из знамен сыска 1650 г. становятся известными, по крайней мере, тотемы двух родов — птичка и дятел. Население Обдорской волости в 1651 г. насчитывало 226 человек, а в 1660 г. — 227 человек¹⁷. Таким образом, в обоих смыслах участвовало около одной пятой всех остяков. О количестве родов, входивших в Обдорскую волость — племя, здесь судить очень трудно. В конце XIX в. В. Бартеков насчитывал у обдорцев семь родов¹⁸. Эти роды в определенное время собирались на празднества, длившиеся семь дней — по числу родов. Праздник проходил на главном священном месте обдорцев — Ангальском мысу, где было священное дерево и грубо сделанные идолы. Относительно родовых отношений в это время В. Бартеков сообщает: «Обычай не признает только тех браков, которые совершались бы между членами одного и того же рода, хотя за давностью лет родственные отношения членов рода уже определены быть не могут»¹⁹.

Население Обдорской волости занималось главным образом рыболовством. Охота, судя по всему, была менее развита, чем рыболовство. Г. Новицкий писал об обдорцах, что они доходят до Новой Земли: «Остяки, самоиды касаются пределом ее (Новой Земли. — Ю. С.). Обаче оные глубочае внутре ея вступити не дерзнуть и не возмогут. Аще же и близ ея касаются и только для промыслу на зверы бывают, иде же всякого зверя премногое доволство: песцы, елени и прочих зверей, множество же костей рыбных промышляют»²⁰. Из остяков только некоторые обдорцы занимались морским промыслом. Оленеводство у обдорских остяков почти без изменений сохранилось до XX в. Основной промысленной рыбой были нельма, муксун, сырок и щука. С 20-х годов XIX в. началось заселение Обдорского края русскими. С 70-х годов в Обдорск стали переселяться зыряне, которые к 90-м годам уже составляли треть всего населения. По переписи врача Я. И. Зельмунина, на ноябрь 1891 г. в Обдорском крае насчитывалось 378 русских, 290 зырян, 95 остяков, 103 самоеда²¹.

Куноватская волость занимала обширную территорию от верховьев реки Куновати до ее впадения в Обь. Эта волость входила в Куноватское княжество. Его возглавляли в изучаемое время князья из рода Алачевых. Однако это княжество не было алачевской вотчиной. Численность ясачных людей этой волости —

*

¹⁷ Долгих, 1960, табл. 19.

¹⁸ Бартеков, 1896.

¹⁹ Там же, стр. 98.

²⁰ Новицкий, 1941, стр. 37.

²¹ Бартеков, 1896, стр. 9.

княжества в 1645 г. была 118 человек, в 1651 г. — 150 и в 1600 г. — 184 человека. К началу XVIII в. численность ясачных остяков Куноватской волости достигла более чем 300 человек ²².

В сыске Федора Боборыкина, Осипа Федорова, Никиты и Исака Шаховых в Куноватской волости в 1650 г. приняло участие 12 человек ²³. Обыскные речи здесь, как и в Обдорской волости, давались под присягой, так как сыск 1650 г. Березовского уезда проводился одинаково во всех волостях, согласно «типовому» наказу дозорщикам. Участвовало в сыске около десятой части всего населения. Знаки расшифрованы писцами.

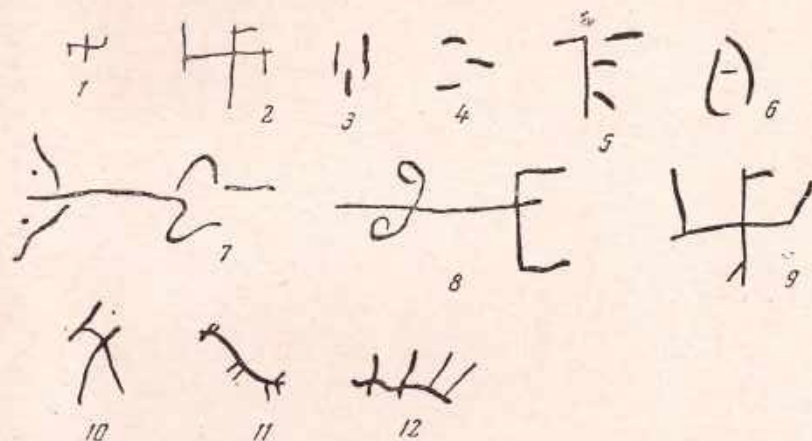

Таблица 38. Куноватская волость. 1650 г.:

1, 2 — скобель; 3, 4 — болван; 5 — шайтан; 6 — ?; 7—10 — птица; 11 — олень; 12 — сиський (воробей)

Первым поставил тамгу «скобель» (38/1) князец Куноватского княжества Гора Данилович Алачев. Скобель написан неполностью. Несколько отличается от этого знака тамга «скобель», поставленная Гокчапом Нюликовым (38/2). По своему значению оба знамени совершенно одинаковы. Один поставлен представителем княжеской фамилии Алачевых, другой — рядовым остяком, не состоявшим с Алачевыми в родстве. Скобель не является ни родовым, ни личным знаком для каждого. Это знамя два человека поставили в подтверждение клятвенного обещания говорить правду. Палеографические особенности каждого знамени зависят только от умения их авторов писать этот знак. Далее знак, наз-

*

²² Долгих, 1960, табл. 19.

²³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 105, лл. 171—172.

ванный писцом «болван» (тот же, что и шайтанская рожа), написали Табил Ячеве и Шила Кадаев (38/3, 38/4). Любопытно слово, которым перевели толмачи название «шайтанская рожа». В XVII в., по материалам Сибири, Поволжья, Урала и т. д., там, где основное население было язычниками, приказные люди обычно именовали болванами различных идолов. Следующая тамга — «шайтан» (38/5) — является несколько усложненным знаком «шайтанская рожа». Он назван так же, как и усложненный знак «шайтанская рожа» в Обдорской волости (см. 36/3).

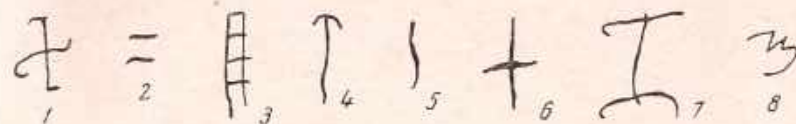

Таблица 39. Куноватская волость. 1656 г.

Знамя 38/6 выписано Кайдыком Понеловым. Об этом знаке писец сообщает, что «имяни ему нет». Это, скорее всего, тоже какой-то культовый знак, несколько напоминающий тамгу «перна» остяка Сосвинской волости (42/13) ²⁴.

Знаки 38/7—38/12, несомненно, являются родовыми тамгами тотемического происхождения. У знамен 38/7, 38/9 был, очевидно, общий прототип. Однако каждый из ясачных людей написал знак «птица» с палеографическими отличиями. По-видимому, это были семейные знаки, сохранившие сходство в начертании с родовым. Куноватская волость, как можно судить по рассмотренным тамгам, состояла из трех родов: Птицы, Оленя и Воробья. Таким образом, эта волость, как и все остальные в Березовском уезде, была заселена одним племенем.

Обыск 1656 г. представлен восемью тамгами ²⁵. К этому обыску было привлечено 11 человек, в основном новоприбылых. От ясачных людей, как и в Обдорской волости, при этом сыске потребовали, чтобы они поставили личные знаки, вытатуированные у них на руках.

Знак «скобель» (39/1) написали четыре человека, не связанные родством, что подтверждает его сакральное значение.

Здесь имеется личный знак Окоса Вокчимова (39/7), который в 1650 г. поставил семейный знак, возникший из родовой тамги «птица» (38/9). Знаки существенно отличаются друг от друга. На

*

²⁴ Остальные тамги поставили: 5 — Рахтан Нончимов, 7 — Колмозер Тынанков, 8 — Семен Лахмидов, 9 — Окос Вокчимов, 10 — Чугуль Кулеев, 11 — Сыклат Еров, 12 — Редия Юколымов.

²⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, лл. 57—66. Сыск Ивана Дружинина Березовских волостей 1656 г.

этом примере можно сделать вывод, что березовские остяки употребляли в разных случаях разные тамги. В подтверждение клятвы изображался тотем или сакральный знак; знаком же, удостоверявшим личность данного человека, была особая тамга, не повторявшаяся ни у кого из членов рода и семьи ²⁶.

Ляпинская волость входила в состав Ляпинского княжества. В 1645 г. в волости было 148 ясачных людей, в 1651 г. — 209 и в 1660 — 232 человека ²⁷.

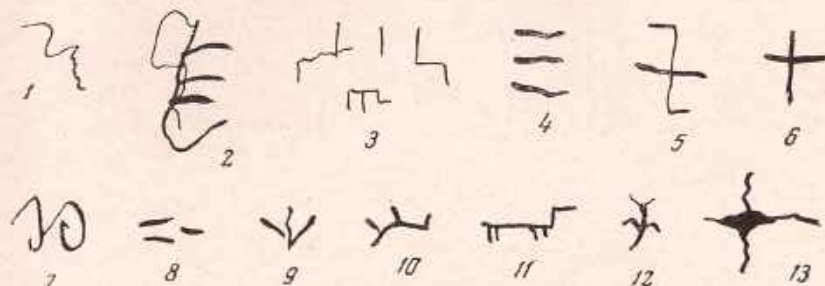

Таблица 40. Ляпинская волость. 1650 г.

1 — ?; 2, 5, 6 — скобель; 3, 7 — шайтан; 4, 8 — шайтанская рожа; 9 — орловая лапа; 10 — орел; 11 — медведь; 12 — перна; 13 — пичужка

Во время сыска Родиона Лихачева, Василия Торнова и Прохора Мещерякова было приведено к шерти и опрошено 13 человек ²⁸. Названы все тамги, кроме знамени Тонковоса Рименова (40/1). Обращает на себя внимание знак 40/2 Чеуля Соянина, названный «скобель». Знак несколько отличается от обычного начертания скобеля. Три вертикальные черты напоминают шайтанскую рожу. Знак, вероятно, является синтезом двух сакральных знамен. Весьма примечательна тамга, поставленная Иваном Лечмановым, — «шайтан» (40/3). Здесь написана комбинация из мифических трех черточек. Лайма Лангин написал три черты шайтанской рожи не отрывая пера, в результате чего получился необычный рисунок, названный «шайтан» (40/7). До сих пор в трех рассмотренных волостях видоизмененное изображение шайтанской рожи переводилось как «шайтан». В то же время существовал повсеместно один общий знак, именуемый шайтанской рожей

*

²⁶ Тамги поставили: 1 — Талых Ендин, Кошель Пугырчев, Ждан Торин Чобакай Дымов, 2 — Туян Семенов, 3 — Пархач Чкляков, 4 — Келей Горчаков, 5 — Кызым Чугунов, 6 — Гопта Чунгылов, 7 — Окос Вокчимов, 8 — Сыкля Таеров.

²⁷ Долгих, 1960, табл. 19.

²⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 105, лл. 175—176.

Будет уместным предположить, что каждым особым знаком «шайтан» обычно изображался какой-то местный культ, призываемый в свидетели шерти, или кумир, олицетворяющий этого духа, которому поклонялась или вся волость — племя, или отдельные роды, входившие в него. Как и в двух рассмотренных выше волостях, под сыском 1650 г. Ляпинской волости имеются родовые тамги. Две тамги — «орловая лапа» и «орел» — несомненно, генетически связаны между собой (40/9 и 40/10).

Знамя, изображающее медведя (40/11), можно трактовать двояко. Известна клятва перед медведем, медвежьей лапой. Если

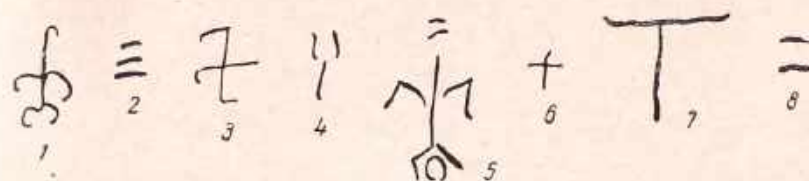

Таблица 41. Ляпинская волость. 1656 г.

в данном случае произносилась такая клятва, то данная тамга выступает как знак, подтверждающий шерти. Но, возможно, что медведь был родовым тотемом поставившего знак Рухрака Ролякнева. Тогда в подтверждение клятвы здесь поставлена родовая тамга. Знамя «медведь» имеется и под сыском этого же года в Казымской волости (см. 47/3). Изображение медведя выступает в качестве родового знамени в течение всего XVII в. у населения Нарымского городка (см. табл. 34).

Знак 40/12 — перна — здесь изображен в виде птички. Происхождение этой тамги установить трудно. С. И. Руденко встречал в орнаментах и татуировках казымских остяков в 1909—1910 гг. знак «перна» в виде стилизованного простого креста с украшенными различным образом концами ²⁹. Знамя 40/13 Кулы Пескова — пичужка — несомненно, является родовой тамгой ³⁰.

Сыскные речи 1656 г. по Ляпинской волости удостоверялись личными знаками остяков (см. табл. 41) ³¹. Скобель здесь написан двумя людьми (41/3). Шайтанскую рожу поставили восемь человек (41/4). Один из них был братом Ивана Лечманова — Адыем.

*

²⁹ Руденко, 1929, стр. 18, табл. 2, № 1 и 2.

³⁰ Остальные знаки поставили: 4 — Мургий, 5 — Пята Колачев, 6 — Дыня Лелманов, 8 — Гуляй Кутин, 9 — Дружина Келдышев, 10 — Токочей Амосов, 12 — Нянь Чиннов.

³¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, лл. 38—47. Сыск Ивана Дружина ясачных волостей Березовского уезда 13 ноября 1656 г.

Сам Иван Лечманов поставил знак, подписанный «знамя Ивана Лечманова оленное» (41/7), т. е. личный знак, который он употреблял для таврения оленей, знак собственности. В предыдущем сыске он поставил знак «шайтан» (40/3). В связи с этим сакральное происхождение последнего является бесспорным. Оригинален тотемический родовой знак Кыяла Тышанова (41/5), изображающий птицу³². Суммируя полученные данные, можно выявить роды, населявшие Ляпинскую волость: Птица, Орел и Медведь (?).

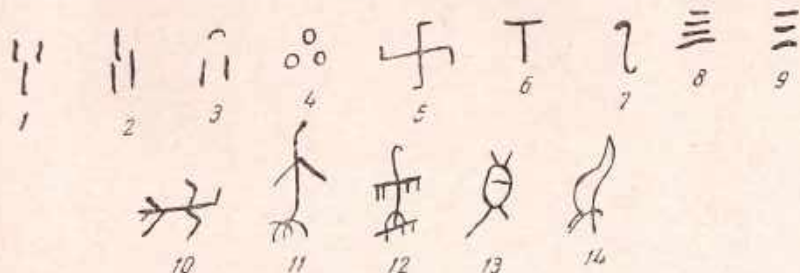

Таблица 42. Сосвинская волость. 1650 г.:

1—4 — шайтанская рожа; 5 — скобельница; 6 — костыль; 7 — ?; 8 — четыре рубежа; 9 — три рубежа; 10, 14 — птица; 11 — журавль; 12 — пятел; 13 — перна; 14 — ?

В сыске 1650 г. в Сосвинской волости³³ принимало участие 29 человек, из них 8 человек поставили знак «шайтанская рожа» (42/1) и два человека написали этот же знак с иным расположением черточек (42/2). По значению это одинаковые тамги, в табл. 42 они приведены просто как графические варианты. Одним из десяти человек, поставивших шайтанскую рожу, был Гивра Шайтанщиков, родной брат Куновата Шайтанщикова, написавшего под сыском знак 42/5 — «скобельницу» (скобель). Следовательно, оба этих знака у сосвинцев не были ни личными, ни родовыми, ни семейными. Они не могли также служить знаками личной собственности, так как употреблялись всеми людьми волости. Шайтанская рожа, которой Чуколь Дозыкин подтвердил свою шерть (42/3), имеет своеобразное начертание, но расположение черточек, их число, т. е. все элементы мистического знака,

*

³² Остальные тамги поставили: 1 — Галя Кадаршимов, 2 — Пыгырчей Кармалеев, Тайман Степанов, 3 — Дамычун, Аманук Дергаков, Яя Выпеев, Коклом, Адай Лечманов, Кызморт Какамов, Тихор Рыстяев, Мынпакер Пидосов, 4 — Елип Росляков, Маса Ришов, 6 — Кала Савелунов, 8 — Ангиря Дергачев.

³³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 105, лл. 173—174. Обыск Дмитрия Неступова, Исаака Федорова и Сафона Иванова ясачных людей Сосвинской волости Березовского уезда.

сохранены. Братья Жаба и Бажен Кафтановы также поставили разные тамги: шайтанскую рожу и скобель (42/4 и 42/5). Рисунок первого чрезвычайно примечателен, это наиболее архаичный вариант начертания известного сакрального знака (о шайтанской роже см. далее, стр. 110). Под этим же сыском тамги поставили три брата Лыкины: Абыт, Савызат и Тагадарт (42/1, 42/5 и 42/7). Все они поставили разные знамена. Сакральный характер тамг, поставленных Абытом и Савызатом, — шайтанской рожи и скобеля — очевиден. Тамга, написанная последним братом, имеет следующую подпись: «Тагадарты Лыкина рука». Очевидно, писец просто не перевел название его знамени. Эта тамга напоминает один из вариантов начертания скобеля³⁴. Знамена 42/8 и 42/9 — личные знаки ясачных людей. Последние пять знаков табл. 42 являются тамгами тотемического характера. Здесь имеется уже известный рисунок пташки, единственный раз встречающийся рисунок журавля, совершенно подобный обдорскому знамени знак «дятел» (см. 36/10), перна и несколько необычный рисунок какой-то птицы, не названной писцом (42/14). Таким образом, по тотемам можно выявить пять родов, населявших Сосвинскую волость.

В 1656 г. при новом сыске³⁵ остяки, как и во всем уезде, ставили личные тамги. Эти тамги, если верить подписям, были у них вытатуированы на руках. Знаки писцом не расшифрованы. Почти все ясачные люди, оставившие здесь свои личные знаки, были новопробылыми. Выше было сказано, что личное знамя было фактически уникальным знаком, удостоверявшим личность данного человека. При этом встает вопрос, почему один и тот же знак (например, «один рубеж», «два рубежа», «три рубежа» и другие) редко употреблялся в качестве личного знамени несколькими людьми. Сравнение нескольких подобных знаков показывает, что каждый из них имел известные палеографические особенности. Знаки, которые на первый взгляд кажутся похожими, для остяков означали разные тамги, отличающиеся по «почерку». Разным, вероятно, было и их начертание в татуировках. Писцами же эти знаки переводились одинаково под общими названиями. В татуировках изображались и сакральные знаки «скобель» и «шайтан»

*

³⁴ Приведенные в табл. 42 тамги поставили: 1 — Даудет Варлыев, Дмитрий Корсомин, Абыт Лыкин, Истык Селянов, Порорков, Пата Кивжанов, Гивра Шайтанщиков, Голоша Ебоков, 2 — Келын Ерышов, Гай Артушин, 3 — Чуколь Дозыкин, 4 — Жаба Кафтанов, 5 — Савызат Лыкин, Бажен Кафтанов, Шема Кавзиев, Куноват Шайтанщиков, Тавка Чаяков, Ягуш Телегин, 6 — Пузырь Ковжиков, Кая Чамров, 7 — Тагадарт Лыкин, 8 — Микита Антонов, Василий Колыанов, 9 — Сыкаа Прошдеев, 10 — Кан Дотомов, 11 — Пябей, 12 — Котругорк, 13 — Палат Рондынов, 14 — Марк Сазарков.

³⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, лл. 47—57. Сыск Ивана Дружинина ясачных волостей Березовского уезда 13 ноября 1656 г.

ская рожа». Под сыском 1650 г. писцы оговаривают эти тамги как «знамяны на ... руке». Однако эти знаки не были личными тамгами остяков. Здесь при оценке знамени следует принимать во внимание те соображения, которыми руководствовался ясачный человек, ставя ту или иную тамгу.

В 1650 г. Сосвинская волость была обыскана одновременно с Естыльской. Выявить тамги ясачных людей в последней не представляется возможным (см. табл. 43)³⁶.

Подгородняя волость Березовского уезда насчитывала 61 человек в 1651 г. и 110 человек в 1660 г.³⁷

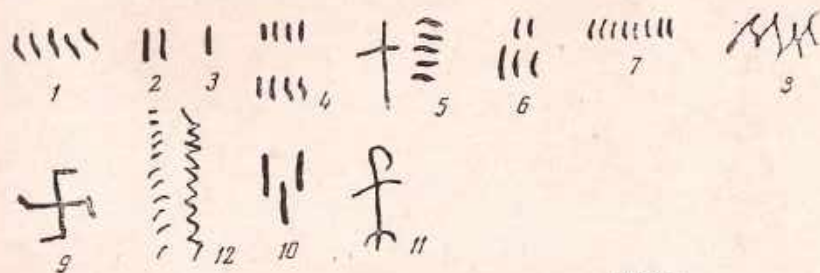

Таблица 43. Сосвинская и Естыльская волости. 1656 г.

В 1650 г. в волости производил обыск Иван Федорович Франзбеков³⁸. «Сказки» были даны восемью ясачными людьми. Обыск, как и в других волостях, сопровождался приведением ясачных людей к шерти и их рукоприкладством. Знамена людей Подгородней волости те же, что и в других волостях Березовского уезда (см. табл. 44). Интересен знак «багор», больше не повторяющийся у остяков нигде в документах XVII и XVIII вв. Название, вероятно, следует отнести к ошибке толмача или писца. Скорее всего это плохое изображение копы или стрелы. Очень интересны два знамени в виде ломаной линии, истолкованные переводчиком как знак «земля». Оба знака написаны не состоявшими в близком родстве остяками Аниматом Помгеретимовым и Темером Юйти-

*

³⁶ Свои тамги поставили: 1 — Куйлынат Келдышев, 2 — Тавра Шайтанчиков, Кыма Мурзин, Часа Топриев, 3 — Тагуна Телегин, Пейдя Ахматов, 4 — Пыта Каледонин, 5 — Дружил Кусобалков, 6 — Кудеяр Кызуев, 7 — Пехлим Келасов, 8 — Сарток Рахметов, 9 — Лева Исхис Любанов, 10 — Пехлим Келасов, 11 — Сарток Рахметов, 12 — Дана Партанцев.

³⁷ Долгих, 1960, стр. 65.

³⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 105, л. 179.

ным³⁹. В использованных в данной работе источниках имеются сведения о том, что в ритуальное оформление принятия шерти входил акт, в котором язычники «ели землю с ножа». Видимо, этот ритуал и послужил причиной того, что подгородние остяки в подтверждение шерти поставили под обыскными речами знак «земля» (подробнее об этом знаке см. далее, стр. 165).

Порядок сыска 1656 г. в Подгородней волости⁴⁰ существенно отличался от оформления опроса в других волостях. Здесь остяки после клятвенного обещания давать правдивые показания по большей части ставили родовые тамги, а некоторые и личные.

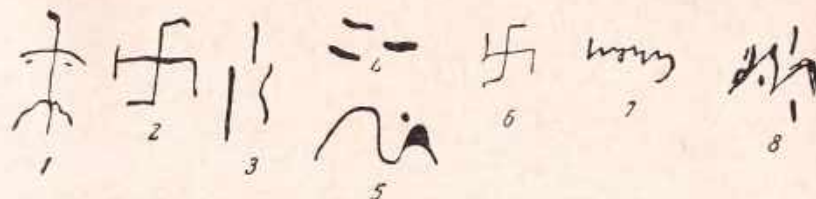

Таблица 44. Подгородняя волость. 1650 г.:

1 — плешка; 2, 6 — снобель; 3, 4 — шайтанова рожа; 5 — багор; 7, 8 — земля

Как и везде, имеется много сакральных знаков. Из родовых знаков тотемического происхождения в тамгах подгородних остяков имеются птичка, или плешка, тетеря, выдра и белка (см. табл. 45). Знак «белка» имеется, кроме Подгородней, только в Казымской волости и написан там несколько иначе (см. 47/9). Традиция изображать белку со спины сохранилась почти до XX в. и была прослежена Н. И. Кузнецовым у верхотурских вогулов⁴¹.

Знамя, изображающее человека, чрезвычайно редко встречается у остяков Березовского и Сургутского уездов. Этот знак был уже описан у обдорцев (см. 36/11). В XVII в. он был также у нарымских селькунов (см. табл. 86) и один раз довольно реалистичный рисунок мужчины выполнен белогорским ясачным остяком (см. табл. 53).

Под сыском 1656 г. Мета Абиев поставил весьма интересное знамя, названное «ковдыс» (45/19). Смысл его расшифровать не удается. Он встречается у вогулов Верхотурья и на рисунках тетеря и оленей у бургутских остяков. Здесь имеются также изображения солнца — тамги Темличеевой волости Сургутского уезда — знака, распространенного также у нарымцев (см. табл. 81).

*

³⁹ Остальные знаки поставили: 1 — Чолта Улебеев, 2 — Казак Югидчинов, 3 — Доля Кангин, 4 — Помада Похневичев, 5 — Лебок Помгеретимов, 6 — Исай Гусев.

⁴⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, лл. 1—36.

⁴¹ Кузнецов, 1887, стр. 748.

Знамя 45/20 изображает типичную для остяков стрелу с раздвоенным наконечником. Появление ее под сыском понятно; по литературе широко известен обычай остяков клясться на стреле. Этот обычай хорошо описан С. В. Бахрушиным⁴².

Из личных знамен в табл. 45 привлекают внимание два знака: первый из них принадлежит Третьяку Шайтанщикову и составлен

Таблица 45. Подгородняя волость. 1656 г.:

1—5, 10, 12 — птичка; 6 — тетеря; 7, 8, 13, 14 — птичка; 9, 11 — птичка; 15 — выдра; 16 — белка; 17 — человек; 18 — солнце; 19 — ковыль; 20 — стрела; 21 — два рубецка на правой руке, на левой руке два рубецка; 22 — шайтанская рожа; 23 — рубецки; 24 — на левой руке порезано; 25, 26 — три рубецка; 27—31 — скобельцо

*

⁴² Бахрушин, 1935, стр. 17.

из вытатуированных на двух руках рубежей (45/21). Такой способ комбинирования вытатуированных знаков для создания личной тамги весьма интересен. В качестве другого необычного личного знамени выступает прам от пореза на левой руке остяка Кайбылы Лекдова, являющийся его отличительным признаком (45/24). Приведенные примеры подтверждают определение личных знамен, как знаков, удостоверяющих личность данного человека⁴³.

Казымская волость целиком входила в состав Казымского княжества. По данным, собранным Б. О. Долгих, в 1631 г. она насчитывала 118 ясачных остяков, в 1634 г. — 121 человек, в 1636 г. — 136, в 1642 г. — 147, в 1645 г. — 137, в 1651 г. — 150 и в 1660 г. — 178 человек⁴⁴.

В августе 1631 г. Казымскую волость обыскивал А. Воейков⁴⁵. Как уже было сказано, во время этого сыска впервые привлекалось значительное число рядовых ясачных людей, приложивших свои знамена. Тамги казымцев не были подписаны, как и тамги остяков всех алачевских вотчин. Знаки этого сыска в подавляющем большинстве являлись родовыми тамгами. Первые пять знамен табл. 46 изображают тотем — оленя. Знак 46/6 весьма напоминает аналогичный знак ясачных людей Нарымского городка, подписанный как «медвежья лапа» (см. 34/1). Далее имеются знамена «птичка» (46/11, 46/12), видимо, изображения рыб (46/13—46/15), луков с характерно загнутыми концами (46/18) и стрел с двухперыми наконечниками (46/20, 46/21). Имеются также общераспространенные сакральные знаки «шайтанская рожа» и «скобель» (46/8, 46/9). По данным 1631 г., в состав Казымской волости входили роды Оленя, Медведя и Птицы. Этот вывод полностью подтверждается материалами сыска 1650 г. (см. табл. 47)⁴⁶. Здесь имеются два знака «олень», написанные отцом и сыном Елгозой Лосмовым и Лойдой Елгозиным (47/1, 47/2). Это, несомненно,

*

⁴³ Тамги поставили: 1 — Кирис Тенишев, 2 — Просоп Ятылев, 3 — Нетыш Ольмин, 4 — Леман Каледин, 5 — Лола Качумаев, 6 — Челба Нюклимов, 7 — Селма, 8 — Туян Агапелеев, 9 — Покаеб Былдин, 10 — Тюнича Абелиев, 11 — Мелым Апушев, 12 — Анка Кошкиков, 13 — Кызылбай Кирьмов, 14 — Ехтир Бойтинков, 15 — Лоля Дачугов, 16 — Тыйбыш Кирьмов-Курлыков, 17 — Тотып Оглеев, 18 — ?, 19 — Мета Абиев, 20 — Абыд Ахмадылев, 21 — Третьяк Шайтанщиков, 22 — Тасман Выбылев, Сатын Калин, Ентора Ловарьев, Дриндал Очев, Гыдыс Войтинков, Галин Рымодин, 23 — Торзоза Тоизеев, Илык Курмиев, Капчик Абылев, 24 — Кайбыла Лекдов, 25 — Иязек Мойгилов, 26 — Аким Тонаитырев, 27 — Лисман Мырев, Езык Мангатаев, Игонских Алахтеев, Талба Талзеев, Псай Госев, 28 — Ленгир Даягинаев, Езык Салкин, Данделей Чемалев, Каптыканзя Аспаев, 29 — Игонлим Пашков, 30 — Табар Кахмонов, Таласам Мелзяков, Телега Сеусков, 31 — Некала Петаков, Мелзяк.

⁴⁴ Долгих, 1960, стр. 65.

⁴⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 27, лл. 291—314.

⁴⁶ Там же, стлб. 105, лл. 166—168. Обыск Константина Григорьевича Чюкмина остяцких волостей 2 апреля 1650 г.

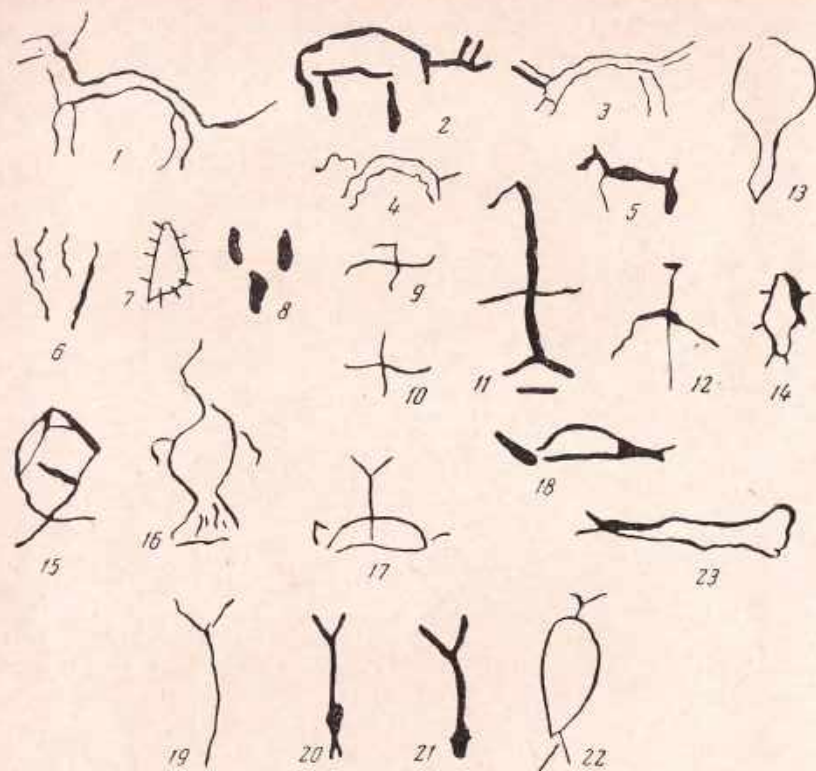

Таблица 46. Казымская волость. 1631 г.

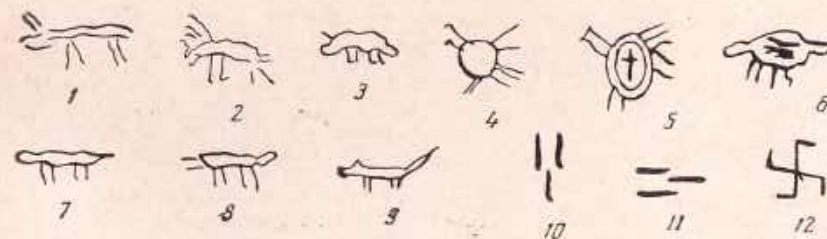

Таблица 47. Казымская волость. 1650 г.:

1, 2 — олень; 3 — медведь; 4, 5 — тетеря; 6 — россомаха; 7 — соболь; 8 — лисица; 9 — белка; 10, 11 — шайтанова рожа; 12 — скобель

родовые тамги — изображения тотема. В 1656 г. Лойда Елгозин приложил свою личную тамгу, отличающуюся от родовой (см. 48/12). Знак «медведь» (47/3) поставил Пыстымин Чемохов, пасынок Чемохи Мосова⁴⁷. Тамга Мосовых подтверждает существование на реке Казыме рода Медведя. Своеобразны родовые тамги в виде тетери, особенно 47/5, которая очень стилизована и содержит дополнительный знак в виде креста на туловище птицы.

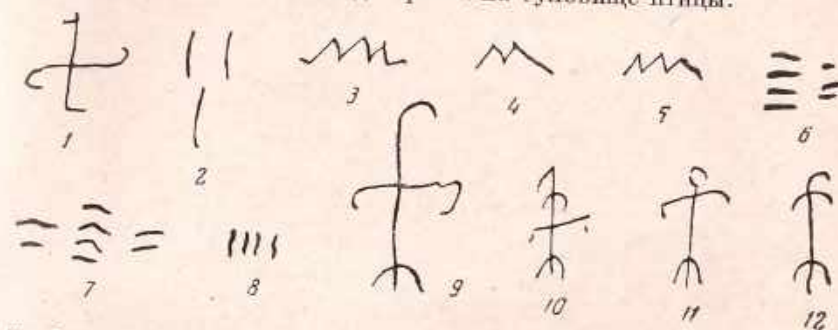

Таблица 48. Казымская волость. 1656 г.

Используя тамги сысков 1631 и 1650 гг., можно выявить следующие роды у казымцев: Оленя, Медведя, Тетери, Россомахи, Соболя, Лисицы, Белки. Под обысками 1650 г., как и под «сказками» 1656 г., имеются знаки «шайтанская рожа» и «скобель». Под сыском 1656 г. большинство ясачных казымцев поставило личные тамги (табл. 48)⁴⁸.

Одновременно с Казымской в 1631 г. была обыскана и Вестелевская волость, по всей вероятности, позже слившаяся с ней, так как в последующих материалах сысков и в ясачных книгах эта

*

⁴⁷ Остальные тамги поставили: 4 — Коласын Абысов, 5 — Емун Паксеев, 6 — Ябор Неяров, 7 — Мула Тавриев, 8 — Атлий Восарав, 9 — Лука Алгазин, 10 — Лоза Тазагосин, Степан Хавин, Пыпма Ебыхов, Муксой Хромов, 11 — Дозмор, Ахмет Уждельтыков, Семей Мурчаков, Ефрей Алмехов, Петаш Дозморов, Лигутнар Кичев, Койда Нирейнов, Сеит Ногеев, Мпнши Еунчиев, 12 — Чемор Тибрин, Чумар Мосин, Рандом Тогунов, Меддес Рандомин — пасынок Рандому Тогунова, Игнат Валдайков, Чучим Озипков, Кайбыла Мойдин, Сочет Патов, Олторма Ярсанков, Еклия Ногеев, Малица Лапчаков, Тадыяр Сымов.

⁴⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, слб. 501, лл. 76—83. Обыск Ивана Дружинина остяцких волостей Березовского уезда 13 ноября 1656 г. Тамги поставили: 1 — Чемох Мосов, Степан Хавин, Тасман Якинин, 2 — Ахмет Уждельтыков, Кайбыла Мойдин, 3 — Чахрема Таватеев, 4 — Камык Лохмов, 5 — Бынга Лымбин, 6 — Мыкын, 7 — Бурлаш Паканов, 8 — Ждан Цыгонов, 9 — пасынок Чемохи Мосова Пылым Чемохов, 10 — Мула Тавриев, 11 — Ноха Райдохов, 12 — Лойда Елгозин.

волость не упоминается. Ясачные люди этой волости поставили под «сказками» 21 знамя, которое не было объяснено (табл. 49)⁴⁹. Большинство вестелевских тамг, безусловно, являются родовыми. Среди них есть два солярных символа (49/3, 49/4), тамги, близкие по рисунку к изображению выдры у сургутских остяков (49/9, 49/10), два знамени в виде тетери (49/15, 49/16) и два совершенно

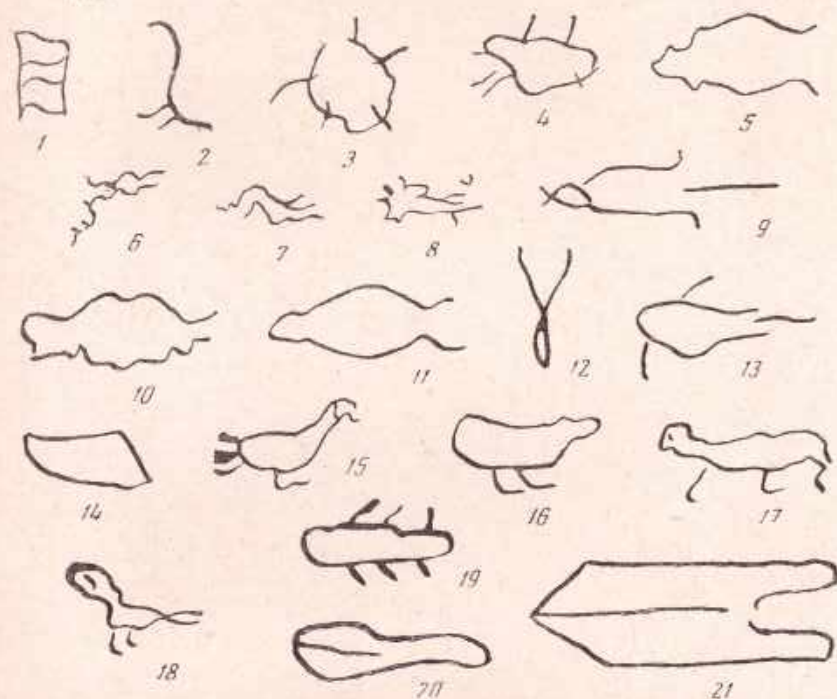

Таблица 49. Вестелевская волость. 1631 г.

самобытных знака, нигде более не встречающихся (49/20, 49/21). Расшифровать их не представляется возможности. Знак 49/19, по всей вероятности, изображает рыбу. Рисунок менее четок и реалистичен, чем аналогичные изображения у остяков Белогорской волости (см. табл. 54).

Таким образом, более или менее достоверно в Вестелевской волости можно определить только роды Выдры и Тетери. Наличие знаков, сильно отличающихся от изображений, сделанных

*

⁴⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 27, лл. 315—338.

ясачными людьми трех остяцких уездов, показывает на какую-то особенность этой группы остяков.

Кода — вотчина князей Алачевых — состояла из нескольких Кодских городков и волостей. Знамен кодских ясачных людей в материалах сыска XVII в. пока не обнаружено. В 1637 г. ясачные люди Коды били челом на Дмитрия Алачева⁵⁰. От каждого

Таблица 50. Кода. 1—22 — 1631 г.; 23—28 — 1648 г.:

1, 2 — Вежакарский городок; 3—5 — Чемавашский городок; 6—8 — Киндимская волость; 9, 10 — Чемавашский городок; 11—15 — Нагакарский городок; 16, 17 — Кармышуганский городок; 18, 19 — Большой Атыл; 20, 21 — Малый Атыл; 22 — Кармышуганский городок; 23 — Шамашская волость (снобел); 24 — Ширкарская волость (снобел); 25 — Ниямская волость (три рубена); 26 — Емидерская волость (олень); 27 — Кодский острог (стрела); 28 — Олжогорская волость (шайтанский мыс)

городка выступало по несколько человек. Все ясачные остяки поставили тамги⁵¹ (табл. 50). Знамена под челобитной не расшифрованы. Подавляющая их часть является сакральными знаками. Среди тамг Вежакарского городка имеется тотемический знак

*

⁵⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 203, лл. 6—9.

⁵¹ 1 — Васкол Югортон, 2 — Колыбай Родуев, 3 — Каледан Илейкоев, 4 — Давкедяй Кундеев, 5 — Лежей Чевасов, 6 — Микил Катайдыков, 7 — Лабар Кичасиев, 8 — Пагылый Абыков, 9 — Четар Рамодаев, 10 — Кункур Вамасов, 11 — Емельян Пуртнев, 12 — Конгяр Сугундаев, 13 — Егулдай Казыров, 14 — ?, 15 — Аускалей Тымгасиев, 16 — Юмжай Потыров, 17 — Макар Тугулаев, 18 — Инал Копелкиев, 19 — Ширай Даршинов, 20 — Ташелай Вайбилов, 21 — Вандыл Емритиев, 22 — Данила Месилов.

«плишка» (50/1), Чемвашского городка — рисунок птицы в профиль (50/5). Единственной птицей, изображавшейся остяками в профиль, была тетеря. Знак «плишка» имеется также в тамгах городка Большого Аглыма (50/19). Примечательно знамя, поставленное ясачными людьми Нангакарского городка (50/13). Это сложный знак, состоящий из скобеля и шайтанской рожи.

Т а б л и ц а 51. Васпукольская волость. 1631 г.

В 1648 г. кодскими ясачными остяками была подана новая челобитная⁵². Здесь имеется родовая тамга городка Малый Аглым — утка, Нангакарского городка — орел и Емидерской волости — олень (50/26). Изображения орла и утки выполнены недостаточно хорошо и по начертанию похожи на знак «плишка». Знак остяков Кодского острога подписан следующим образом: «знамя Кодского острога — стрела» (50/27). Вероятно, каждый кодский городок или волость заселял один род. В имеющихся источниках нет случая, чтобы ясачные люди кодских поселений одновременно употребляли несколько разных родовых тамг.

Население Васпукольской волости было немногочисленным. В 1631 г. здесь объявилось девять ясачных остяков⁵³. Под обыском этого же года к «сказкам» приложили руки шесть человек (см. табл. 51)⁵⁴. Все знаки васпукольцев изображали тетерю. Рисунки нечетки и не имеют подписи. Однако не подлежит сомнению, что все знамена имеют общий прототип — изображение одного тотема. Названная волость, как и каждый из кодских городков, населялась одним родом.

Ендырская волость обычно обыскивалась вместе с Кодой. Тамги ясачных людей Ендырской волости встречены только под чело-

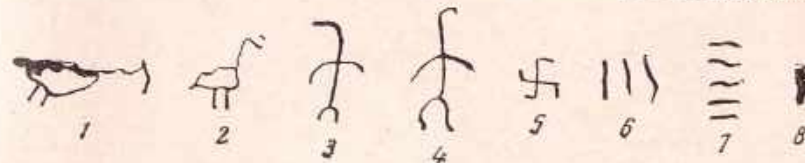
*

⁵² ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 220, л. 254.

⁵³ Долгих, 1960, стр. 65.

⁵⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 27. Смысл А. Воейкова 1631 г.

битной остяков 1647 г.⁵⁵ и челобитной от 1653/54 г.⁵⁶ Тамги 1647 г. приводятся в табл. 52⁵⁷. Знамя 52/1 расписано писцом как «журавль». Это явная ошибка приказных людей, писавших «сказки». Далее следует точно такой же знак (52/2), названный писцом «тетеря». Рисунок тетери обычный, в профиль, как и рисунок знамени 52/1. Скорее всего, и этот знак также изображал тетерю. Следующие две тамги изображают плишку. Под названной

Т а б л и ц а 52. Ендырская волость. 1647 г.

1 — журавль; 2 — тетеря; 3, 4 — пичужка; 5 — скобель; 6, 7 — рубежки; 8 — рубежен

челобитной имеются также знак «скобель» и личные знаки остяков — рубежки. Тамги под челобитной 1653/54 г. состоят главным образом из сакральных знаков. Здесь же пятью ясачными остяками написан знак в виде остяцкой стрелы с раздвоенным наконечником. Всего под этим документом приложили руки 15 человек.

Белогорье занимало особое положение среди волостей Березовского и Сургутского уездов. Оно было расположено на перекрестке путей вниз по Оби в Обдорь и вверх — до Сургута и Нарыма. На севере Белогорье граничило с самостоятельной Кодой, на юге — с Кондинским княжеством. Во всех источниках и литературе Белогорье выделяется как территория, где были сосредоточены священные места остяков. Именно в Белогорье первоначально находились главные святыни, которым поклонялось население всех трех уездов. Г. Новицкий называет главными кумирами остяков Старика Обского, Гуся и Кондинского кумира. Старик Обский, по его словам, находился у устья Иртыша, недалеко от Самары. «Бысть же сей, — пишет Г. Новицкий, — по их зловерию бог рыб, изображен безстудне: доска некая, нос аки труба жестяный, очеса стекляны, роги на главе малые, покрыт различными рубищи, сверх одеян червленую одеждую з золотую грудью»⁵⁸. Далее автор говорит, что этот идол привлекал множество ясачных

*

⁵⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 291, л. 285—286.

⁵⁶ Там же, стлб. 496, л. 113.

⁵⁷ Тамги поставили: 1 — Шалга Дарьев, 2 — Юмза, 3 — Лажей, 4 — Урсак, 5 — Алин Ковжиков, 6 — Талда Тамбыев, 7 — Лыма, 8 — Ютпан Подеров.

⁵⁸ Новицкий, 1941, стр. 51.

людей всех угорских волостей. Время ловли нельмы обычно отмечалось грандиозными празднествами в честь Обского старика. Так как остяки были в основном рыболовами, то понятно место, которое занимал этот «бог рыба» в остяцком пантеоне. Старик Обский имел два «храма» — при впадении Иртыша в Обь и на Великой Оби, где пребывал по три года. На Белогорье «в юртах при Великой реки Оби» находился и другой, второй по значению идол — Гусь. По верованиям остяков, он был богом водоплавающих птиц: лебедей, гусей, уток и др. Идол представлял собой изваяние гуся из меди. Кумирница Гуся была сделана из мехов, кож и материи наподобие гнезда. «Почитание же того немало всегда, а наипаче во время, егда ловления птиц водяных начинашеся», — сообщает Г. Новицкий. «Первоначальный же и паче всех настоящий кумир, — говорится далее, — где бо за едино з Гусем бысть во единой кумирни в Белогорских юртах...»⁵⁹. Это и был знаменитый Кондинский кумир. Первоначально он находился на Белогорье. В XVII в. и в первом десятилетии XVIII в. основные кумиры продолжали оставаться там же. После указа 7 июня 1710 г. за личной подписью Петра I, предписывавшего тогдашнему митрополиту Филофею самые энергичные меры по обращению остяков в христианство, миссионерская деятельность среди угров очень оживилась⁶⁰. Сам митрополит Филофей (тогда уже схимонах Федор) был тяжело болен и не мог крестить язычников-остяков. В 1711 г. в Тобольск приехал Иоанн Максимович, развивший бурную деятельность. С 1712 г. начал крестить остяков и схимонах Федор. В этом же году к нему присоединился сосланный бывший воспитанник Киево-Могилянской академии, зять Мазеры, Григорий Новицкий, на книгу которого, переизданную в 1941 г., мы неоднократно ссылались⁶¹. Он был назначен митрополитом Антоном надзирателем Кондинской волости. Его убили в 1720 г. вместе со священником Сентяшевым. Григорий Новицкий был непосредственным участником уничтожения «зловещих идолов» на Белогорье и описал эти события очень живо. В 1711—1712 гг. начались гонения на главного идола, после чего остяки перевели его в Конду, отсюда и произошло название «Кондинский кумир». Новицкий описывает также идолов в приписанных к Белогорью Шорковских юртах, многочисленные «крепчайшие дерева, наипаче некое дествичное дерево, иже подобно сосновому древу, но крепчайшее и не гниющее паче иных деревьев», под которыми приносились жертвы; кошке, которому поклонялись «аки кумиру», и пр.⁶²

*

⁵⁹ Новицкий, 1941, стр. 61.

⁶⁰ Буцинский, 1893, стр. 57.

⁶¹ Новицкий, 1941.

⁶² Там же, стр. 55—56.

А. Ф. Теплоухов собрал большой материал о шаманских изображениях в Конде⁶³. Не подлежит сомнению, что идолы находились на Белогорье и были перевезены в Конду не ранее XVIII в. Это подтверждается многочисленными данными об укрывании кондинцами кумиров во время уничтожения белогорских священных мест. Весьма интересен идол, описанный Х. М. Лопаревым. Этот кумир находился близ Самарова и имел вид «каменной бабы с сыном и внуком в утробе»⁶⁴. Этого идола вряд ли можно отождествить с Кондинским кумиром. Представление о видной роли этой «каменной бабы», по утверждению Х. М. Лопарева, в воспоминаниях у остяков и вогулов сохранилось до начала XX в. Фольклорные данные подтверждают, что этот идол перекочевал в Конду тоже в XVIII в. А. И. Якобий также указывает на особенно широкое распространение идолов и различных предметов культа на Белогорье⁶⁵.

Численность ясачных людей в Белогорской волости в XVII в. была сравнительно невелика. С 1629 по 1712 г. население только в 1651 г. достигало 116 человек, а в остальное время колебалось около 80—90 человек⁶⁶. Таким образом, ясачных людей на Белогорье было несколько больше, чем в волостях, вероятно, состоявших из одного рода, — таких, как Васпукольская или Естыльская, и значительно меньше, чем в любых других волостях — племенах Березовского уезда. При установлении административного деления на Оби да, пожалуй, и во всей Западной Сибири XVII в. соблюдалась известная закономерность: в основную административную единицу — волость — стремились включить какую-либо исторически сложившуюся самостоятельную группу коренного населения целиком. При определении общности нерусского населения руководствовались прежде всего наличием самоуправления и территориального единства. Предпочтение всегда отдавалось первому признаку. Административный раздел Сибири нельзя рассматривать как совершенно произвольный. Это не соответствовало интересам русского правительства. Было гораздо выгоднее сохранить уже сложившиеся до прихода русских объединения коренного населения. Это, конечно, не распространялось на крупные объединения типа Кучумовой орды, препятствовавшие русской колонизации. Неприкосновенными оставались сравнительно мелкие группы, неспособные оказать серьезное противодействие. Сохранение объединений с выявившейся правящей верхушкой и с более или менее сложившимися иерархическими отношениями облегчало фискальный сыск, обложение ясаком, привлечение

*

⁶³ Теплоухов, 1947.

⁶⁴ Лопарев, 1896, стр. 3.

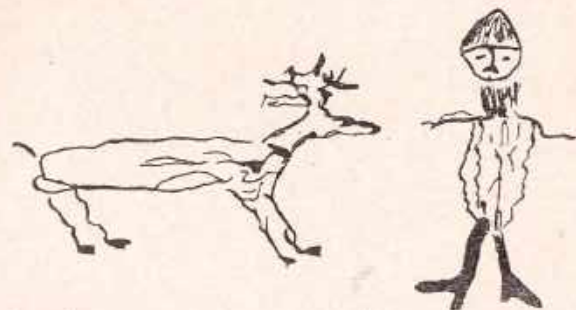
⁶⁵ Якобий, 1895.

⁶⁶ Долгих, 1960, стр. 65.

местного населения на службу для ямской гоньбы и пр. Дозорные и ясачные книги рисуют очень интересную картину административного деления. Часто в течение одного века волость, относительно малонаселенная, облагалась ясаком и обыскивалась всегда вместе с более крупной соседней. Однако при этом она оговаривалась как самостоятельная, пока какие-то внутренние причины не приводили к слиянию этих волостей. В качестве примеров можно привести Конду и Ендырь, Сосьву и Естыль и др. Были, конечно, исключения из этого правила. Белогорье же не имело четкого разделения. Часть его принадлежала Березовскому уезду, часть была приписана к Сургуту. Границы этого раздела постоянно изменялись. С одной стороны, Белогорье не входило в соседние княжества, не находилось ни в какой зависимости от них; с другой, его население не составляло какого-либо общественного объединения типа рода или племени. Это и вызывало известную неопределенность в административном разделении Белогорья. В актовых материалах XVII в. Белогорье, в отличие от других административных единиц, нередко даже не называлось волостью. Объяснением этому служит положение Белогорья как религиозного центра. Здесь была широко распространена фамилия Шайтанщиковых. Вероятно, люди, населявшие Белогорье, не были связаны родовыми или племенными отношениями, как в других волостях, а были служителями при многочисленных идолах. Если даже считать данные предположения неверными, то остается очевидным, что причиной объединения известного числа ясачных людей было именно сосредоточие аксессуаров культа на этой территории.

Сказанное подтверждается и исключительным своеобразием тамг населения Белогорской волости. Самые ранние знамена белогорских людей относятся к 1626 г. 3 января 1626 г. была подана челобитная населения Сургутского уезда — Юганской, трех Лунпукольских, Васюганской, Салымской, Селлярской, Парьятской, Темличевой и Бардаковой волостей, к которой присоединилось и Белогорье⁷. Ясачные люди просили, чтобы от уплаты ясака освободили стариков и детей, а также избавили от ямской гоньбы, жаловались, что «зимой и з женишками тянем парты на себе беспрестанно под всякими служилыми людьми»⁸. На шести клейках грамоты было поставлено девять знамен. Кроме Белогорья, все эти знаки являются родовыми тамгами волостей, изображающими тотемы. Эти тамги употреблялись сургутскими остяками почти в неизменном виде в течение XVII—XVIII вв. Представитель белогорских ясачных людей нарисовал уникальное знамя, изображающее мужчину (табл. 53). Рисунок выполнен на склейке ныне расклеенного и ветхого столбца теми же пером и чернилами,

которыми написан писцом текст челобитной. Мужчина изображен без усов, но с бородой, в конической меховой шапке. Тщательно нарисованы сапоги на каблуках. Рядом с ним имеется такой же реалистичный рисунок оленя. Оба изображения, несмотря на неумение пользоваться орудиями письма, выполнены умело. Подобных знамен в изученных материалах больше не встречено.

Т а б л и ц а 53. Тамга белогорского ясачного человека

При обыске, проводившемся на Белогорье 25—28 августа 1631 г. Александром Прохоровичем Воейковым и Максимом Козловым, под «сказками» было поставлено 54 знамени⁹. Знаки не имели никаких подписей. В табл. 54 они сгруппированы по сюжетам. Всего получилось двадцать групп знаков. Бесспорно, белогорцам принадлежат первые восемь групп, остальные являются, вероятно, знаменами сургутских ясачных людей, присутствовавших при обыске и подтвердивших сведения белогорцев. В знаках 54/28—54/34 нетрудно увидеть тамги Темличевой волости (см. табл. 73); 54/43, 54/44 — знаки ваховцев (см. табл. 72) и пр.

Трижды повторен знак, не встречающийся у остяков, написанный одной рукой (54/1—54/3). Тамга изображает предмет, значение которого неясно. Так как соседи — сургутские остяки и ясачные люди кондских волостей в это время ставили тамги, изображающие тотемов, то такой знак выглядит необычным. Выделяются знамена 54/4—54/6. Они также изображают необычный для остяков предмет. Далее, трижды повторяются рисунки лодки (54/7—54/9). Все знаки написаны разными людьми. На первых двух рисунках лодки имеют мачты в виде копы, а на третьем — знак священного дерева. Зная, что на Белогорье копы и дерево

*

⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 8, лл. 23—28.

⁸ Там же, л. 25.

*

⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 27, лл. 227—284, 360—362, 403—404.

выступали в качестве сакральных символов, нетрудно увидеть в изображении лодок культовые рисунки. Следующая тамга напоминает знак «плишка», несколько необычного начертания (54/10—54/12). Изображение рыб встречено только у белогорцев (54/13—54/15). Среди остяцких тамг, не имеющих объяснения, некоторые знаки напоминают рисунки рыб. Однако таких четких рисунков, как у белогорских людей, не оставляющих сомнения относительно сюжета изображения, нет. Наличие знамен в виде рыб

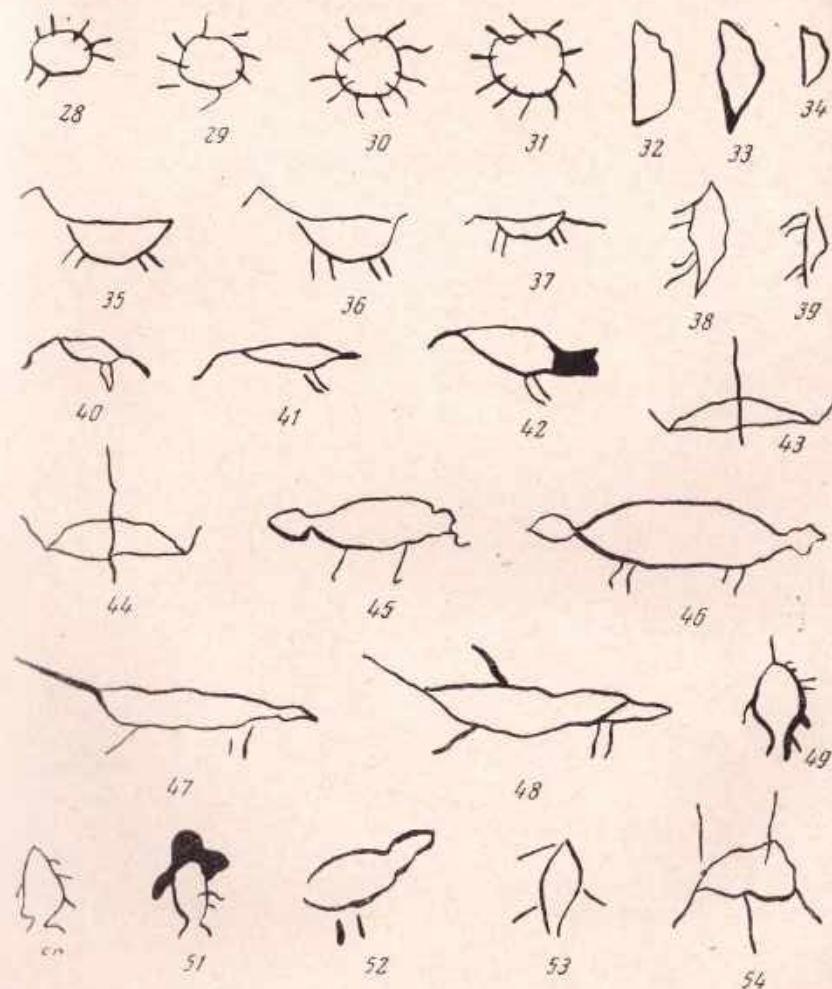

Таблица 54. Белогорская волость. 1631 г.

на Белогорье можно связать с богом рыб, Обским стариком. Знаки шестой группы (54/16—54/18) изображают какое-то четвероногое животное, напоминающее оленя. Контурные рисунки оленя появляются у сургутских остяков только к концу XVII — началу XVIII в. Они выполнены в совершенно иной манере, отличной от данного устойчивого рисунка.

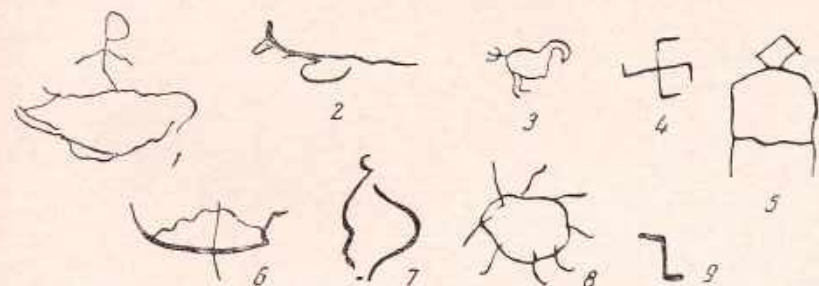

Таблица 55. Белогорская волость. 1650 г.:

1 — лодка с музиком; 2, 3 — тетеря; 4, 5 — скобель; 6 — шайтанская рожа; 7 — луна; 8 — месяц; 9 — солнце

Знак священной лиственницы написан пятью разными людьми (54/19—54/23). Священное дерево, или ель, как этот знак называли писцы, имеется в качестве родовой тамги в одной из Лунпукольских волостей (см. табл. 70). Знак в виде дерева употреблялся верхотурскими вогулами как сакральный символ (см. табл. 12).

Рисунок копыта нигде больше у обских угров не встречается (54/24—54/27). Этот знак напоминает о священном копыте, бытовавшем на Белогорье.

Таким образом, из восьми знамен, принадлежавших белогорцам, только три можно предположительно считать родовыми. Остальные, бесспорно, были связаны с культом.

Обыск Белогорья в июне 1650 г., произведенный Алексеем Лихачевым, сопровождался рукоприкладством девяти человек⁷⁰. Знамена были объяснены толмачом. Первой под документом была поставлена тамга, имеющая подпись: «знамя горбуна Семенова, имя лодка с музиком». Вероятно, это шаманская тамга или знак служителя при идоле. Г. Новицкий рассказал историю одного горбуна, оказавшего сопротивление при уничтожении идола. В приписке к знамени Семенова имеется необычная оговорка. Однако утверждать, что описанное Г. Новицким лицо и горбун Семенов —

*

⁷⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 105, лл. 177—178.

автор необычной тамги — один и тот же человек, с полной уверенностью нельзя. Здесь же имеются сакральные знаки «скобель» (55/4, 55/9) и особый знак шайтанской рожи (55/5). Рисунок его, скорее всего условный знак местного белогорского идола, поставил Иван Каутин, в то время как брат его Горяс Каутин сделал довольно архаичный рисунок тетери (55/3)⁷¹. Рисунки тетерей сургутских остяков были стилизованы. Появление почти через 20 лет после сыска 1631 г. знамен в виде лука, месяца и солнца

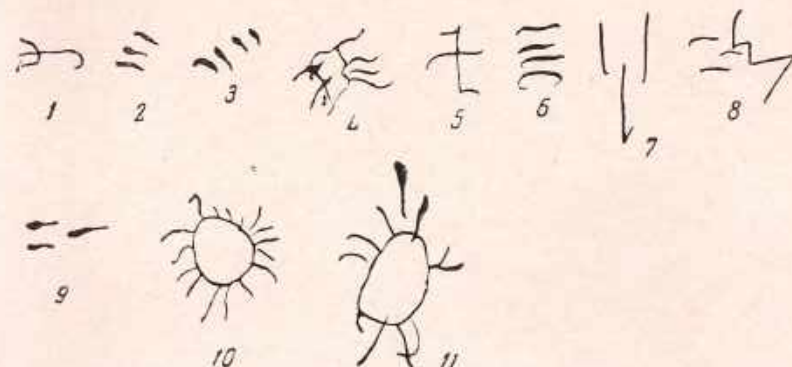

Таблица 56. Белогорская волость. 1656 г.:

1, 4 — птичка; 2 — три рубца; 3 — четыре рубца; 5 — скобель; 6 — ?; 7 — 9 — шайтанская рожа; 10 — солнце; 11 — бобр

(55/6—55/8) говорит в пользу предположения, что на Белогорье жили выходцы из Ваховской и Темличеевой волостей.

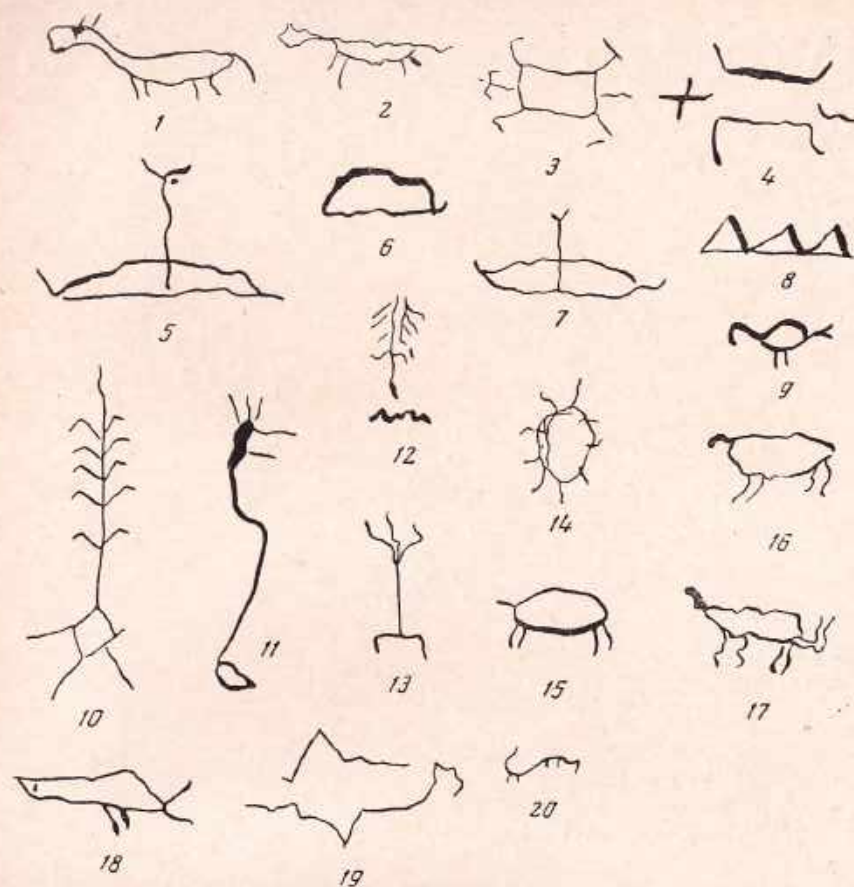
Табл. 56 состоит из личных тамг остяков Белогорья, поставленных ими под сыском 1656 г.⁷² Знамена белогорцев здесь представлены сакральными знаками «скобель» и «шайтанская рожа» (56/5, 56/7—56/9), личными знаками в виде рубцев (56/2, 56/3, 56/6) и неудачными рисунками родовых тотемов (56/1, 56/4, 56/11). Таким образом, по данным о тотемах белогорцев, родовой состав ясачных людей Белогорской волости выглядит очень пестро. Наряду с родами, живущими на среднем течении Оби, здесь представлены роды, населяющие ее нижнее течение⁷³.

*

⁷¹ Остальные знамена поставили: 2 — Бурундук Самойлов, 4 — Лохта Калядхоев, 6 — Ворныш Корасов, 7 — Салт Читов, 8 — Колдаса Ратов, 9 — Костяк Корчитонов.

⁷² ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 501, лл. 32—38. Сыск Ивана Дружинина 1656 г.

⁷³ Тамги поставили: 1 — Кудеяр Пукселков, 2 — Покачей Байбалаков, 3 — Олчук Мачеев, 4 — Уракчей Мачеев, 5 — Саргач Чехомов, 6 — Дмит-

Т а б л и ц а 57. Вендеревская волость. 1631 г.

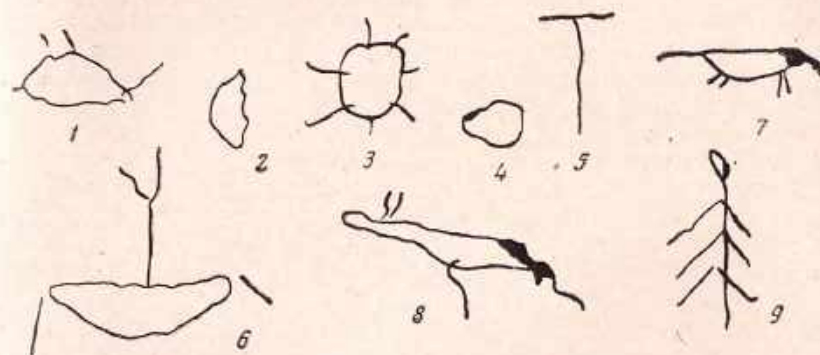
Необычно написана тамга Какока Кутлымова — шайтанская рожа (56/8). Кутлымов к распространенному знаку того же значения приписал еще какой-то значок.

В 1631 г. вместе с Белогорьем А. П. Воейковым были описаны Вендеревская и Балвашская волости⁷⁴. В сыске приняло участие 20 человек (см. табл. 57). Тамги на «сказках» не имеют никаких

*

рий Лохтыев, 7 — Мастер Каутии, 8 — Какок Кутлымов, 9 — Федор Колкоини, 10 — Вайвентул Копанов, 11 — Конон Изявыслаев.
⁷⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 27, лл. 373—378, 285—290.

подписей. Таким образом, установить родственные отношения трудно. Обращает на себя внимание дважды повторенное изображение животного (57/3, 57/4). Такого рода рисунки больше нигде не повторяются. Остальные тамги имеют аналогии среди знамен ясачных людей других волостей. Вероятно, здесь выступал представитель какого-то рода, позднее потерявшего самостоятельность.

Т а б л и ц а 58. Балвашская волость. 1631 г.

Примечательны знамена в виде изображений священных деревьев (57/10—57/13). Они совершенно подобны «ели с корнями» у лун-пукольцев (табл. 70). Знамя 57/13 является оригинальным соединением знаков «ель» и «земля». Среди вендеревских тамг имеется два типичных остяцких лука (57/5, 57/7), которые часто изображались как тамга Ваховской волости (табл. 72). Тамга 57/9, вероятно, изображает тетерю.

Знамена остяков Балвашской волости представлены изображением солища (58/3) и месяца (58/2), лука (58/6) и ели (58/9). Другие тамги истолковать более или менее достоверно не представляется возможным.

Кроме упомянутого списка, данная волость нигде не выступает. Можно предположить, что это были какие-то мелкие объединения внутри Белогорья, позднее не выделявшиеся русской администрацией как самостоятельные территориальные единицы. Родовой состав этих волостей, судя по тамгам, был такой же, как и во всем Белогорье.

Знамена остяков Березовского уезда делятся на три группы: личные, родовые и сакральные. Личные знаки были сугубо индивидуальными, рассчитанными на исключение совпадений. По материалам XVII в., они изображались в виде рубежей — черточек, расположенных особым образом. Число рубежей в каждой личной тамге было различным. Установить какие-либо закономерности в выборе личных тамг, пользуясь только приведенными материа-

лами, крайне сложно. Личный знак был, бесспорно, связан с именем данного лица.

Г. Новицкий, описывая обычай нарицания у остяков, указывал, что после рождения младенца его отец выходил из юрты и спрашивал у первого встречного, как назвать ребенка. Не находя у кого спросить, он «тогда, что первое узрит, изшедши из дому: птицу, звери или что-нибудь, тем именем родившееся нарицает. Имеют и сей в недостатке обычай яко по числу рождения нарицают своя чадо: первый, второй или третий»⁷⁵. В материалах этого времени очень часты упоминания о перемене имен остяками. Нередко ясачные остяки брали даже русские имена. Это было, как правило, связано с принятием православия. Но было много случаев, когда выбор русского имени являлся произвольным. По-видимому, выбор имени по «порядковому номеру» был распространен довольно широко. Это в некоторой степени подтверждается совпадением числа рубежков на личных знаках у разных ясачных людей. При этом отличительной приметой каждой тамги были особенности ее начертания. Личные знаки ставились только под сысками, являвшимися переписью ясачного населения. Под другими документами они встречаются очень редко. Эти тамги, вероятно, употреблялись также для определения собственности и личных орудий охоты и ловли рыбы. Личные знаки татуировались на руках. Связи между личными тамгами и родовыми знаками тотемического характера в рассматриваемый период уже не было.

Родовые тамги березовские остяки ставили в сысках в тех случаях, когда ясачные люди обещали давать правдивые показания «по вере и по шерти». Эти знамена обычно представляли собой изображения тотемов животных. Традиции их изображения были чрезвычайно стойкими. Рисунок в одной и той же манере повторяется в документальных материалах в течение всего XVII и начала XVIII в. Неясно только значение знака «плишка» (трясогузка). Этот знак употреблялся одновременно с сакральными и при тех же условиях. По-видимому, разгадку знака «плишка» следует искать в космологических представлениях остяков, которые общи с космологией всех народов Севера⁷⁶. В качестве постоянных действующих лиц солярных мифов выступают золотая и серебряная птички, символы солнца и луны, мифическая небесная птица — предок всего живого и т. д. Березовские остяки, вероятно, по-разному называли свой знак «плишка», потому что толмачи переводили название каждый раз по-иному и собирательным словом: «птица», «птичка», «пичужка», «плишка» и т. д. При этом другие изображения птиц всегда назывались конкретно. Этот

*

⁷⁵ Новицкий, 1941, стр. 40.

⁷⁶ См. Анисимов, 1959.

факт говорит в пользу того, что знамя «плишка» имело какое-то культовое значение. Этот знак часто ставился близкими родственниками, что подтверждается анализом фамилий и имен, но пока не удалось установить, что люди из разных волостей, ставившие этот знак, принадлежали к одному роду. В некоторых случаях несколько поколений — представители одного рода — писали этот знак одновременно с остяками, подписывавшимися родовыми тамгами. Очевидно, что изображенная остяками птичка являлась принадлежностью общего для березовских остяков культа, в то же время будучи тотемом какого-то рода. Аналогичные случаи, когда предметы культа целой народности считались тотемом отдельного рода, имели место у обских угров. Примером может служить священное дерево, или «древо ель», как его называют источники XVII в. Изображение ели в качестве сакрального знака употреблялось на Белогорье, в ряде граничащих с Белогорьем волостей и у верхотурских вогулов. Этот же знак является родовой тамгой одной из Лунпукольских волостей Сургутского уезда в течение двух столетий. По рассмотренным источникам выделить родовую тамгу «трясогузка» и тот же знак сакрального значения сложно. Поэтому при разборе родового состава каждой волости — племени Березовского уезда плишка предположительно считается родовым тотемом. Следует отметить, что в источниках XVII в. нет прямых указаний на существование татуировок в виде родовых тотемов, а знак «плишка» татуировался и в XVII и даже в XX в. Через три столетия значение этого знака было забыто. Вытатуированные орнаменты, состоящие из стилизованных изображений плишки, у казымских остяков именовались концом стрелы⁷⁷.

По тамгам можно определить, какие остяцкие роды населяли Березовский уезд в XVII в. Обдорскую волость — Птицы, Дятла; Куноватскую волость — Плишки (?), Оленя, Воробья; Ляпинскую волость — Плишки (?), Орла, Медведя; Сосвинскую волость — Плишки (?), Журавля, Дятла, Перны (?) и род, имеющий тотемом какую-то птицу; Подгороднюю волость — Плишки (?), Тетери, Выдры, Белки; Казымскую волость — Оленя, Медведя, Тетери, Росомахи, Соболя, Лисицы, Белки; Вестеленскую волость — Выдры, Тетери; Васпукольскую волость — Тетери; Ендырскую волость — Плишки (?), Тетери.

К сакральным знакам относятся тамги «шайтанская рожа» и «скобель». Анализ знаков обских угров показывает, что эти знамена никогда не употреблялись остяками и вогулами в качестве личных или родовых тамг. Этими знаками ясачные люди подтверждали какие-либо акты, связанные с клятвенными обещаниями —

*

⁷⁷ Руденко, 1929, табл. 3, № 4—7, 9. Аналогичные изображения были описаны Н. Сорокиным (см. Сорокин, 1873).

† (ԿՐԸ ՄԱԿԱՆՆԻ ՅԻՄՆԱՆԻ ԳՄԱ)
ՀՄԿՐԹԱՆ

X Κατα το υπομνησιν ζήτησε
 ἡ ἀρχὴ τοῦ

X $m_{\alpha}(\{ \zeta_{\alpha} \}_{\alpha \in \Lambda} \{ \delta_{\alpha} \}_{\alpha \in \Lambda} \{ \pi_{\alpha} \}_{\alpha \in \Lambda})$

Ի ՍԻՆԱՔՏՆԵՅԻՆ ԱՄԻՆ
 ԵՃՈՐՄԵ

Т а б л и ц а 59. Сосвинская волость. 1641 г. Тамги впервые приведенных к присяге остяков

присягой, шертью ⁷⁸. Религиозные воззрения обских угров включали понятия о грехе. Нарушение присяги было чуть ли не первым по значению грехом ⁷⁹. Кудли, выполнявшие, по верованиям остяков и вогулов, роль посредников между верховным божеством Торымом и людьми, карали клятвопреступника, насылая на него

*

⁷⁸ Выше сообщалось о подтверждении «сказок» сакральными знаками во время сысков. Х. М. Попарев опубликовал заемные и закладные грамоты, сопровождаемые клятвенными обязательствами и подтвержденные знаками «скобель» и «шайтанская рожа» (Попарев, 1896).

⁷⁹ Б а р т е н е в, 1895—1896.

различные болезни и смерть. Отсюда понятна обычная апелляция угров к какому-то шайтану, символически изображавшемуся знаком «шайтанская рожа». Из широкого распространения обычая подтверждать клятву специальным знаком вытекает вывод о существовании у обских угров веры в какое-то существо, контролирующее некоторые сферы человеческой жизни. В работах о религиозных воззрениях обских угров нет четкого представления об угорском пантеоне и иерархическом положении божеств. Однако некоторые ученые пришли к выводу о наличии единого божества у угров и финнов. Г. Старцев утверждает, что остяки и вогулы поклонялись единому божеству — кулю, в которого верили также и пермяки, и зыряне, и вотяки ⁸⁰.

Возникновение этих верований Г. Старцев относит к периоду сеперофинского и угорского языкового единства.

Н. И. Кузнецов, наблюдавший обычай сосвинских и лозвинских вогулов, подчеркивал, что жертвоприношения приносились какому-то грозному единому божеству «шайтану»⁸¹. Поклонение единому божеству отмечено Дуинным-Горкавичем⁸². Видимо, знак «шайтанская рожа» был символом этого единого божества.

Существование какого-то единого божества у обских угров подтверждается и тем, что березовские остяки в XVII в. четко отделяли знак «шайтанская рожа», общий для всех, от особых знаков, которыми обозначались «шайтаны юрт». В сыске 21 января 1641 г. Сосвинской волости сына боярского Яковлева первого и служивых людей Ефима Ларионова, Григория Третьякова и Григория Леонтьева⁸³ «сказки» подало более половины всех ясачных людей волости. Ясачные люди были приведены к шерти и давали показания «по своей вере», подкрепляя их тамгами. Среди тамг этого сыска имеются изображения тотемов, известные по обыску 1650 г., сакральные знаки «шайтанская рожа» и «скобель», а также весьма любопытные тамги впервые приводимых к присяге людей (см. табл. 59). Это были ясачные остяки сосвинцы Чеусь Талыкин, братья Конгит и Василий Онтомы и Шелма Кунзев. Их привели к присяге особо и отдельно опрашивали. Их «сказки» были записаны на отдельном документе, на обороте которого они поставили свои тамги, и занимают в материалах сыска особое место. По всей видимости, для впервые приводимых к присяге людей здесь была устроена особая церемония принятия шерти. Поэтому, может быть, для клятвы приведенные к шерти остяки и выбрали не совсем обычные знаки. Эти знаки названы в сыске шайтанами юрты ниярек остяка. Скорее всего знаки, поставленные

✱

¹⁰⁰ С т а р ц е в, 1928, стр. 80.

¹¹¹ Кузнецов, 1887, стр. 747.

¹⁰¹ Дунин-Горкавич, 1904, т. 1.

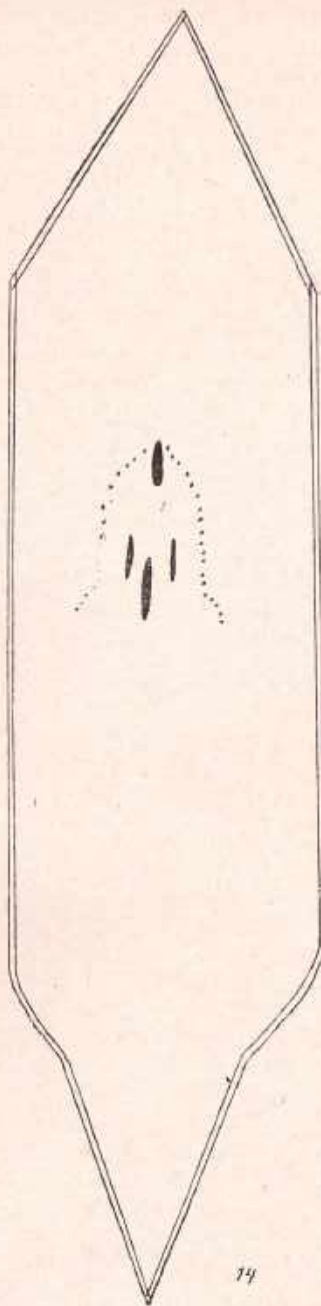
* ПГАДА. Сибирский приказ, столб. 103, лл. 235—237.

новоприбылыми ясачными людьми, обозначают абстрактное понятие тотема — предка. Изображения тотемов имеются у многих народов Севера. Интересен сам факт наличия таких знаков. Знаки «шайтан юрты» в начертании имеют общий для всех крест. Принадлежность знака, обозначающего фетиш, тому или иному роду определялась дополнительными значками. Так, Чеусь Талыкин около креста поставил две точки (59/1), а Шелма Кунзеев — точки вверху и черточки внизу (59/2, 59/3). Братья Конгит и Василий Онтомы поставили одинаковые тамги. Общность знаков близких родственников говорит о том, что «шайтан юрты» был если не родовым, то, по крайней мере, семейным знаком. Начертание его еще более отвлеченно, чем знак «шайтанская рожа».

Происхождение тамги «шайтанская рожа» очевидно. Этот знак возник из рисунка личины идола. Три черты изображают его глаза и нос. Это хорошо иллюстрируется знаком 60/2, где шайтанская рожа написана в виде особо расположенных круж-

Т а б л и ц а 60. Сакральные знаки обских угров

ков — глаза и нос. Этот вариант наиболее архаичен⁸⁴. Шайтанская рожа в виде трех черточек — упрощенный знак, более удобный для написания, что косвенно говорит о его частом употреблении. Тамги в виде трех черточек, подобные шайтанской роже, встречены у мордвы деревни Вышки Симбирского уезда⁸⁵, у черемисов Арской дороги Казанского уезда и в ряде других мест⁸⁶. При этом тамга в виде трех черточек ставилась представителями аристократических семей, где дольше сохранялись родовые традиции. У других народов такие тамги в изучаемое время не встречаются. Это в известной мере можно объяснить осведомленностью соседних народов о значении этого знака. Наличие знака «шайтанская рожа» у вогулов, остяков, мордвы и черемисов вряд ли можно объяснить простым совпадением. Более редкое употребление его у мордвы и черемисов, сохранность у обских угров в качестве сакрального символа объясняется большей архаичностью общественных отношений и верований у последних. Волжские финны испытывали сильное тюркское влияние. Имущественные и родовые отношения были у них иными, чем у обских угров. Родовые знаки в силу непрерывного развития семьи утеряли к XVII в. прежнее значение, превратившись в семейные и личные знаки собственности. Смысл тамг в это время не могли объяснить даже сами владельцы знамен. Эти же процессы были причиной изменения упомянутого культового символа. Шайтанская рожа, таким образом, представляется знаком, возникшим во времена финно-угорского единства, т. е. в период, когда складывались представления финно-угорских народов о едином божестве.

Знак 60/14 представляет собой «абрис вогульского идола, который был найден в трех верстах от Туры на Пушве неким рекру-

*

⁸⁴ Идолы остяков, датирующиеся XVII в., были найдены в могильнике близ Обдорска С. И. Руденко (Руденко, 1914, стр. 35—56) и А. П. Дульзоном (Дульзон, 1955, стр. 97—155). Идолы также были описаны Н. Кузнецовым, А. А. Дуниным-Горкавичем и др. Фотографии остяцких идолов, грубо сделанных из дерева, имеются в книге Старцева (Старцев, 1928, стр. 81). В. А. Варсонофьева (Варсонофьева, 1929, стр. 99) рассказывает о том, что у вогулов имелись «ящички с богами» — типичными языческими идолами, названными христианами-вогулами именами православных святых, и отдельно «дьявол». Идолы сделаны из дерева и обмотаны тряпками. На вершине Уральского хребта Монинг-Тумна, или Торре-Порре-Иза, имелось священное место с четырьмя идолами. «Домашние идолы» существовали не только у обских угров: «Самоеды-язычники (Мезень, в устье Печоры. — Ю. С.) имеют особые санки, — пишет Н. Г. Керцели, — где они прячут своих домашних богов и берут их с собою в дорогу. У них есть кумиры не только одной семьи или рода, сделанные из дерева или высеченные в виде наскальных изображений» (Керцели, 1874, стр. 69—71).

⁸⁵ ЦГАДА, Ландратские книги и ревизские сказки, Симбирский уезд, первая ревизия, кн. 4074, 1721—1724 гг., л. 150.

⁸⁶ Там же, оп. 3, кн. 1166. Описание оброчных статей мельниц и оброчных угодий Арской дороги Казанского уезда, 1722—1727 гг., л. 290 об.

том»⁸⁷. Здесь изображен отесанный с двух сторон камень, на котором выбит знак «шайтанская рожа». В материалах XVII в. писцы называли это знамя шайтановой рожей, шайтанской рожей и один раз встречается название «мыс шайтанский» (50/28). Если этот знак имел какие-либо добавления, то он именовался или шайтаном, или болваном (см., например, 36/3, 38/3, 38/5, 40/3, 40/7).

Некоторое исключение составляют знаки 60/4 и 60/6. Эти знамена отличаются от традиционного изображения шайтанской рожи, но элементы мистического треугольника, в котором располагаются различные знаки, сохранены⁸⁸. Примечателен знак 60/5, написанный двумя росчерками. Изображены известные три черты, что определяется по нажиму.

В начале нашего столетия знак в виде трех черточек сохранялся в тамгах остяков и в мистических татуировках в несколько измененном виде⁸⁹.

Интересно отметить, что точно таким же образом, т. е. значками, изображавшими глаза и нос, передавалась морда медведя на охотничьих затесах у обских угров⁹⁰. Как известно, медведь был у них культовым животным⁹¹. По верованиям ваховских остяков, например, один из верховных божеств — злой дух Лунк — был отцом медведей⁹².

Возможно, что в сходстве изображений морды медведя и шайтанской рожи проявилась эта связь. Манера изображения шайтанской рожи может быть связана и со своеобразными погребальными

✱

⁸⁷ ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, оп. 199/2, портфель 509, № 7. «Абрис идола» помещен также в работе С. В. Бахрушина «Остяцкие княжества в XVI—XVII вв.» (Бахрушин, 1935).

⁸⁸ Знаки 60/1—60/10 взяты из знамен березовских остяков в XVIII в. (см. табл. 60).

⁸⁹ 60/1 — тамга березовского остяка (Старцев, 1928, стр. 57); 18/2 — татуировка на левой руке женщины-остячки (Руденко, 1929, рис. 1А).

⁹⁰ Кузнецов, 1887, стр. 748.

⁹¹ О медвежьем культе имеется довольно обширная литература. Из работ об угро-финнах по данной теме следует назвать: Гуронин, 1941; Харузин, 1895; Лесков, 1894, и др. У остяков были также другие животные, считавшиеся у некоторых родов священными. Так, остяки Локозовской волости Сургутского уезда (по административному делению XIX в.) почитали лягушку. По преданию, бытовавшему в этом роду, лягушка спасла от отравления богатыря Ойка-Рут. По поверью, лягушки поедают ядовитую траву, отравленную подземным богом Муфили-Торимом, чтобы убить какого-нибудь человека или его скот. У локозовских остяков рода Осыпкинских предметом поклонения были два камня, на одном из которых — трехгранном куске полевого шпата клиновидно-призматической формы (21,7 см по периметру сечения) — прожилки образовывали рисунок головы лягушки. Остяки преподнесли камни Н. А. Блинову, передавшему их в Тобольский музей (Луговский, 1894).

⁹² Старцев, 1928, стр. 78.

масками у остяков. Вот как И. П. Росляков описывает их погребальный обряд: «Прежде всего берется небольшой лоскут оленьей шкуры и этим лоскутом, шерстью вниз, обматывается голова покойного. На тех кусках лоскута, против которых должны приходиться рот, нос, глаза и уши покойного, пришивается по одной медной пуговице. Таким образом, умерший, переставая видеть, слышать, обонять, говорить и пр., окончательно теряет связь со здешним миром»⁹³. Иными словами, после этого обряда кончается земная жизнь покойного, который становится духом, позже находящим себе воплощение.

Шайтанская рожа иногда употреблялась обскими уграми в сочетании со знаком «скобель» (см. 108/6). Знак «скобель» употреблялся обскими уграми, как и шайтанская рожа, для подтверждения клятвенного обещания. Название «скобель» явно не отвечает значению знака. На него перешло название орудия, на котором когда-то ставился этот знак. Об этом убедительно говорят материалы усть-полуйской культуры⁹⁴. В инвентаре, собранном на городище на Ангальском мысу, имеются костяные инструменты в виде плоских ложек с изображением свастики (см. 61/1—61/5). Назначение этих предметов становится понятным из остяцкого названия свастики — «скобель»: это были скребки, которые могли использоваться при выделке шкур, разделке туш убитых животных и т. п. Однако форма этих орудий не совсем обычна. Среди многочисленных находок вещей усть-полуйской культуры скребков аналогичной формы очень мало.

Можно предположить, что эти предметы были какими-то культовыми аксессуарами⁹⁵. По археологическим данным трудно выяснить значение знака свастики у обских угров в усть-полуй-

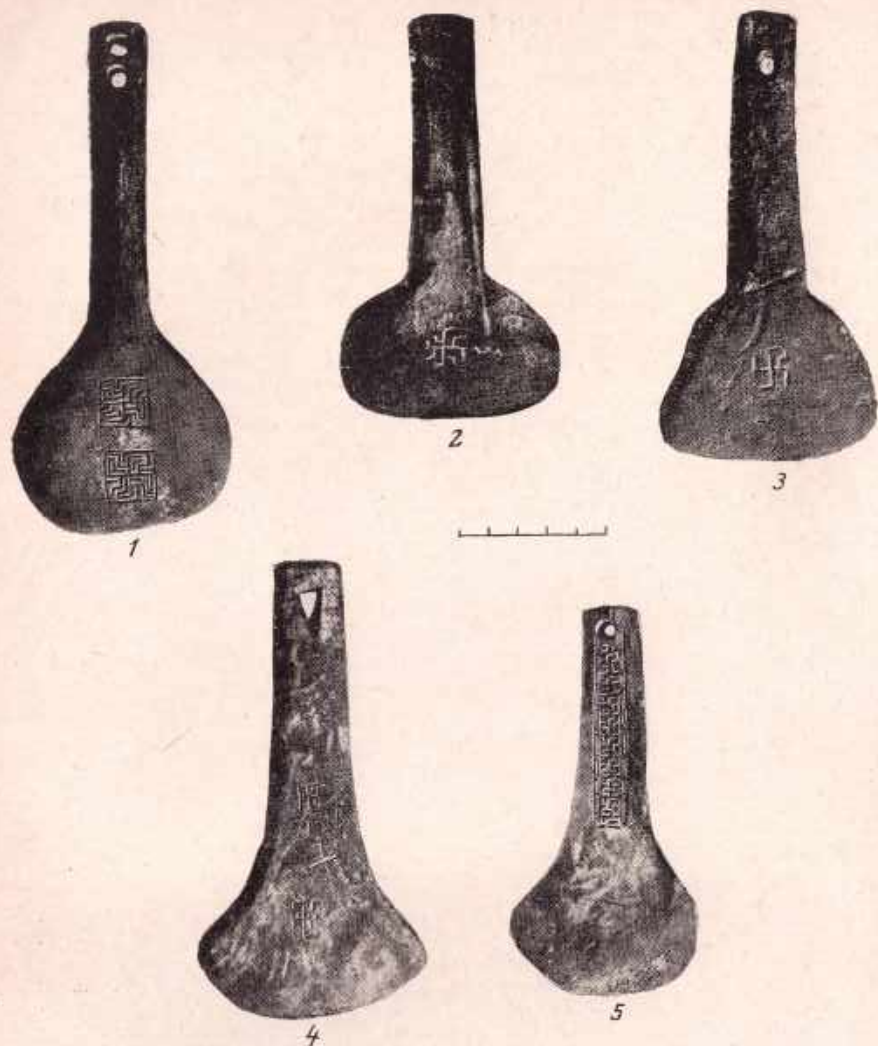
✱

⁹³ Росляков, 1895—1896.

⁹⁴ Пользуясь случаем выразить глубокую признательность В. Н. Чернецову и В. Н. Мошинской, производившим эти раскопки, за помощь, которая была оказана автору настоящей работы при ее написании.

⁹⁵ Возможно, что описываемые скребки были связаны с космологическими представлениями угров. Так, созвездие Малую Медведицу, по наблюдениям С. И. Руденко на Сосьве, называют «тарых» (журавль), «пазыльи» (сперло) или «ер» (струг, т. е. скобель). Большая Медведица, как и у других народов Севера, связывалась с образом оленя или лоса.

Небезынтересно, что египтяне при церемонии «отверзания уст» мумии фараона использовали в качестве магических орудий «адж», или переднюю ногу заколотого для этой цели теленка, а также особое «долото». Уэйбрайт сообщает, что «адж» (скребок египетских ковровщиков), а позже передняя нога быка, были земными воплощениями небесного прототипа Большой Медведицы. Большая Медведица на древнеегипетских звездных картах так и изображалась в виде скребка или в виде бычьей ноги. Тексты пирамид трактуют скребок как железный инструмент, «отверзающий уста богов... коим он [Гор] отверзает уста Осириса... он отверзает их железом с Большой Медведицы» (Wainwright, 1932, стр. 373—383).

ское время. Весьма сложно определить смысл этого знака и в XVII в., т. е. на два тысячелетия позднее усть-полуйской культуры. К этому времени первоначальное значение свастики было забыто угорскими народами. Об этом прежде всего говорит название знака по предмету, на котором он ранее ставился. Следует отметить, что в рассматриваемое время у остяков и вогулов уже не было и аналогичных скребков.

На скребках усть-полуйского времени знак свастики имеется в различных вариантах. Вероятно, самым старым вариантом сва-

卐 7 7 + 7 7 7

6
卐 卐 卐 卐 卐

7
卐 卐
8

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐
卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐
卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐
卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐
卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐
卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐
卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐
卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐
卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐	卐

Т а б л и ц а 61. Знак «скобель» на памятниках усть-полуйской культуры (1—5), в тамгах остяков (6), допарей (7) и мещеряков (8); 9 — основные группы тамг мещеряков (1—XIII)

стики у угров был рисунок свастики в картуше (см. 61/1)⁹⁶. Этот знак здесь нарисован наиболее полно. Крест свастики оттенен дополнительными линиями, перпендикулярные концам креста линии составляют рамку картуша. Свастика изображалась по большей части без рамки (см. 61/2)⁹⁷. Можно считать, что у усть-полуйцев этот знак трансформировался в обычное изображение свастики именно из рисунка ее в картуше. В рисунках, где нет

*

⁹⁶ МАЭ, 5455-3187.

⁹⁷ МАЭ, 5455-4829. Здесь знак свастики в сочетании со знаком «земля» справа.

рамки, сохранились все линии, оттеняющие основные черточки, из которых состоит знак. При этом рисунок терял свой первоначальный вид и дополнительные линии приобретали самостоятельное значение. Вероятно, здесь сказался тот факт, что усть-полуйцы начали постепенно забывать старое начертание знака свастики, может быть и его первоначальный смысл. Во всяком случае, стремление сохранить традиционное изображение привело к появлению таких знаков, где число дополнительных линий выбиралось произвольно, отчего весь знак приобретал совершенно особый вид (61/3, 61/5)⁹⁸. Особенно интересны рисунки на скребке 61/5. Здесь имеется три изображения: на ручке — полустертый неполный рисунок свастики в картуше с дополнительными линиями, на лопасти сделан обычный рисунок свастики только с одной дополнительной линией и, наконец, между ними намечен рисунок свастики без дополнительных линий. На скребках усть-полуйского времени встречаются и орнаменты, состоявшие из свастик (61/6)⁹⁹. Позднее этот знак почти исчез из орнаментики обских угров. Только прытшские остяки использовали его, хотя и очень редко, в украшениях на подоле, воротнике и рукавах одежды.

Точная датировка появления свастики у угорских народов Оби по имеющимся данным невозможна. Этот знак, бесспорно, возник до ранней даты усть-полуйской культуры и задолго до появления нового сакрального знака — шайтанской рожи. О более позднем возникновении знака «шайтанская рожа» можно судить хотя бы по тому, что в XVII в. угры Оби сохранили в его названии истинное его значение, в то время как название свастики к этому времени было забыто. Нигде нет точных указаний на связь каких-нибудь культовых актов с этим знаком. У обских угров он, вероятно, как и у других народов, был символом огня. Огонь у остяков и вогулов считался священным. «Его (огонь. — Ю. С.) нельзя ругать и злиться на него. Огонь все понимает, душа его видна — синее пламя. Первые несколько капель водки остяк наливает на костер или на чурал», — сообщает о поклонении огню Г. Старцев¹⁰⁰. Тушение пожара у обских угров сопровождалось определенным ритуалом. Однако по имеющимся источникам трудно определить связь знака «скобель» с культом огня. Судя по начертаниям этого знака, эта связь не была во многих случаях определенной. Некоторые варианты свастики сильно отличаются от первоначального ее изображения (см., например, знак «скобель» остяков Березовского уезда — 36/4). Этот знак, вероятно, сохранился от культа огня, в изучаемое время уже находившегося в упадке. Знак еще сохранял мистическое значение и им подтверждали клятвы. При-

*

⁹⁸ МАЭ 5455-3716, 5455-984.

⁹⁹ МАЭ 5455-3661.

¹⁰⁰ Старцев, 1928, стр. 99.

мечательно, что в это же время свастики у мордвы и черемисов не было вообще. Среди довольно большого числа известных нам тамги финно-угорских народов Поволжья знаков свастики нет. В XVIII в. свастика встречалась у лопарей на Печенге (61/7)¹⁰¹, а в XIX в. — у мещераков Шадринского уезда Третьего Башкирского кантона Терсютских и Касымбаевских юрт (61/8)¹⁰².

К сакральным знакам нужно отнести также знак священного дерева, или ели, имевшийся у березовских остяков и верхотурских вогулов. У остяков одной из Лунпукольских волостей, как уже было сказано, этот знак был родовым. Как сакральное знамя, дерево часто изображалось с корнями и диском наверху. Священная лиственница постоянно фигурирует в мифах народов Сибири как предмет, тесно связанный с культом. «Особый интерес, — указывает А. Ф. Анисимов, — ... имеют представления народов Сибири о так называемом шаманском родовом и одновременно мировом дереве, с которым связан в сибирском шаманстве весь цикл легенд шаманского избрничества»¹⁰³. По верованиям эвенков, у каждого шамана есть «туру» — опора в виде лиственницы, бывшей также и общеродовой. Это дерево связывалось с образом мифической матери-зверя. Мать-зверь лежит у корней священной лиственницы, растущей на шаманской родовой земле. При появлении шамана мать-зверь уничтожает его человеческую душу и рождает «хари» — «главную шаманскую душу, звериного двойника шамана»¹⁰⁴. Лиственница связана также с представлениями о шаманском Верхнем, Среднем и Нижнем мире. В эвенских представлениях о Вселенной шаманские лиственницы трансформированы в одно мировое дерево.

У гольдов существовало представление о трех мировых деревьях — места перерождения, живших и умерших душ¹⁰⁵. На нанайских ритуальных свадебных халатах изображались деревья с корнями¹⁰⁶. По исследованиям А. А. Попова, нганасаны считали

*

¹⁰¹ Знаки взяты П. П. Ефименко из «Книги сделок Польского Печенгского монастыря 1734 г.», хранившейся в Холмогорском соборе, и из дел Холмогорского уездного суда 1821—1828 гг. по иску лопарей с крестьянином Негодяевым (Е ф и м е н к о, 1874, стр. 232). За исключением свастик, знаки лопарей являются просто личными знаками. Судя по написанию, они имеют общий прототип, т. е. происходят от родовой тамги и являются, следовательно, семейными знаками.

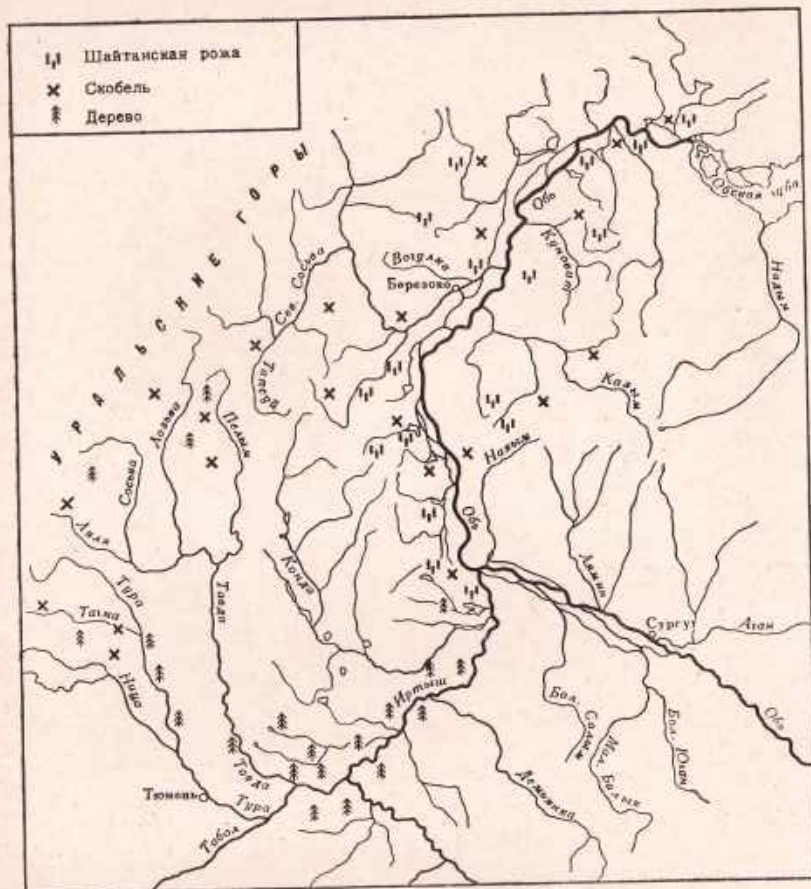
¹⁰² ЦГАДА, Межевой отдел, ф. 1327 Пермской губернии, оп. 2, № 1614, лл. 3—5. Апелляционная жалоба мещераков. Тамги мещераков можно разделить на тринадцать групп по числу основных тамг (см. 61/9). Отмеченные фигурными скобками парные тамги принадлежат близким родственникам: (XIII — отцу и сыну, XII — родным братьям). Таким образом, у мещераков тамги родственников при неразделенном имуществе были одинаковыми.

¹⁰³ Анисимов, 1959, стр. 43.

¹⁰⁴ Там же, стр. 44—45.

¹⁰⁵ Штернберг, 1935, стр. 122.

¹⁰⁶ Иванов, 1954, стр. 237.

Распространение сакральных знаков у обских угров

лиственницу, из которой был создан шаманский бубен, шаманским деревом Среднего мира, воплощением оленя — духа бубна¹⁰⁷. Шаманские лиственницы существовали у селькупов и кетов¹⁰⁸. В мифологии гиликов лиственница — это место, где было жилище матери-прародительницы, владевшей светилами¹⁰⁹.

О лиственнице у остяков и вогулов известно только, что с нею были связаны жертвоприношения. У корней лиственницы уби-

*

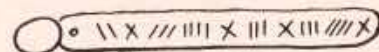
¹⁰⁷ Попов, 1936.

¹⁰⁸ Прокофьев, 1930; Анучин, 1914.

¹⁰⁹ Штернберг, 1908.

вали оленей, а в XIX в. — лошадей, выливали немного водки, зарывали пищу¹¹⁰, на лиственницу вешали шкуру убитых животных. Особенно примечателен тот факт, что среди тамг народов Сибири (самоедов, тунгусов, якутов, юкагиров, бурятов и др.) в XVII в. изображение священного дерева в качестве сакрального знака встречается только у остяков и вогулов.

Ель с корнями и диском наверху, вероятно, символизировала мост, соединяющий подземный (Нижний) мир (у остяков — царство Муфили-Торыма) и Верхний (царство Торыма — верховного творца), где находятся светила.

1=1 1=5 X=10 *=100 *=1000

у щ л К = / - 1 = m x r i x a i e r f z ✓
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17

Таблица 62. Деревянная бирка для счета и знаки, употреблявшиеся остяками в XX в.

Территория распространения знака «священная ель», по сообщению В. Н. Чернецова, в общих чертах совпадает с территорией распространения так называемых древовидных идолов у обских угров. Значение этих идолов неясно. Очевидна только связь их с культом. Существование «древовидных идолов» восходит к последним векам до нашей эры. Любопытно, что знак дерева распространен на юге, а шайтанская рожа — на севере территории, занимаемой обскими уграми (см. карту).

В табл. 62 показана деревянная бирка для счета, употреблявшаяся остяками в XX в. Зарубки и комбинации их обозначают различные цифры. Прямая черта означает единицу, наклонная — 5, крестик — 10, один раз перечеркнутый крест — 100, дважды перечеркнутый — 1000.

62/1 и 62/17 — знаки собственности, употреблявшиеся в то же время у остяков Березовского уезда. Эти знаки утеряли связь с родовыми тотемами. Они возникли из усложненных личных знамен¹¹¹.

*

¹¹⁰ Кузнецов, 1887, стр. 747.

¹¹¹ Табл. 62 составлена из знаков и рисунков, помещенных в работе Г. Старцева «Остяки» (Старцев, 1928, стр. 44—57).

СУРГУТСКИЙ УЕЗД

Остяки, селькупы, кеты

*

Сургут... построен в 1593 г. с палисадом и деревянными бойницами на том месте, где жил тогда остяцкий князек именем Вардак, от которого тамошняя речка Вардавка название получила... Страна тамошняя лесиста, изобилует зверьми и рыбою; в уезде иных жителей нет, как только остяки и при церквах во время крещения их построенных церковные причетники», — сообщает «Новый и полный географический словарь Российского государства», изданный Новиковым в 1788 г.

В XVI — начале XVII в. Сургутский уезд охватывал территорию Кетского и части Нарымского уезда. После 1671 г. в материалах по Сургутскому уезду перестает упоминаться Темличеева волость, ставшая платить ясак в Тобольск. Сюда же отошли части Салымской и Селиярской волостей. До 1668 г. к Сургуту была приписана часть Белогорской волости.

Остяками были заселены Бардакова, Аганская, Тромьюганская, Малоюганская, Васюганская, Первая, Вторая и Третья Лунпукольские, Ваховская, Темличеева, Селиярская, Салымская, Юганская и Подгородняя волости. Селькупы входили в Ларьяцкую (Ларьятскую) и Тымскую волости. В Сымской и Караконской волостях жили кеты и селькупы. Документы XVII в. всех ясачных людей Сургутского уезда называют остяками. Автор этой работы принимает разделение населения на этнические группы, сделанное Б. О. Долгих¹.

Знамена сургутских ясачных людей сохранились в источниках полнее, чем другие. Знаки сургутского населения имеются в сысках, досмотрах, челобитных. В подавляющем большинстве это родовые тамги.

Бардакова волость состояла из одного рода. Почти в течение целого столетия остяки этой волости ставили общий родовой знак — рисунок оленя (табл. 63). 19 июня 1646 г. ясачные сборщики Ерофей Леонтьев, Абрисим Дедов и Прохор Матвеев произвели обыск

✱

¹ Долгих, 1960.

сургутских ясачных волостей². Обыскные речи «по своей вере» дали девять человек Бардаковой волости. Тамга была поставлена только князем Санжой Тынгиреевым (63/1). 3 января 1654 г. была подана челобитная ясачных людей Бардаковой и Юганской волостей³, где князец «во всех товарищах своих место» поставил

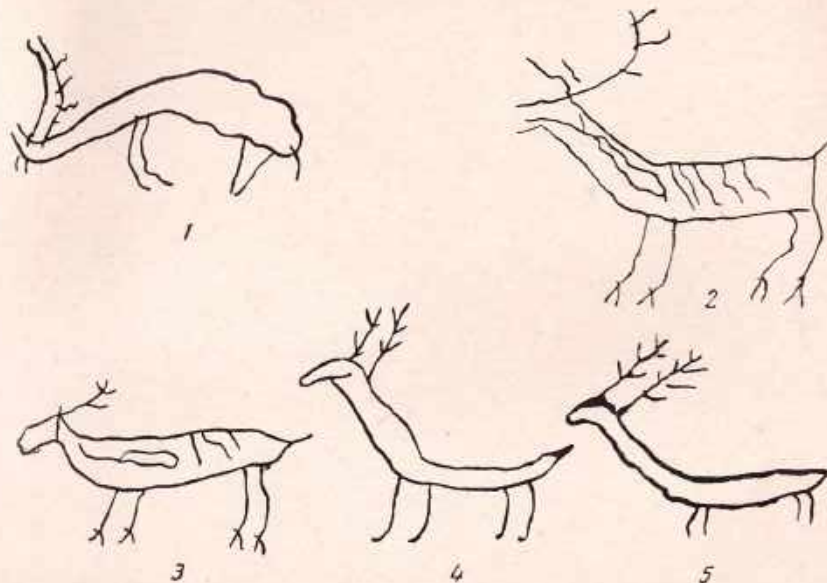

Таблица 63. Бардакова волость:

1—3 — тамга князя Санжи Тынгиреева (1646, 1654 и 1655 гг.); 4, 5 — тамги «лучших людей» (1681 и 1703 гг.)

ту же тамгу (63/2). Под досмотром воеводы Никифора Феодоровича Мещерского 12 июня 1655 г. ⁴ князец Санжа также поставил свою тамгу (63/3). Во время этого же досмотра все сургутские князцы дважды поставили свои тамги. Повторные знаки палеографически совпадают до мелких черт. Рисунок тамг исключительно устойчив. Под сыском 16 июня 1681 г. тамгу «олень» поставили уже «лучшие люди» — представители всего ясачного населения волости (63/4; см. также табл. 64)⁵.

✱

² ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 282, лл. 74—79.

³ Там же, стлб. 344, л. 665, об.

⁴ Там же, стлб. 551, л. 88 об.

⁵ Там же, стлб. 936, л. 34.

Таблица 64. Бардакова волость. 1681 г. Тамга «лучших людей»

Через 20 лет другие представители той же волости поставили под списками⁶ родовую тамгу, не претерпевшую за длительное время никаких изменений (63/5).

*

⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 936, лл. 124—126.

В течение всего XVII в. бардаковские остяки сохранили манеру рисунка тамги — контурное изображение. Знак в каждом случае выполнен довольно уверенно.

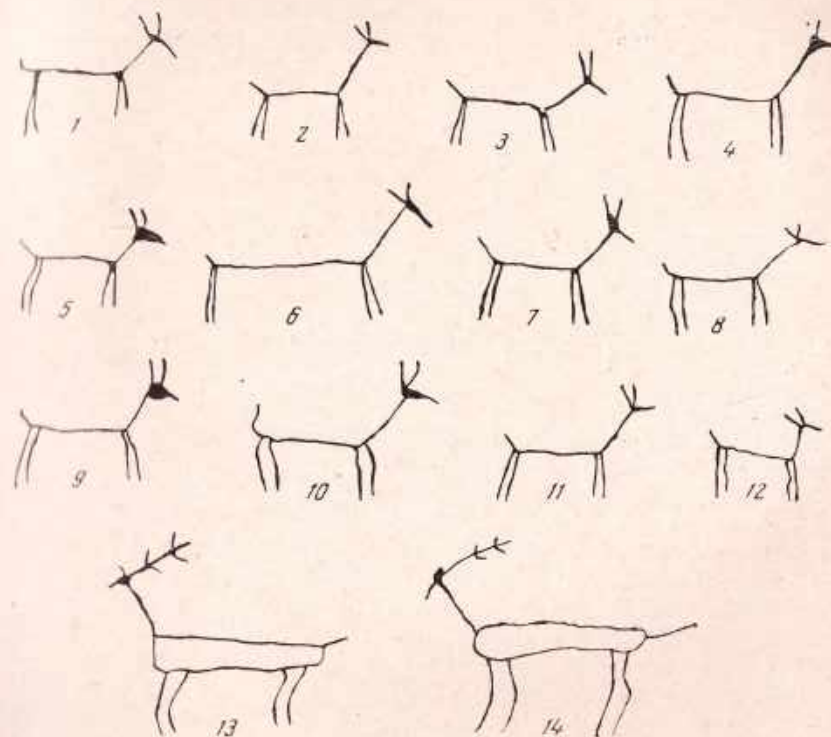

Таблица 65. Аганская волость:

1—12 — 1631; 13, 14 — 1692/3 г.

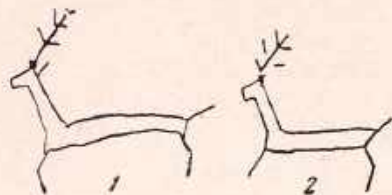
Относительно Аганской волости Б. О. Долгих сообщает, что «Г. Д. Вербов установил у потомков остяков Бардаковой волости, у аганских хантов, роды Лося, Бобра и Медведя»⁷. Однако под обыском в этой волости, произведенным в 1631 г.⁸, 17 остяков поставили одну и ту же тамгу — знак оленя (см. 65/1—65/12; пять таких же знаков не включены в таблицу). Тамги не расшифрованы и не подписаны, но очевидно, что это — родовая тамга целой волости. Рисунок исключительно устойчив. В конце XVII в. пред-

*

⁷ Долгих, 1960, стр. 70—71.

⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 27, лл. 339—348, 405—406.

ставители Аганской волости также поставили тамги в виде оленя⁹, при этом два «лучших человека» поставили тождественный по рисунку знак, названный писцом оленем (63/13, 63/14). Некоторое отличие имеется в начертании ног оленя. Здесь, видимо, родовая тамга, приобретающая некоторые графические особенности, играла также и роль личного знака. Таким образом, в XVII в. по тамгам не прослеживаются роды Лося, Медведя и Бобра на Агане. Вопрос

Т а б л и ц а 66. Тромьюганская волость.
1892 г. Тамга «олень»

о том, кого изображают тамги аганцев, поставленные в 1692 г., — оленя или лося — является спорным, так как документы об этом не говорят. Если допустить, что упомянутые знаки — рисунки лося, то бесспорным будет факт более позднего проникновения сюда людей родов Бобра (вероятно, из Васюгана или Малого Югана) и Медведя (скорее всего, из областей вокруг Нарыма).

В 1692 г. к челобитной сургутских ясачных людей всех волостей присоединились и остяги Тромьюганской волости¹⁰. До этого времени эта волость не упоминалась в источниках. Тамга тромьюганцев также олень (табл. 66). Рисунок тождествен аганским тамгам этого же времени. Можно предположить, что Тромьюганская волость была заселена людьми этого же рода, может быть, отдельной семьей.

Васюганская волость также была заселена одним родом. В течение целого столетия под различными документами васюганцы ставили одну родовую тамгу — бобра. Этот знак писал и князец Урбук Тыкомин в течение 10 лет (67/1—67/3), и «лучшие люди» (67/4), и целая группа остяков во главе с князем Якуном, подавшие челобитные в 1695 и в 1701 гг.¹¹

✱

⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1299, л. 24. Челобитная ясачных людей Сургутского у. об уменьшении ясака и продаже топоров, ножей, суков, холстов, котлов и пр. 1692/93 г.

¹⁰ Там же, стлб. 1299, л. 24 об.

¹¹ Там же, стлб. 282, л. 77 об.; стлб. 308, л. 122; стлб. 501, л. 88 об.; стлб. 936, л. 27 об.; стлб. 1299, л. 49. Челобитная 1695 г. содержит сведения о численности населения Васюганской волости — 22 ясачных остяка (там же, стлб. 1299, л. 110).

Малоюганская волость упоминается только с 1692 г. Судя по родовым тамгам, ее население пришло с Васюгана и из Ларяцкой волости: под челобитной 1692 г.¹² ясачные люди поставили знамена «выдру» (68/1) и «бобра» (68/2—68/5).

Каждая из трех Лунпукольских волостей представляла собой самостоятельное объединение. Под челобитной 1624 г. поставил знамя князец Первой Лунпукольской волости Салтак (69/1)¹³. Его знак — единственное изображение шайтанской рожи, имеющееся у сургутцев. Рисунок не оставляет сомнения в том, что здесь нарисована личина идола. Знамя князя Салтака представляет собой довольно архаичный вариант этого сакрального знака. В 1646 г. одним из «лучших людей» волости был поставлен знак «соболь» (69/2)¹⁴. Вероятно, это было знамя какого-то человека из рода Соболя, временно находившегося при обыске в чужой волости. Позже, с 1647 по 1703 г., ясачные люди Первой Лунпукольской волости ставили только одну тамгу — филина¹⁵. Знак 69/3 — наиболее реалистичный рисунок этой птицы. Последующие знаки в значительной мере стилизованы. Особенно интересны тамги 69/4 и 69/5, поставленные разными людьми в разное время (разница в хронологии равна восьми годам), но начертанная по одному шаблону. Последняя тамга — наиболее стилизованный вариант знака.

Тотемом остяков Второй Лунпукольской волости было «древосль» — священное дерево (табл. 70)¹⁶. Этот знак употребляли князец Пыжа, его сыновья Уриук и Кондога, а также «лучшие люди». Ель изображается здесь с корнями и диском вверху. Чрезвычайно оригинальны знаки 70/6 и 70/9, представляющие собой сильно стилизованный рисунок священного дерева — тотема. Определить смысловое значение этих знамен не представляется возможным.

Третья Лунпукольская волость была заселена двумя родами — Оленя и Соболя (табл. 71)¹⁷. Вероятно, во главе этой волости до середины XVII в. стояли какие-то люди с Белогорья: в 1625 г. князец Рубашка в качестве родовой тамги нарисовал рыбу (71/1). Тамга в виде рыбы была только у белогорцев. Только на Белогорье встречен и рисунок оленя в манере знака «лучших людей» 70/2. Далее, в 1647 и в 1681 гг. поочередно выступали представи-

✱

¹² ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 1299, л. 33 об.

¹³ Там же, стлб. 8, л. 32 об.

¹⁴ Там же, стлб. 282, л. 75 об.

¹⁵ Там же, стлб. 308, л. 125 об.; стлб. 344, л. 682 об.; стлб. 501, л. 87 об.; стлб. 936, л. 25 об.; стлб. 1299, л. 24 об.; стлб. 934, л. 24 об.

¹⁶ Там же, стлб. 8, л. 32 об.; стлб. 282, л. 75 об.; стлб. 308, л. 125 об.; стлб. 344, л. 68 об.; стлб. 501, л. 87 об.; стлб. 936, л. 25 об.; стлб. 1299, л. 24 об.; стлб. 936, л. 24 об.

¹⁷ Там же, стлб. 8, л. 32 об.; стлб. 282, л. 76 об.; стлб. 308, л. 124 об.; стлб. 344, л. 692 об.; стлб. 936, л. 25 об.; стлб. 1299, л. 22 об.

тели родов Соболя (71/3, 71/4) и Оленя (71/5). В 1692 г. под одним и тем же документом приложили руки представители обоих родов. Знак «олень» здесь выполнен так же, как тромъюганские и аганские тамги того же времени (см. табл. 65 и 66).

Вопрос о населении Ваховской волости неясен. П. Н. Буцинский считает ваховцев осяками, принявшими магометанство¹⁸. К этому мнению присоединяется Б. О. Долгих¹⁹. Источники XVII в. называют население Ваховской волости татарами и осяками. Знамена ваховцев (табл. 72)²⁰ обособлены от тамг осяков других волостей Сургутского уезда. Тамга ваховцев не тотемического и, несомненно, более позднего происхождения, чем другие сургутские знаки. По обнаруженным данным, все ваховцы в течение более чем 30 лет писали одну и ту же, т. е. родовую, тамгу — лук. Тамга «лук», имевшаяся у ваховцев, представляет собой устоявшееся четкое изображение. Все тамги палеографически одинаковы. В 20-х годах XX в. Г. Старцев обнаружил на Вахе у осяков те же тамги в виде луков²¹. В это же время один из родов по Тромъюгану употреблял в качестве родовой тамги лук²². В конце XVII в. на Тромъюгане жил род Оленя (см. табл. 66). Местные ясачные люди не употребляли ваховской тамги. Следовательно, приход рода, имевшего в качестве знамени лук, следует датировать не ранее начала XVIII в.

Тамги ясачных людей Темличеевой волости (табл. 73)²³, видимо, как-то связаны с космологическими представлениями обских угров. Сюжеты тамг — солнце и месяц. Волость получила название по имени князя Темличей, умершего в 30-х годах XVII в.

*

¹⁸ Буцинский, 1893.

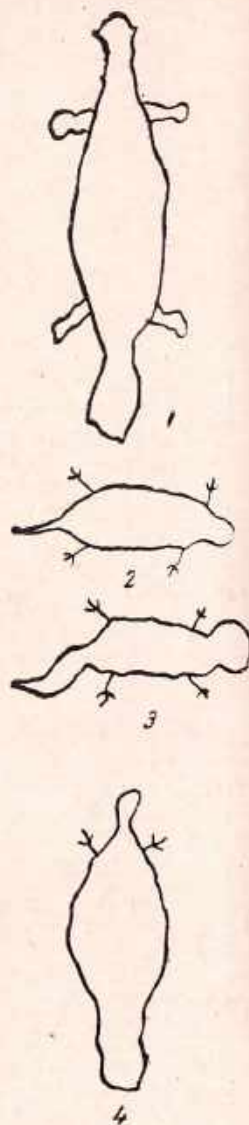
¹⁹ Долгих, 1960, стр. 79.

²⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 308, л. 126, стлб. 501, л. 88; стлб. 936, л. 27.

²¹ Старцев, 1928, стр. 57.

²² Там же.

²³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 282, л. 75 об.; стлб. 308, л. 125 об.; стлб. 344, л. 68 об.; стлб. 501, л. 87 об.—88 об.

Ксютховий кизецъ Анбукъ и ясачными
людми подобенъ с на и на пунхожний

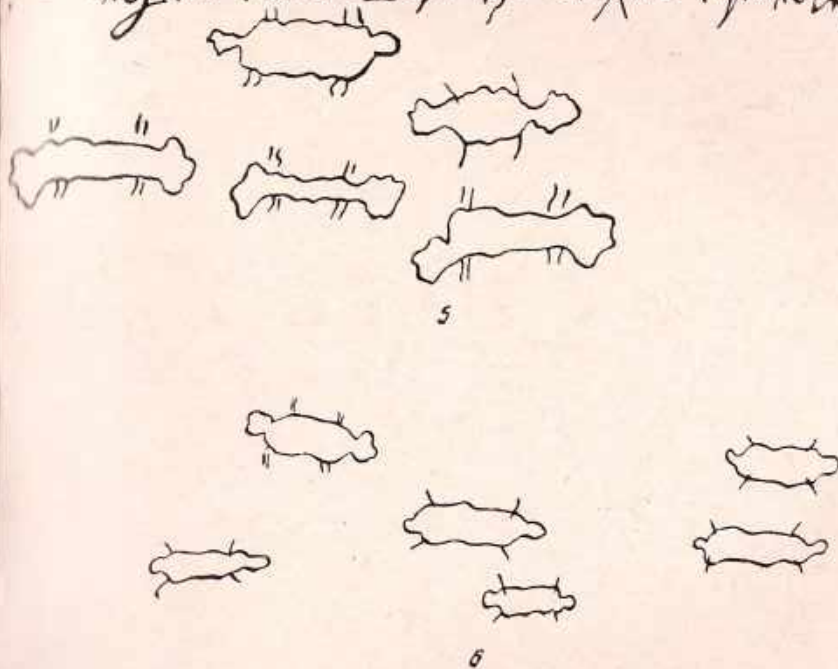

Таблица 67. Васюганская волость.

1 — 3 — тамга князя Урбука Тыкомина (1646, 1647 и 1655 гг.); 4 — тамга «лучших людей» (1681 г.); 5, 6 — тамги группы осяков во главе с князем Януном (1695 и 1701 гг.)

В середине века во главе этой волости стоял его сын Тимофей. В 1647 г. князец Тимофей Темличеев в качестве тамги поставил знак «месяц» (73/2). В 1654/55 г. «лучшие люди» его волости поставили знаки «солнце» и «месяц». Солярные символы среди тамг березовских и сургутских осяков, пельмских и верхотурских вогулов встречаются сравнительно редко. Много их только у нарымских ясачных людей.

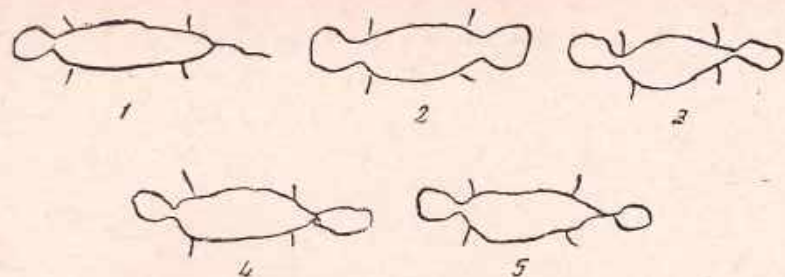

Таблица 68. Малояганская волость. 1692 г.:

1 — выдра; 2—5 — бобр

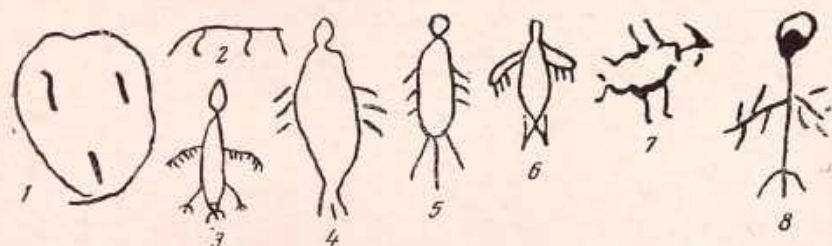

Таблица 69. Первая Луиукольская волость:

1 — тамга князя Салтака «шайтанская рожа» (1624 г.); 2—5 — тамги «лучших людей»; 6 — соболь (1646 г.); 7—8 — филин (1647, 1655, 1681, 1703 гг.)

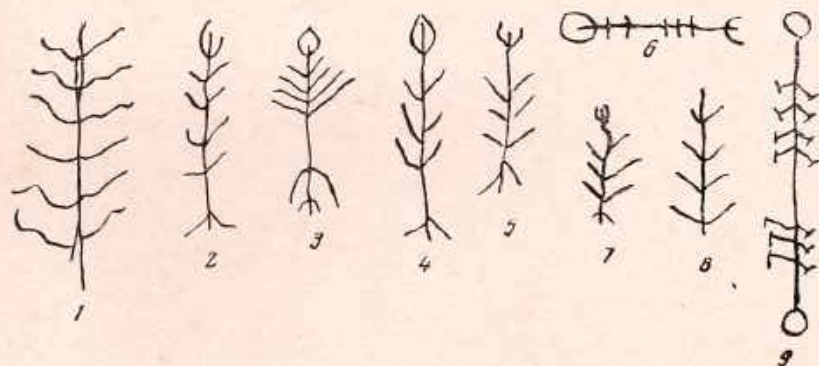

Таблица 70. Вторая Луиукольская волость:

1 — тамга князя Пынки (1625 г.); 2—5 — тамги Уриука Пынкина (1646, 1647, 1654 и 1655 гг.); 6 — тамга Кондоги Пынкина (1681 г.); 7, 8 — тамги «лучших людей» (1692 г.); 9 — тамга «лучших людей» (1703 г.)

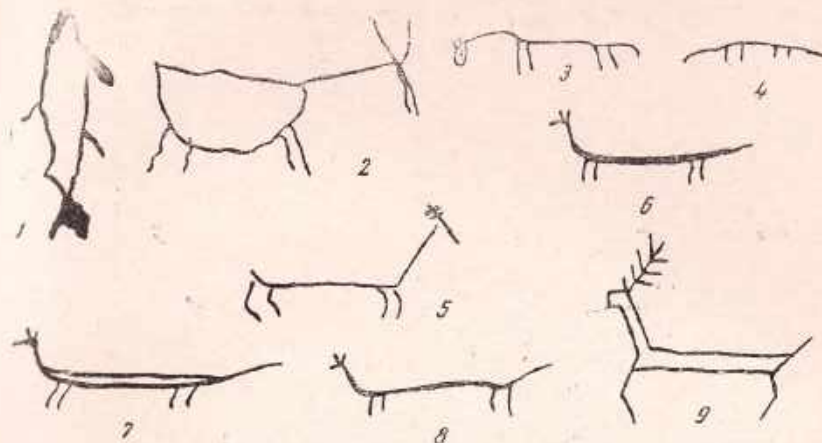

Таблица 71. Третья Луиукольская волость:

1 — тамга князя Рубашки «рыба» (1625 г.); тамги «лучших людей»; 2 — олень (1646 г.); 3, 4 — соболь (1647 г.); 5 — олень (1681 г.); 6—8 — соболь (1692 г.); 9 — олень (1692 г.)

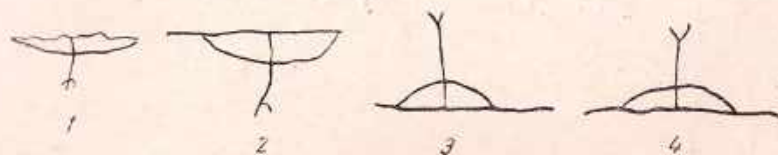

Таблица 72. Ваховская волость. Тамга «лук»:

1, 2 — Выкола Огоскова (1647 и 1655 гг.); 3, 4 — «лучших людей» (1681 г.)

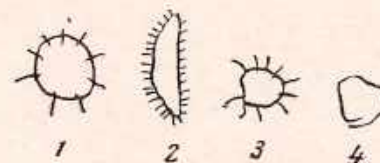

Таблица 73. Темличеева волость:

1 — тамга Паики Темличеева «солнце» (1646 г.); 2 — тамга князя Тимофея Темличеева «месяц» (1647 г.); 3, 4 — тамги «лучших людей» — «солнце» и «месяц» (1654/55 г.)

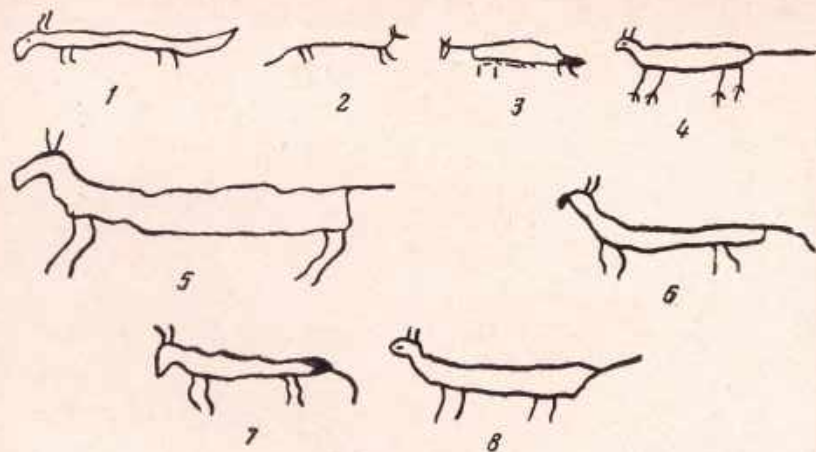

Таблица 74. Селнярская волость. Тамга «лисица»:

1—4 — князя Аушкана Моголохнова (1646, 1647, 1654 и 1655 гг.); «лучших людей»; 5 — 1680 г.; 6, 7 — 1692 г.; 8 — 1713 г.

Таблица 75. Салымская волость. Тамга «соболь»:

1 — князя Оптомаха (1626 г.); «лучших людей»; 2 — 1646 г.; 3 — 1654 г.; 4 — 1655 г.; 5 — 1680 г.

Селнярская волость в XVII в. была заселена одним остяцким родом Лисицы (табл. 74) ²⁴.

Салымскую волость населял род Соболя (табл. 75) ²⁵. Рисунки тотема — соболя — весьма однотипны. Выделяется только знак, поставленный в 1626 г. князем Оптомахом (75/1). Это знамя,

*

²⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 282, л. 75 об.; стлб. 308, л. 123 об.; стлб. 344, л. 683 об.; стлб. 501, л. 88 об.; стлб. 936, л. 23 об.; стлб. 1299, л. 23 об. 24 (склейка); стлб. 936, лл. 124—126 об.

²⁵ Там же, стлб. 8, л. 32 об.; стлб. 282, л. 75 об.; стлб. 344, л. 683 об.; стлб. 501, л. 87 об.; стлб. 936, л. 23 об.; стлб. 1299, л. 29 об.; стлб. 936, л. 24 об.; стлб. 936, лл. 124 об. — 126 об.

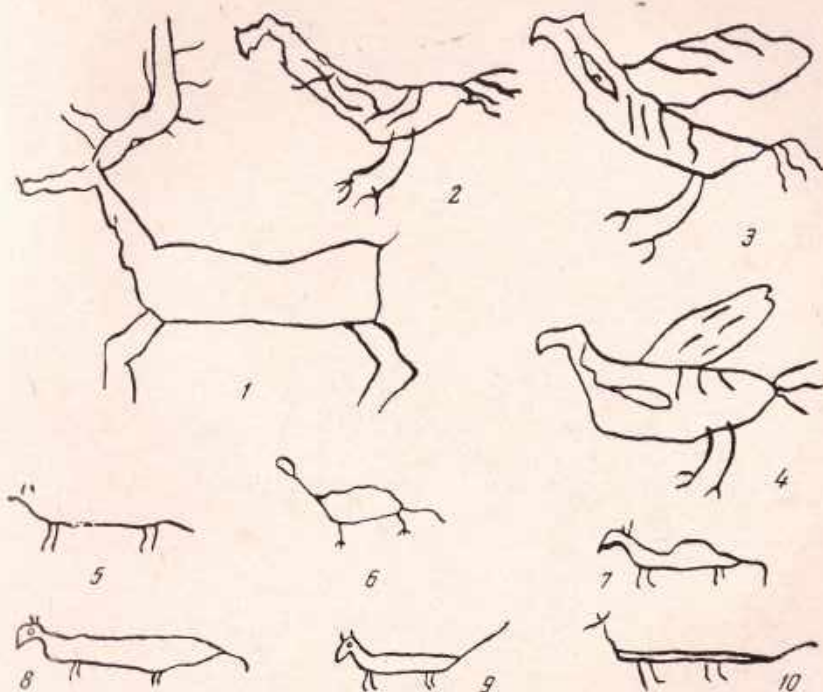

Таблица 76. Юганская волость:

1 — тамга «олень» князя Югды (1626 г.); 2—4 — тамга «тетеря» князя Василия Лоханова (1646, 1654 и 1655 гг.); тамга «соболь» «лучших людей»; 5 — 1681 г.; 6—10 — 1692 г.

Таблица 77. Подгородняя волость:

1 — тамга «выдра» князя Окташа Алачсена (1646 г.); 2—4 — тамга «тетеря» «лучших людей» (1692 г.)

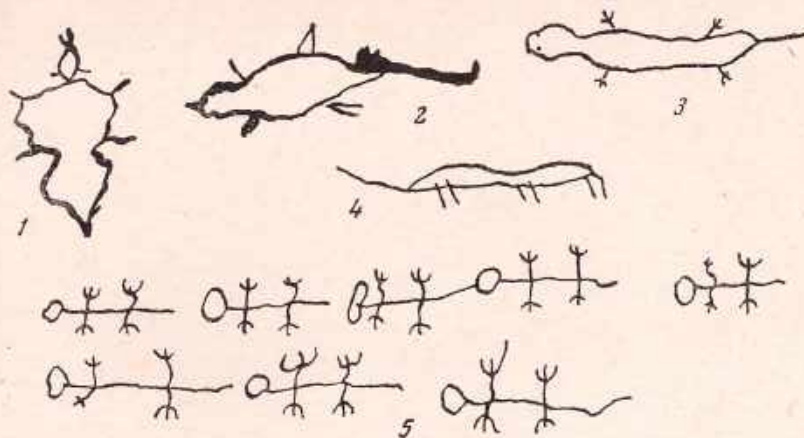

Таблица 78. Ларятская волость. Тамга «выдра»:

1 — князя Соли Коптева (1626 г.); 2—4 — «лучших людей» (1646, 1655 и 1681 гг.); 5 — 1694/95 г.

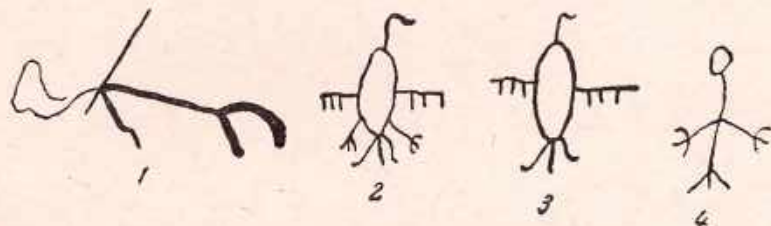

Таблица 79. Тамга «орел»:

1, 2 — «лучших людей» Тымской волости (1647 и 1655 гг.); 3, 4 — «лучших людей» Караконской волости (1655 и 1703 гг.)

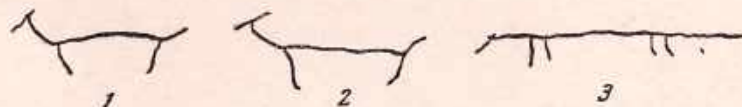

Таблица 80. Сымская волость:

1, 2 — тамга «олень» «лучших людей» (1646 г.); 3 — тамга «соболь» (1655 г.)

хотя и именуется соболем, представляет собой рисунок какого-то животного со спины. Известно, что обские угры в плане изображали только белку, бобра и выдру.

Ясачные люди Юганской волости делились между родами Соболя и Тетерева (табл. 76) ²⁶. В 1626 г. правивший здесь князец Югла написал в качестве своей тамги оленя (76/1). После него в течение десяти лет князец Василий Лохчаков писал свое знамя — тетерю (76/2—76/4). Когда к составлению официальных документов были допущены «лучшие люди» (с 80-х годов XVII в. и в течение всего XVIII в.), стала фигурировать тамга в виде соболя (76/5, 76/6). Очевидно, оба князья — Югла и Василий Лохчаков — не принадлежали к коренному населению этой волости. Юганцы были связаны с родом Соболя на Салыме (см. табл. 75). Василий Лохчаков принадлежал к роду Тетери Подгородней Юганской волости (табл. 77) ²⁷. Этой волостью правил в середине XVII в. князец Окташ Алачев из рода Выдры. Рисунок Алачева чрезвычайно архаичен. Выдра изображена довольно реалистично в профиль, в то время как в других случаях выдра изображалась в плане (см., например, табл. 78).

Род Выдры населял Ларятскую (Ларятскую) волость (табл. 78) ²⁸. Рисунки выдры сделаны в той же манере, в какой изображали ее все обские угры. Б. О. Долгих считает население данной волости селькупам.

Тамги ясачных людей Тымской и Караконской волостей (табл. 79) ²⁹ полностью подтверждают предположение Б. О. Долгих, что здесь был расселен род Орла. На первый взгляд тамги тымцев и караконцев одинаковы, но они имеют графические отличия (см., например, 79/2 и 79/3). Тымцы изображали орла с лапами, а караконцы — без лап.

Тамги населения Сымской волости (табл. 80) ³⁰ имеются в документах 1646 и 1655 гг. Судя по тотемическим знакам, жители этой волости принадлежали к родам Оленя и Соболя.

*

²⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 9, л. 32 об.; стлб. 282, л. 75 об.; стлб. 344, л. 665 об.; стлб. 501, л. 87 об.; стлб. 936, л. 34 об.; стлб. 1299, л. 22 об.

²⁷ Там же, стлб. 282, л. 74 об.; стлб. 1299, л. 24.

²⁸ Там же, стлб. 8, л. 34 об.; стлб. 282, л. 77 об.; стлб. 501, л. 88 об.; стлб. 936, л. 27 об.; стлб. 1299, л. 107 об. — 108 об.

²⁹ Там же, стлб. 308, л. 125 об.; стлб. 501, л. 88 об.; стлб. 936, л. 125 об.

³⁰ Там же, стлб. 282, л. 79 об.; стлб. 501, л. 88 об.

НАРЫМСКИЙ, КЕТСКИЙ, ЕНИСЕЙСКИЙ, КРАСНОЯРСКИЙ УЕЗДЫ.

Кеты, селькупы, пустоозерские, березовские,
тазовские и туруханские самоеды

*

По территории Нарымский уезд совпадал с границами прежней Пегой орды. В XVII в. уезд охватывал течение Оби от Васюгана до Кети с бассейнами всех притоков. Административное деление Нарымского уезда было следующим: Нарымский городок, Нижняя и Верхняя Подгородние (Нарымские), четыре Парабельских, Ларпицкая, Пиковская, Тогурская, Большая и Малая Чурубарские и Чаинская волости.

Документы XVII в. называют население Нарымского уезда осяками. Однако и изучение имен и анализ тамг (см. табл. 81) показывают, что оно отличалось от осяков и вогулов.

Больше всего знамен нарымских ясачных людей поставлено под челобитными. Обычно документы, требовавшие подписи самих «нарымских осяков», заверены знаменами князцов и есаулов. Дача свидетельских показаний, заявления о нуждах ясачного населения делались, как правило, только этими людьми. Этот факт, как и многие другие, свидетельствует о том, что у нарымцев было более глубокое социальное разделение и иные традиции, чем у их соседей.

Знамена ясачных людей Нижней Подгородней волости имеют-ся более чем на десяти документах¹. Все тамги, кроме датируемых 1646 и 1655 гг., написаны на челобитных. Знаки князцов 82/6, 82/7, 82/11 написаны под сысками. В челобитных, как правило,

*

¹ Челобитная об освобождении от ямской гоньбы 1 августа 1634 г. (ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 40, лл. 243—244); челобитная об уменьшении ясака 1 сентября 1635 г. (там же, стлб. 6093/49); челобитная об освобождении от уплаты ведемков 22 сентября 1640 г. (там же, стлб. 112, лл. 431—432); обыскные речи 30 июня 1644 г. (там же, стлб. 136, л. 732); челобитная 20 июля 1644 г. об ясаке (там же, стлб. 136, лл. 342—344); обыскные речи 20 декабря 1646 г. (там же, стлб. 286, л. 46); сыск 1646 г. (там же, лл. 16—19); челобитная о злоупотреблениях воевод 23 июля 1647 г. (там же, лл. 11—13); челобитная о злоупотреблениях воевод 6 мая 1647 г. (там же, лл. 5—7); челобитная от июля 1650 г. (там же, стлб. 381, лл. 16—18); обыск декабря 1655 г. (там же, стлб. 136, л. 467).

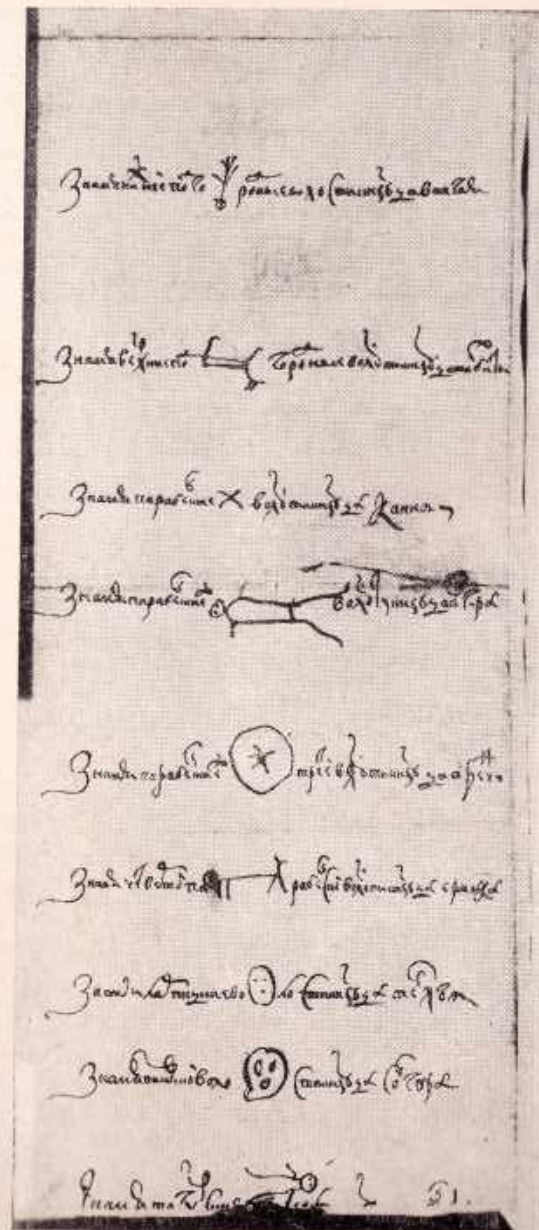

Таблица 81. Тамги селькупов Подгородних, Парабельских, Ларпицкой, Пиковской и Тогурской волостей Нарымского уезда

от имени всех ясачных людей Нарымских волостей руки прикладывали только князцы. В Нижней Подгородней волости до 1640 г. от имени всех ясачных людей выступал князец Вангай. Его тамги — дерево с диском, обращенное верхушкой вниз (82/1), и какая-то птица (82/2, 82/3). Первый знак, несомненно, как-то связан с культом. Второй, вероятно, тотем. Сменивший Вангай князец Мыдя, упоминавшийся с 1643 г., в течение одиннадцати лет ставил знаки в виде упомянутого дерева и изображения животного — тотема. Знак в виде дерева поставлен им дважды

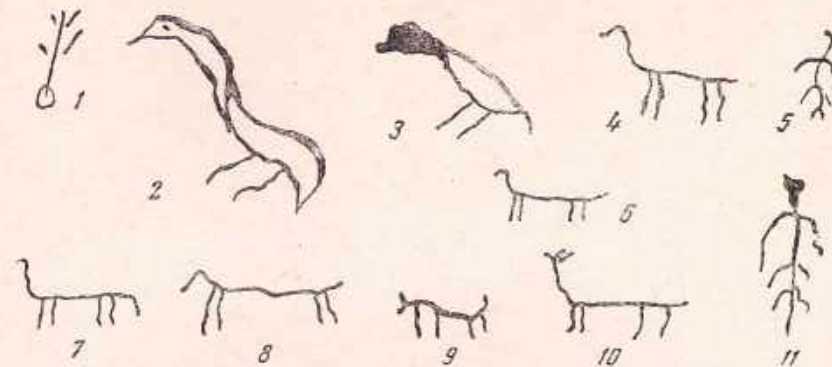

Таблица 82. Нижняя Подгородняя волость:

1—3 — знамена князца Вангай (1634, 1635 и 1640 гг.); 4—11 — знамена князца Мыдья Вангай; 4, 5 — 1644 г.; 6, 7 — 1646 г.; 8, 9 — 1647 г.; 10 — 1650 г.; 11 — 1653 г.

при даче «сказок» (82/5, 82/11). Возможно, что, как и у березовских остяков, при обысках с приведением к присяге здесь Мыдей поставлены сакральные тамги, подтверждавшие данную клятву.

Табл. 83 состоит из тамг рядовых ясачных людей этой же волости, привлеченных к обыску 1646 г.² Пять тамг являются изображениями родовых тотемов (83/1, 83/3, 83/4, 83/8, 83/9). Тамга 83/5 изображает человека, остальные — солярные символы. Знамена 83/9 и 83/10 под разными документами обыска поставлены «лутчим человеком» Изендрой³. Знак 83/9, вероятно, изображение тотема. Другое знамя, поставленное тогда же, — солярный символ (83/10). Этот знак не может быть личным знаком Изендры, так как его поставили еще четыре человека в то же время. Во всех этих знаках, несмотря на некоторые палеографические отличия, нетрудно

*

² ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 286, лл. 16—19.

³ Остальные тамги поставили: 1 — Варагасай, 2 — Чемай, 3 — Изендра, 4 — Камыга, 5 — Сандек, 6 — Магадай, 7, 8 — есаул Сямба.

увидеть сакральные символы. Под большинством документов Верхней Подгородней волости, как и в других волостях Нарымского уезда, тамги от имени всех ясачных людей ставили князцы (см. табл. 84)⁴. До 1635 г. во главе этой волости стоял князец Тайбахта. Его тамгой был родовой знак оленя. Эту же тамгу унаследовал сын Тайбахты Чура. С 1646 г. князем Верхней Подгородней волости был Пизинча из рода Тайбахты. В большинстве

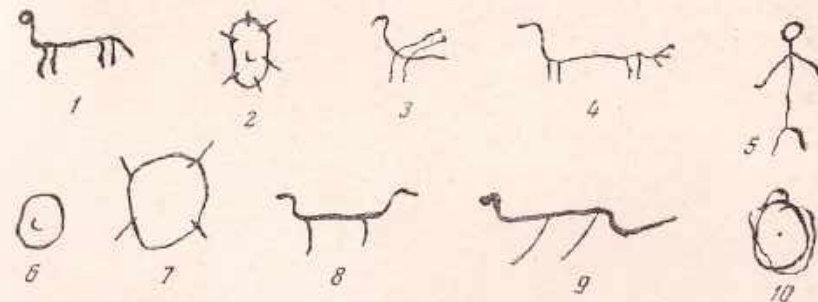

Таблица 83. Нижняя Подгородняя волость. Знамена рядовых остяков

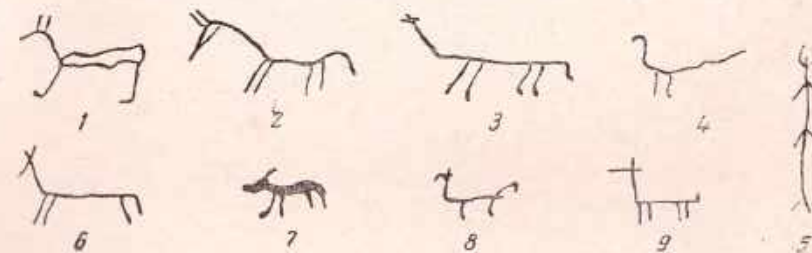

Таблица 84. Верхняя Подгородняя волость. Знамена князцов:

1, 2 — Тайбахты (1634 и 1635 г.); 3 — Чура Тайбахтина (1640 г.); Пизинча: 4, 5 — 1646 г.; 6, 7 — 1647 г.; 8 — 1650 г.; 9 — 1661 г.

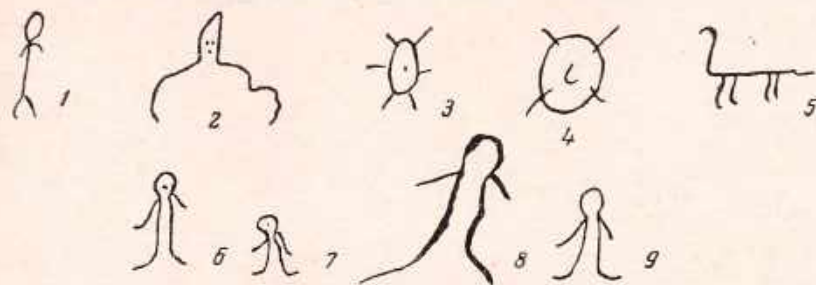
документов он в течение двадцати лет ставил родовую тамгу — того же оленя. Только под обыском 1646 г. он одновременно с родовой тамгой нарисовал знак дерева с диском, подобный знаменам, упоминавшимся при анализе тамг Нижней Подгородней волости. Вероятно, здесь знак дерева был поставлен в подтвер-

*

⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 40, лл. 243—244; стлб. 6093/49, лл. 153—154; стлб. 112, лл. 431—432; стлб. 286, лл. 5—7, 11—13, 16—19, 46; стлб. 381, лл. 16—18; оп. 8, № 1713, лл. 4—6.

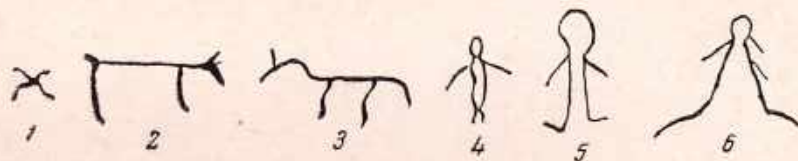
ждение клятвы. Таким образом, эта тамга употреблялась в обеих волостях как сакральный символ.

Рядовые ясачные люди в качестве тамг употребляли изображения людей, тотемов и солярные символы (см. табл. 85)⁵. О стабильности начертания тамг говорят знаки есаула Ольчуги (85/6—85/9), поставленные им в 1646/47 г. Тамга Ольчуги — изображение человека. Манера рисунка в пяти тамгах не изменяется. Солярные символы были поставлены не состоявшими в родстве Кытаром (85/3) и Малгочей (85/4)⁶. Эти знаки, очевидно, так же как и в Нижней Подгородней волости, были связаны с культом.

Т а б л и ц а 85. Верхняя Подгородняя волость. Знамена рядовых остяков

От Парабельских волостей в течение всего XVII в. выступали только князцы и есаулы. Тамги Первой Парабельской волости принадлежат князцам Канне, Изермаку и Аноушу (табл. 86)⁷. Канна

Т а б л и ц а 86. Первая Парабельская волость. Знамена князцов:

1, 2 — Канна (1634 и 1635 гг.); 3 — Изермак (1640 г.); Аноуш: 4 — 1646 г.; 5, 6 — 1647 г.

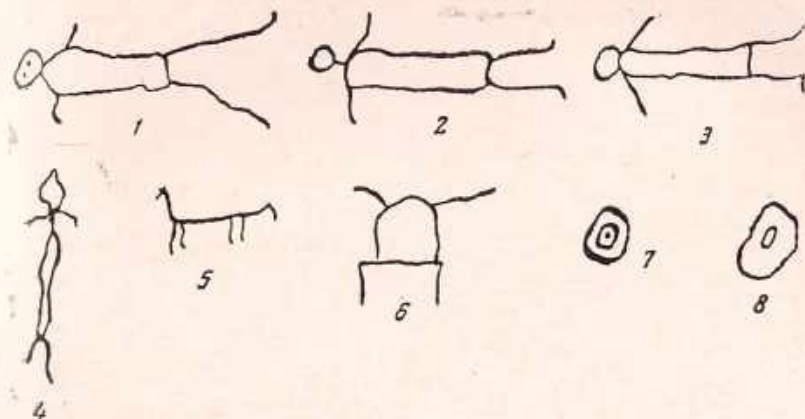
и Изермак поставили под тремя документами свою родовую тамгу — рисунок тотема; князец Аноуш написал знак «человек», но манере рисунка совершенно подобный тамге есаула Верхней Подгородней волости Ольчуги.

*

⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 286, лл. 16—19. Сын декабря 1646 г.

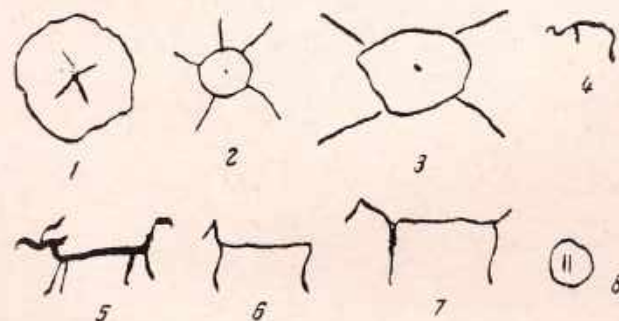
⁶ Остальные тамги поставили: 1 — Амося, 2 — Кызяк, 5 — Калпак.

⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 40, лл. 243—244; стлб. 6093/49, лл. 153—154; стлб. 112, лл. 431—432; стлб. 286, лл. 5—7, 11—13, 46.

Т а б л и ц а 87. Вторая Парабельская волость. Знамена князцов:

1—4 — Ангир (1634, 1635, 1640 и 1644 гг.) Ечипа: 5 — 1646 г.; 6, 7 — 1647 г.; 8 — 1650 г.

Т а б л и ц а 88. Третья Парабельская волость. Знамена князцов:

1—3 — Арещи (1634, 1635, 1640 гг.); Кускоцки: 4 — 1644 г.; 5, 6 — 1647 г.; 7 — 1655 г.; 8 — 1661 г.

Князец Ангир Второй Парабельской волости с 1634 по 1644 г. четыре раза прикладывал руку под документами (87/1—87/4)⁸. Его тамга во всех случаях — изображение человека. Сменивший его князец Ечип один раз нарисовал какое-то животное, другой раз — поставил знак, вероятно, связанный с культом, и дважды — солярные символы (87/5—87/8).

*

⁸ Там же, стлб. 40, лл. 243—244; стлб. 6093/49, лл. 153—154; стлб. 112, лл. 431—432; стлб. 136, лл. 342—343; стлб. 286, лл. 5—7; стлб. 381, лл. 16—18.

Третья Парабельская волость (см. табл. 88) ⁹ представлена тамгами князев Кускончи и Арещи. Первый в качестве знамени употреблял тотемические изображения, а второй — солярные знаки.

Князцы Четвертой Парабельской волости Ермак и Неголча рисовали оленя (89/1—89/3) и солярные символы (89/4—89/6) ¹⁰. При этом Ермак, десять лет ставивший родовой знак, при обыске «по вере и по шерсти» в 1644 г. поставил солярный знак.

В середине XVII в. из Парабельских селькупских волостей выделяются новые территориальные объединения. Так, 23 июня 1647 г. была подана коллективная челобитная людей Нарымских волостей о злоупотреблениях воевод Нарымского острога, где наряду со старыми князцами упомянут новый представитель какой-то выделившейся самостоятельной группы князцев Кыга. С 1650 г. в качестве главы другой самостоятельной части селькупов упоминается князец Мачуга. Тамги обоих новых князцев — солярные символы (см. табл. 90) ¹¹. Знамена есаулов Парабельских волостей поставлены под двумя челобитными нарымских ясачных людей, поданными в 1647 г. (табл. 91) ¹².

В Ларшицкой волости князец Теглей в качестве знамени изображал человека или только человеческую голову (92/1—92/4). Его преемник Тызя рисовал людей или какое-то животное — то-тем (92/5—92/8) ¹³. Рядовые люди Ларшицкой волости поставили тамги под сыском декабря 1646 г. ¹⁴ Это были изображения того же животного, людей, солярные знаки и какая-то птица (табл. 93) ¹⁵. Тамги в виде рисунка такой же птицы встречены во всех волостях Нарымского уезда, где сохранились знамена рядовых ясачных людей. Этот рисунок птицы чрезвычайно характерен для нарымских селькупов и более ни у кого не встречается.

Княжеские тамги Пиковской волости (табл. 94) ¹⁶ по сюжетам делятся на изображения лица человека (князец Сонгур), солярные символы и знаки, похожие на знак «ковдыс» (45/19), встреченный

*

⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 40, лл. 243—244; стлб. 6093/49, лл. 153—154; стлб. 112, лл. 431—432; стлб. 136, лл. 342—343; стлб. 286, лл. 5—7, 11—13; стлб. 136, л. 461; оп. 8, № 1713, лл. 4—6.

¹⁰ Там же, стлб. 40, лл. 243—244; стлб. 6093/49, лл. 153—154; стлб. 112, лл. 431—432; стлб. 136, лл. 342—344; стлб. 286, лл. 11—13; стлб. 381, лл. 16—18.

¹¹ Там же, стлб. 286, лл. 5—7, 11—13; стлб. 381, лл. 16—18.

¹² Там же, стлб. 286, лл. 5—7, 11—13.

¹³ Там же, стлб. 40, лл. 243—244; стлб. 6093/49, лл. 153—154; стлб. 112, лл. 431—432; стлб. 136, лл. 342—343; стлб. 286, лл. 11—13, 16—19; стлб. 381, лл. 16—18.

¹⁴ Там же, стлб. 286, лл. 16—19.

¹⁵ Тамги поставили: 1 — Чезауча, 2 — Пытога, 3 — Тандур, 4 — Кабанр, 5—8 — есаул Таеша.

¹⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 40, лл. 243—244; стлб. 6093/49, лл. 153—154; стлб. 112, лл. 431—432; стлб. 136, лл. 342—344, 605; стлб. 286, лл. 11—13, 16—19; стлб. 136, л. 461.

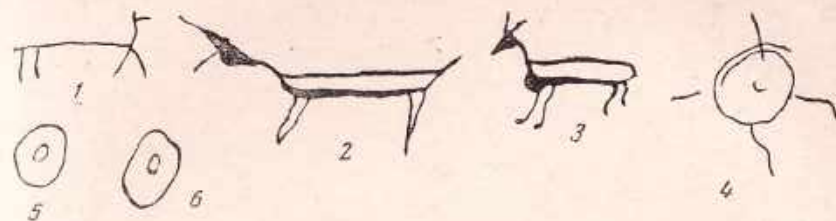

Таблица 89. Четвертая Парабельская волость

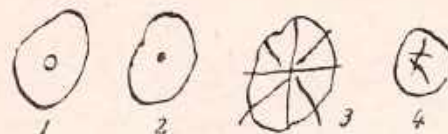

Таблица 90. Нарымский уезд. Знамена князцев:

1, 2 — Кыга (1647 г.); 3, 4 — Мачуга (1650 и 1661 гг.)

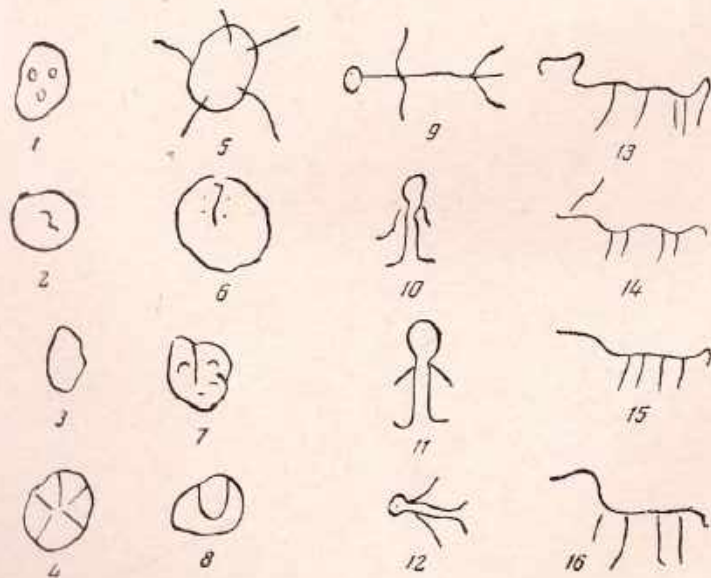

Таблица 91. Парабельские волости. 1647 г. Знамена есаулов

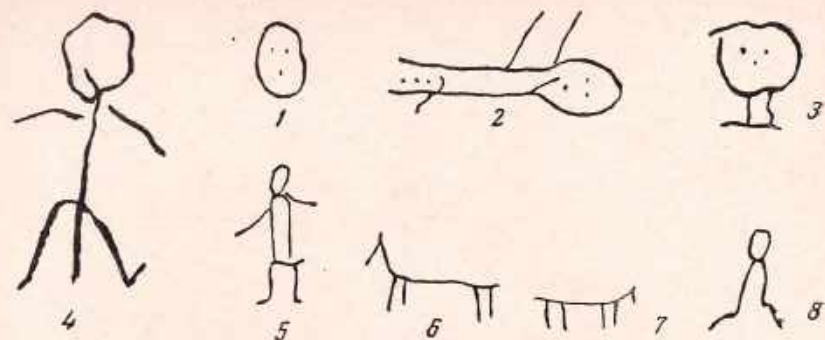

Таблица 92. Ларинская волость. Знамена князев:

1—4 — Теглей (1634, 1635, 1640 и 1644 г.); Тызи: 5 — 1646 г.; 6, 7 — 1647 г.; 8 — 1650 г.

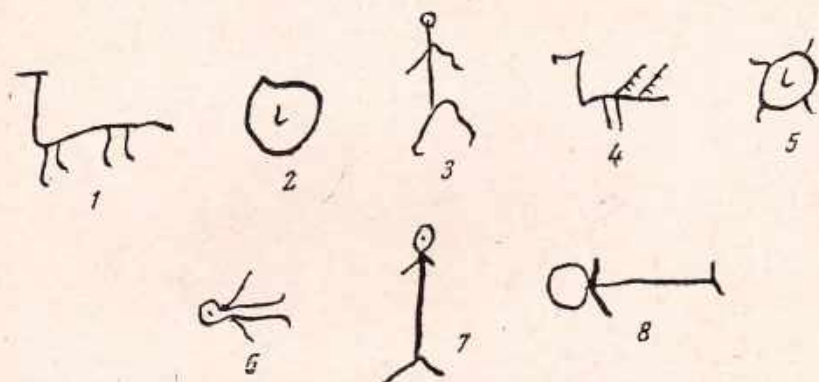

Таблица 93. Ларинская волость. Знамена рядовых остяков

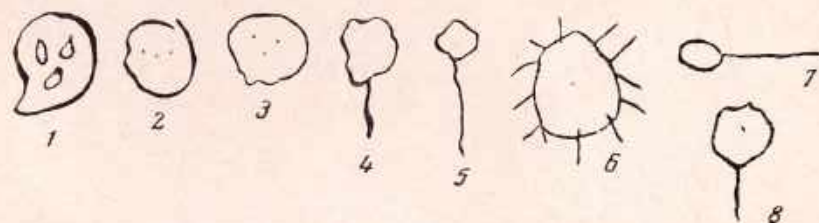

Таблица 94. Пиковская волость. Знамена князев:

1—3 — Сонгура (1634, 1635 и 1640 гг.); Санчи: 4, 5 — 1644 г.; 6 — 1646 г.; 7 — 1647 г.; 8 — 1655 г.

у березовских остяков, или «поварница» (33/1, 33/2) у бабасанцев (князец Санча). Помещенные в табл. 95¹⁷ знаки рядовых пиковцев¹⁸ совпадают в большинстве с тамгами селькупов Ларинской волости (см. табл. 93).

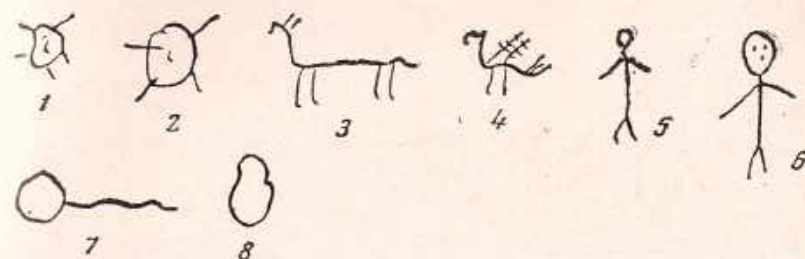

Таблица 95. Пиковская волость. Знамена рядовых остяков

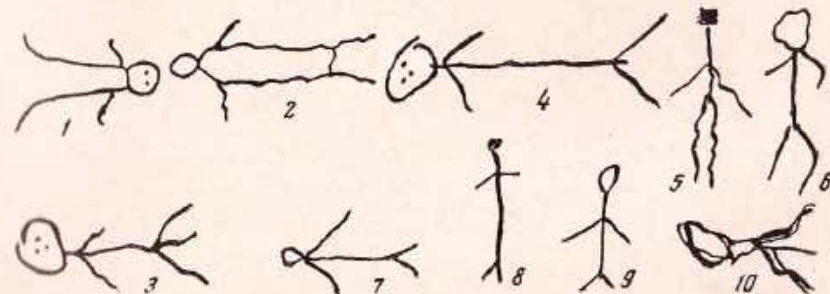

Таблица 96. Тогурская волость. Знамена князя Тоболды

От имени всех ясачных людей Тогурской волости до 1661 г. выступал князец Тоболда (табл. 96)¹⁹. За тридцать лет своего правления этот князец подписал более десяти документов одной

*

¹⁷ Там же, стлб. 286, лл. 16—19. Смысл декабря 1646 г.

¹⁸ 1 — Калова, 2 — Шырга, 3 — Кычига, 4 — Воч, 5 — Акдак, 6—8 — есаул Нача.

¹⁹ 1 — челобитная 1 сентября 1634 г. нарымских ясачных людей всех волостей об освобождении от ямской гоньбы (ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 40, лл. 243—244); 2 — челобитная 1 сентября 1635 г. об уменьшении ясака (там же, стлб. 6093/49, лл. 153—154); 3 — отписка нарымского исоуды Ивана Скобельщина о желании ясачных людей Чаинской и двух Чурубарских волостей платить ясак в Томск (там же, стлб. 6134/90, лл. 337—337 об.); 4 — челобитная об уменьшении размеров ясака от 22 сентября 1640 г. (там же, стлб. 112, лл. 431—432); 5 — челобитная от 20 июня 1644 г. (там же, стлб. 136, лл. 342—344); 6 — челобитная о злоупотреблениях служилых людей (там же, стлб. 136, л. 605); 7 —

и той же тамгой — изображением человека. Тоболда всегда рисовал человека полностью, нередко обозначая на лице глаза и нос.

Большая Чурубарская, Малая Чурубарская и Чаинская волости до 1639 г. входили в Нарымский уезд. В августе 1634 г. князцы этих волостей совместно с князцами остальных девяти волостей этого уезда подали челобитную об освобождении их волостей от ямской повинности в Сургут и Кетский острог²⁰. Князцы поставили свои знамена: Ягода (Большая Чурубарская волость) — круг с перекрещивающимися линиями внутри (97/1); Махтормаш (Малая Чурубарская волость) — соболя (?) (98/1); Тондоуш (Чаинская волость) — человека (99/1). Через пять лет, в августе 1639 г., селькупы этих волостей били челом царю о злоупотреблениях воевод²¹, а также подали челобитную нарымскому воеводе Ивану Скобелычю о разрешении им платить ясак в Томске²², мотивируя просьбу тем, что они живут и охотятся теперь ближе к Томску, чем к Нарыму. Скобелыч написал отписку о требовании «нарымских остяков», под которой подписался и князец Тогурской волости Тоболда. Просьба ясачных людей была удовлетворена, и с 1640 г. эти три волости входили в Томский уезд.

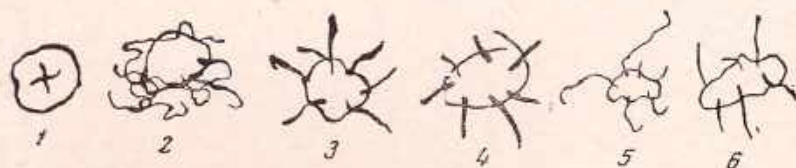

Таблица 97. Большая Чурубарская волость. Знамена князя Ягоды: 1 — 1634 г.; 2—4 — 1639 г.; 5, 6 — есаула Банартуша

На челобитных 1639 г. оставили свои знамена те же князцы и есаулы. Однако все они рисовали знак «солнце» (см. 97/2—97/4, 98/2—98/4, 99/2—99/4). Возникает вопрос: что заставило князцов вместо их прежних знамен писать общий знак и какое значение этому знаку придавалось. Бесспорно, что знак «солнце» не является родовой тамгой ни для одного из князцов. Эта тамга была взята князцами, когда они выступили вместе, т. е. в это время мог существовать союз родов или племен, преследующий общие цели.

✱

челобитная от 23 июня 1647 г. (там же, стлб. 286, лл. 5—7); 8 — челобитная 1647 г. (там же, лл. 11—13); 9 — челобитная июля 1650 г. (там же, стлб. 381, лл. 16—18); 10 — челобитная нарымских ясачных людей десяти волостей от 11 июля 1661 г. (там же, оп. 8, № 1713, лл. 4—6).

²⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 40, лл. 243—244.

²¹ Там же, стлб. 6134/90, лл. 243—246.

²² Там же, лл. 418—419.

Из объяснений приказных людей князцы знали, что им будет разрешено отойти к Томску, если челобитная будет удовлетворена. Поэтому они все и скрепили ее, по всей видимости, сакральным знаком «солнце», стремясь придать тем самым этой бумаге магический характер. В истории челобития чурубарских и чаинских селькупов ясно выступает культовое значение солярных знаков.

Таблица 98. Малая Чурубарская волость. Знамена князя Махтормаша: 1 — 1634 г.; 2—4 — 1639 г.

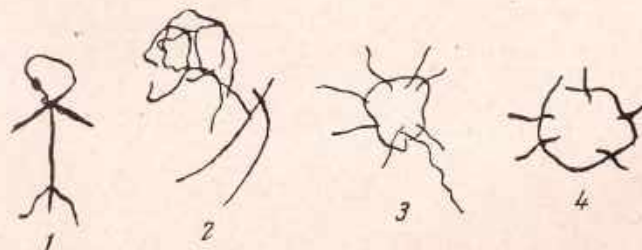

Таблица 99. Чаинская (Чаинская) волость. Знамена князя Тондоуша: 1 — 1634 г.; 2—4 — 1639 г.

Таким образом, исключая знаки населения Нарымского городка, знамена нарымских селькупов можно разделить по сюжетам на изображения священного дерева, солярные знаки, профильные изображения какой-то птицы, рисунки животного (вероятно, оленя) и изображения человека.

Священное дерево и знак «солнце», вне сомнений, являются культовыми символами. Солярные знаки распространены повсеместно, что отличает селькупские тамги от знамен других народов Сибири. Знаки священного дерева имеются только в Верхней и Нижней Подгородних волостях. Довольно примечательна манера рисунка этого знака.

Очень своеобразно изображали селькупы человека. В качестве прототипа всех рисунков можно выявить контурное изображение (не отрывая пера рисовалась одна нога, бок, шея, голова, другой бок, другая нога и затем пририсовывались руки). Нередко

намечались глаза и рот. В Ларпицкой и Пиковской волостях часто рисовали только лицо (см. табл. 92—94). Тамги в виде антропоморфных рисунков имелись только у охотских и некоторых других тунгусских родов (см. стр. 203). Изображение дерева как сакрального символа характерно для западных соседей селькупов. Распределение тамг по сюжетам в известной мере совпадает с этнографическими данными о разделении селькупов, собранными Г. Ф. Дебецом и Е. Д. Прокофьевой.

Преобладание в источниках княжеских тамг не позволяет выявить тотемов селькупских родов и уточнить родовой состав Нарымского уезда в XVII в. Очень мало сведений о селькупах, живущих по течению реки Кеть. Среди документов, имеющих знамена, есть только одна челобитная, поданная в 1640/41 г. селькупам Кетского острога об уменьшении размеров ясака (см. табл. 100)²³.

В челобитной ясачные люди названы остяками («Кецкого острога ясачные остяки»). По сведениям челобитной, «остяки» с реки Кеть вынуждены двигаться на восток из-за оскудения охотничьих угодий. Они промышляют здесь соболем, бобров, лис, шкурами которых выплачивают ясак (по 11 соболем). Охотятся преимущественно в Енисейском уезде «от домов своих недель по шти и по семи». В упомянутой челобитной выступают пять кетских волостей: Киргеева (князец Кошлок Киргеев, есаул Игьрмат Маркушев), Кашикина (князец Чиглей Ронсин, есаул Иван Интоидеев), Питкина (князец Ягода Панчин, есаул Савва Сановин), Иштапова (князец Кос Мастяев, есаул Сокей Конемеков), Лелкина (князец Инда Утаев, есаул Сонакей Паладеев) — всего десять князцов и есаулов. Однако на обороте челобитной имеется 20 знамен. Так как тамги не повторяются, то, следовательно, к челобитной, кроме перечисленных людей, приложили руки и рядовые селькупы. Здесь, в отличие от Нарымского уезда, имеются рисунки луков и полностью отсутствуют солярные символы.

Источников, содержащих знамена кетов Енисейского уезда, недостаточно для полного представления о тамгах этого народа в XVII в. Найдена только одна челобитная от 1684 г. ясачных людей Пумпукольской (Пумпокольской) и Натской (Надской) волостей, на обороте которой поставлено восемь тамг²⁴. Все кетские знаки изображают различные орудия: среди них два лука, лодка, весло, юрта, лопатка, стрела, крюк (см. табл. 101). Эти знаки значительно «моложе» рассмотренных выше тамг населения соседних уездов. Среди них нет ни одного изображения тотема.

Весьма редкими у других народов являются знаки «лодка» (встречен только на Белогорье, табл. 54) и «весло» (есть у турин-

*

²³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 112, л. 484.

²⁴ Там же, стлб. 249, л. 499 об.

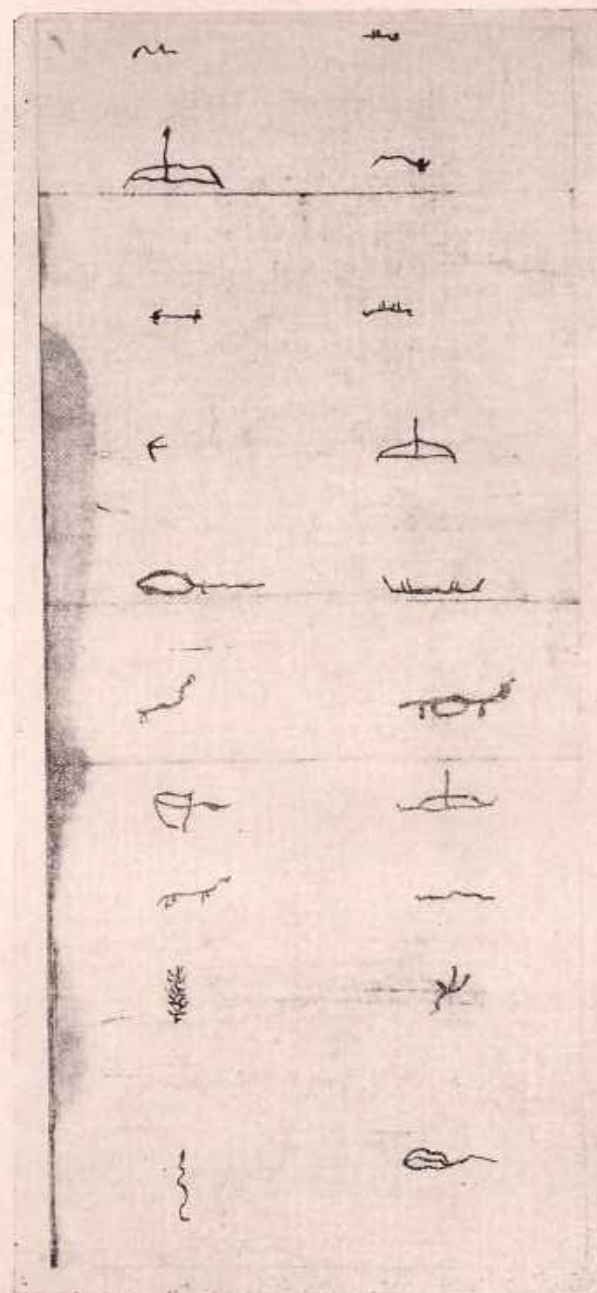

Таблица 100. Кетский уезд. Знамена селькупов

цев, 26/13). Совершенно самобытно знамя, означающее юрту, более ни у кого не встречающееся. Знак «лопатка» указывает, возможно, на знакомство ясачных людей Пумпукольской и Натской волостей с земледелием, хотя исторические источники говорят, что здесь занимались только охотой и рыболовством. Судя по рисунку, стрелы у кетов несколько напоминали стрелы качинцев и аринцев (см. табл. 102): они имели треугольное оперение и листовидный наконечник.

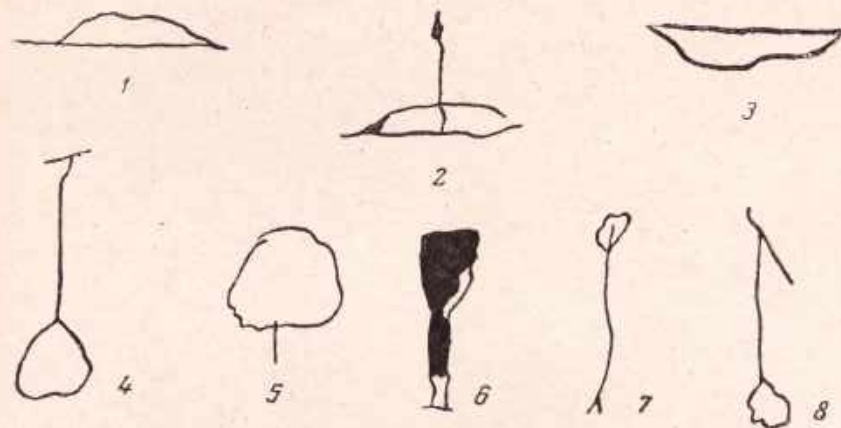

Таблица 101. Пумпукольская и Натская волости. Знамена кетов (енисейских остяков). 1684 г.:

1, 2 — лук; 3 — лодка; 4 — весло; 5 — юрта; 6 — лопатка; 7 — стрела; 8 — крюк

Знамена енисейских остяков представляют собой особую группу знаков. Они не связаны с родовыми тамгами, о чем говорит их многообразие. Вероятно, эти тамги играли роль семейных и личных юридических знаков.

Красноярский уезд отличался от остальных уездов Сибири по административному делению. Он состоял из «землиц», заселенных людьми разного этнического происхождения. При этом «землицы» не были стабильными объединениями, а составляли зачастую произвольные союзы племен и родов. Качинская и Аринская землицы являлись племенами. Кроме них, Красноярский уезд включал Яринскую и Кашинскую, Камасинскую и Капинскую, Канскую, Братскую (под Удинским острогом), Саянскую, Кайеатскую и Тубинскую землицы.

Знамена ясачных людей Качинской и Аринской землицы найдены только под тремя документами XVII в. Под челобитной 1648 г.²⁵

*

²⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 381, л. 26.

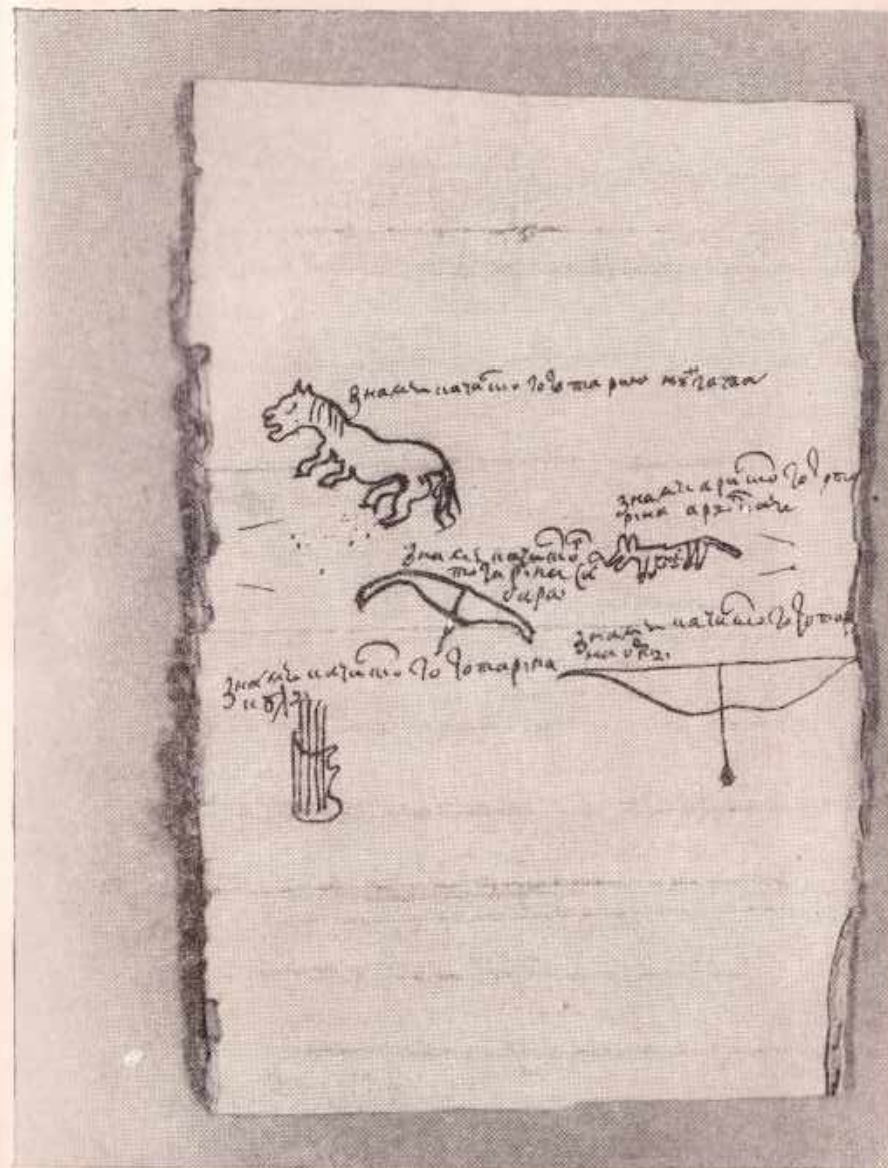

Таблица 102. Знамена качинцев и аринцев. Красноярский уезд. 1648 г.

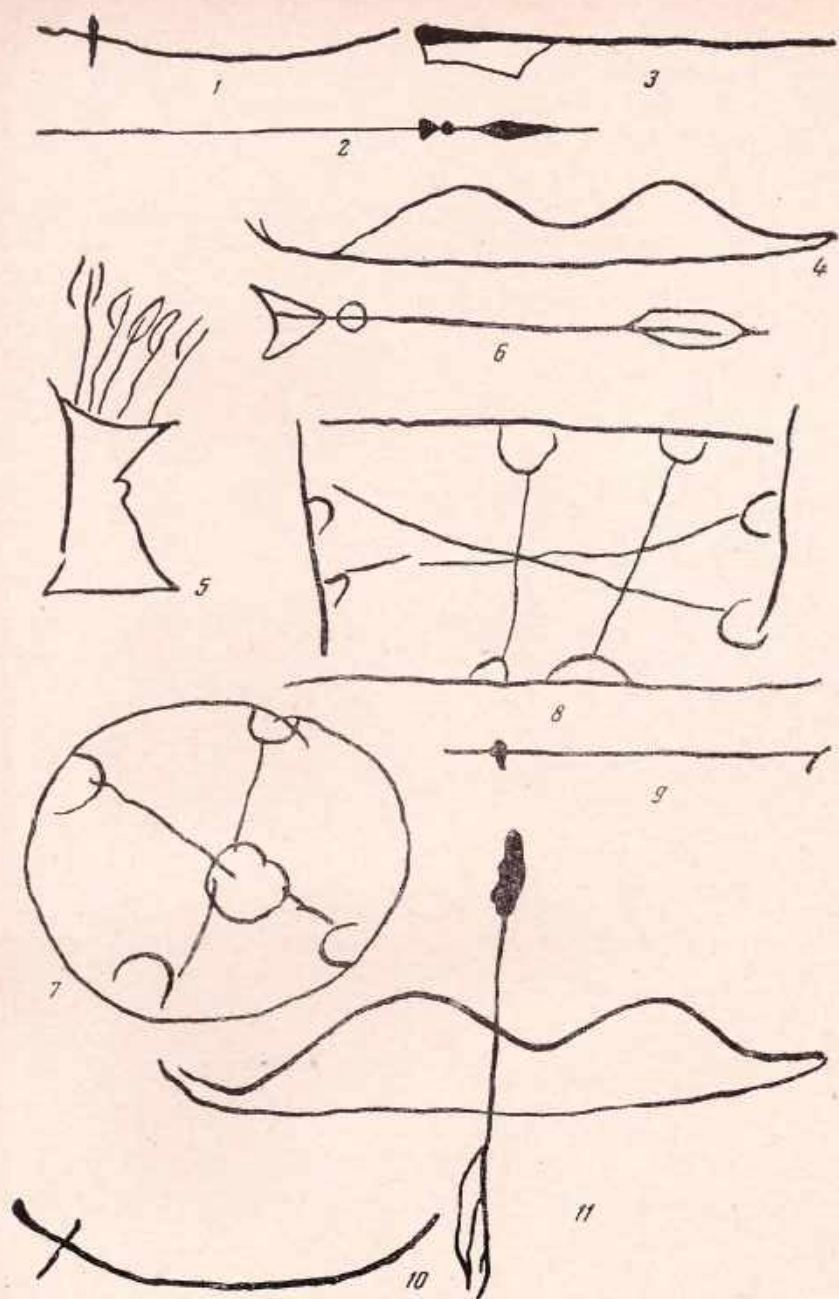

Таблица 103. Подгородные улусы. 1685 г. Улусные знамена

тамги поставили пять человек (табл. 102). Первым написал свое знамя «качинский татарин» Мунгат. Г. Ф. Миллер сообщает о нем довольно интересные факты. По его словам, во время осады Красноярска 10—14 августа 1634 г. киргизами красноярские ясачные люди стали переходить на сторону осаждавших. После отхода орды за перебежчиками был послан отряд из русских, качинцев и аринцев. На обратном пути они узнали, что качинец Мунгат замышляет заговор против русских. Его схватили и привезли в Красноярск. Мунгат вскоре бежал из-под стражи к киргизам. По его имени у качинцев был назван Мунгатков улус²⁶. Однако в челобитной 1648 г. Мунгат упоминается как «служилый татарин». Тамга Мунгата изображает лошадь. Рисунок чрезвычайно реалистичен. По манере изображения он напоминает рисунки лошадей на Сулейской писанице и седельных украшениях Копенского чаа-таса. Вероятно, этот знак был личной тамгой Мунгата, так как под более поздним документом представители всех качинских улусов поставили в качестве знамен только рисунки оружия.

Качинцы Орна и Санбир поставили под этой же челобитной луки. Форма луков такая же, как и у западных тюрок — они выгнуты посередине. Качинец Кула нарисовал колчан со стрелами. Форма колчана сохранилась и в рисунке 1685 г. у качинцев (табл. 103).

Под этой же челобитной знамя поставил аринец Арыпкай. Тамга его не названа писцом. Она изображает какое-то животное, скорее всего собаку. Этот рисунок чрезвычайно оригинален. Собака нарисована с открытой пастью, тщательно изображены соски.

В 1685 г. ясачные люди одиннадцати подгородных улусов подали челобитную, по которой каждый из представителей поставил свое знамя (табл. 103)²⁷.

Качинцы поставили пять тамг: саблю, копьё, рисунок, похожий на аркан на шесте, лук и колчан (103/4—103/5). Сабля имеет изогнутую форму. У копьё тщательно нарисован втульчатый наконечник. Рисунки прекрасно передают форму изображенных предметов. Все эти тамги были юридическими знаками глав улусов, но не самих «улусных людей»: среди перечисленных тамг нет рисунка лука со стрелой. Но в то же время рядовым качинцем была подана челобитная²⁸, где он поставил свою тамгу — выгнутый посередине лук со стрелой, положенной передним концом на тетиву. У стрелы треугольное оперение и листовидный наконечник.

Знаки 103/6—103/8 принадлежат аринцам. Одна из тамг — характерная по форме для качинцев и аринцев стрела, две другие — изображения боевых щитов. Рисунки щитов встречены толь-

*

²⁶ Миллер, 1941, т. II, стр. 61.

²⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 749, лл. 424—425.

²⁸ Там же, стлб. 479, лл. 471—472 об.

ко у аришцев и у барабинцев (табл. 32). Судя по знаменам, они имели круглую и прямоугольную форму. На рисунке очень четко передана конструкция ремней для ношения щитов.

Последние три тамги в табл. 103 написаны ястыльцами, присоединившимися к коллективной челобитной.

Приведенный материал свидетельствует о том, что и у кетоязычных аринцев и у тюркоязычных качинцев уже к середине XVII в. родовые тамги исчезли. Таких знаков, как у Мунгата и Арыпкая, и подобных им тамг, которые можно рассматривать как изображения тотемов, в 80-х годах среди знаков населения улусов Качинской и Аринской земель нет. Все знаки изображают оружие. Орудий труда среди тамг нет. Рисунки самобытны и свидетельствуют о высоком уровне графического искусства и довольно стойких традициях.

Вероятно, и качинцы и аринцы в рассматриваемое время употребляли в качестве юридических знаков только личные или семейные тамги. Улусных знаков типа туринских волостных здесь не было, о чем свидетельствует смена тамг Муңгата и главы его улуса, происшедшая за короткое время.

Знамена пустоозерских и березовских самоедов в XVII—XVIII вв. представляли собой знаки собственности, употребляемые ясачными людьми в качестве личных знаков. Происхождение этих знаков из-за отсутствия достаточного количества источников установить пока не удастся. В документах они именуются клеймами, оленьими метками, оленьими пятнами, таврами — словом, в названии прямо указывается, что они используются в качестве знаков, определяющих принадлежность какого-то имущества данному лицу. Употребление только таких знаков во всех случаях свидетельствует о развитых имущественных отношениях населения. У березовских и пустоозерских самоедов знаки собственности типа приводимых в табл. 104 знамен, видимо, сложились задолго до XVII в. По документальным материалам их можно проследить в XVI в. Пользуясь определением Д. Н. Соколова (см. стр. 13—14), можно почти в каждом случае выявить «основную тамгу», т. е. прототип в прошлом общего для всего рода знака.

Так, в Городовой книге по Новгороду 1702—1710 гг. имеется челобитная пустоозерской самоеды от 1702 г.²⁹ В челобитной от имени 61 ясачного человека Одейкова рода князец Лонда заявлял о злоупотреблениях воевод. На обороте челобитной он поставил свое «клеймо» (104/1).

В ясацкой росписи того же года³⁰ аналогичную тамгу оставил Елка Одейков — брат князца Лонды Одейкова (104/2).

*

²⁹ ЦГАДА, Городовые книги, № 156, Городовая книга по Новгороду 1702—1710 гг., л. 85.

³⁰ Там же, л. 88 об.

изъяс. С. М. Дзюна — Лодушского

[illegible]

Т а б л и ц а 104. Пустоозерские и березовские самоеды:

1, 2 — пустоозерские самоеды; Одейнов род; березовские самоеды; 3—26 — Карачейский род; 27—34 — род Сигулей; 35—44 — род Адеры; 45—60 — род Сабе и Яптики; 61 — Югчейский род; 62—65 — Ану-Карачейский род; 66 — род Выгги; 67—63 — род Авасида; 64—67 — род Парабы; 68, 69 — род Соппи и Япти; 70 — род Пяки; 71—74 — Обдорский род; 75—79 — Лоджуйский род; 80—89 — род Вавюты; 90—94 — род Соля-Вавюты; 95 — войкарские самоеды

Тамга Елки Одейкова несколько отличается от тамги его брата. В ясачной росписи он выступает как самостоятельное в хозяйственном отношении лицо. Из этого примера следует, что «основная тамга» Одейкова рода принадлежала князю Лонде, который, вероятно, по старшинству наследовал власть в роде. Его брат, имевший самостоятельное хозяйство, при разделе семей получил иной знак, образованный на основе родового прототипа.

У березовских самоедов знамена, видимо, имели то же назначение. Социальные отношения у них вряд ли сильно отличались от социальных отношений пустоозерской и мангазейской самоеды. В XVII в. существовала тесная связь всей самоеды по тундровой земле. Березовские самоеды ежегодно ходили на реку Таз в Мангазейский уезд промышлять «государев ясак». Затем они через Урал ездили под Пустоозерск и до Канниа. О наличии связей у самоедов говорят их выступления зимой 1662/63 г. одновременно в Пустоозерске и Обдорской волости, куда приезжали представители от самоедских родов к князю Ермаку Мамрукову с предложением совместно разгромить Березово и Мангазею, где находились сборщики ясака и русские промышленники³¹.

Тамги березовских самоедов встречаются под разными актовыми материалами. Больше всего их в ясачных книгах. Обычно при сдаче «мягкой рухляди» и подсчете недоимок ясачные самоеды «подписывали» соответствующие записи подъячих. Примером этому может служить ясачная книга 1695 г.³² Сбор ясака и опрос населения производился по родам. На первый взгляд, знамена березовских самоедов очень разнообразны, однако они все могут быть сведены к нескольким прототипам. Знаки самоедов Карачейского рода насчитывают только семь вариантов: первый — 104/3—104/5, второй — 104/6—104/8, третий — 104/9—104/13, четвертый — 104/14—104/16, пятый — 104/17—104/22, 104/26, шестой — 104/23, 104/24 и седьмой — 104/25. Аналогичный анализ можно провести по знаменам всех родов. Однако знаков, имеющих иные прототипы, чем тамги Карачейского рода, нет. Делать какие-либо определенные выводы на основании приведенного материала не представляется возможным. Можно лишь констатировать наличие семи типов знаков собственности у шестнадцати родов. Довольно легко выявить совершенно одинаковые знаки собственности у представителей разных родов. Так, используя нумерацию прототипов знамен Карачейского рода, можно распределить «основные тамги» следующим образом: первая встречается в родах Сабе и Яптики, Карачейском, Сопли и Япти, Лодокуйском и Ванюты; вторая — в Карачейском, Сигуней, Адери, Сабе и Яптики, Ану-Карачей-

ском, Вынги, Парабы, Сопли и Япти, Няки, Обдорском, Лодокуйском, Ванюты, Соль-Ванюты и у войкарских самоедов; третья — в Карачейском, Сигуней, Адери, Сабе и Яптики, Югучейском, Ану-Карачейском, Айвасида, Парабы, Обдорском, Лодокуйском, Ванюты и Соль-Ванюты; четвертая — в Карачейском и Адери; пятая — в Карачейском, Сигуней, Адери, Сабе и Яптики, Ану-Карачейском, Айвасида, Парабы, Обдорском, Лодокуйском, Ванюты и Соль-Ванюты; шестая — в Карачейском, Адери, Айвасида; седьмая — в Карачейском роде.

Сходство рассмотренных тамг, очевидно, не случайно. Вероятно, появление прототипов тамг березовских самоедов относится ко времени, когда существовало гораздо меньше родственных групп, чем в XVII в. (возможно, около семи).

Тамги иганасанов и энцев подробно описаны в специальной работе Б. О. Долгих³³. В этой статье рассмотрены знаки собственности мангазейских самоедов, подобные знаменам березовской и пустоозерской самоеды. Б. О. Долгих установил, что иганасаны и энцы до настоящего времени сохранили знаки, бытовавшие у них несколько столетий назад, и определил порядок наследования знамен, общий для всех самоедов, т. е. сохранение отцовской тамги старшим наследником и изменение «основной тамги» у остальных родственников при разделе семей. Автор показал, что в XVII в., несмотря на схематичность рисунков знаков, ясачные люди помнили их значение и иногда употребляли полные рисунки эмблем своих родов³⁴. По его мнению, это имело место во время переписи 1681 г. в Мангазейском уезде. Особенное внимание заслуживают знаки тазовских и туруханских князцов родов Мутгади, Селирта, Ючи и Асида (105/1)³⁵.

Самым ранним из известных пока знаков князцов лесных энцев является тамга Ледерея, датируемая около января 1648 г. Знамя Ледерея стоит на обороте первого листа челобитной самоедов Тазовского острога о злоупотреблениях воеводы князя Петра Михайловича Ухтомского («берет поминков много»). Никакой подписи у знамени не имеется. 11 ноября того же года во время сыска тобольского сына боярского Якова Иванова о торговле князец Ледерей «подписался» еще раз. О верхотазовском князце рода Мутгади Ледерее известно, что он был самым могущественным правителем у лесных энцев. Он имел хорошо вооруженную дружину и занимал наиболее видное место среди князцов. «В 1653 г., — сообщает С. В. Бахрушин, — ханты застали его на Соболиной реке, выше Мангазейского города, на соболиных промыслах, ночью в чуме убили его сонного, его брата Луконера,

★

³¹ Бахрушин, 1955, стр. 5—6.

³² ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1095, лл. 139—201.

★

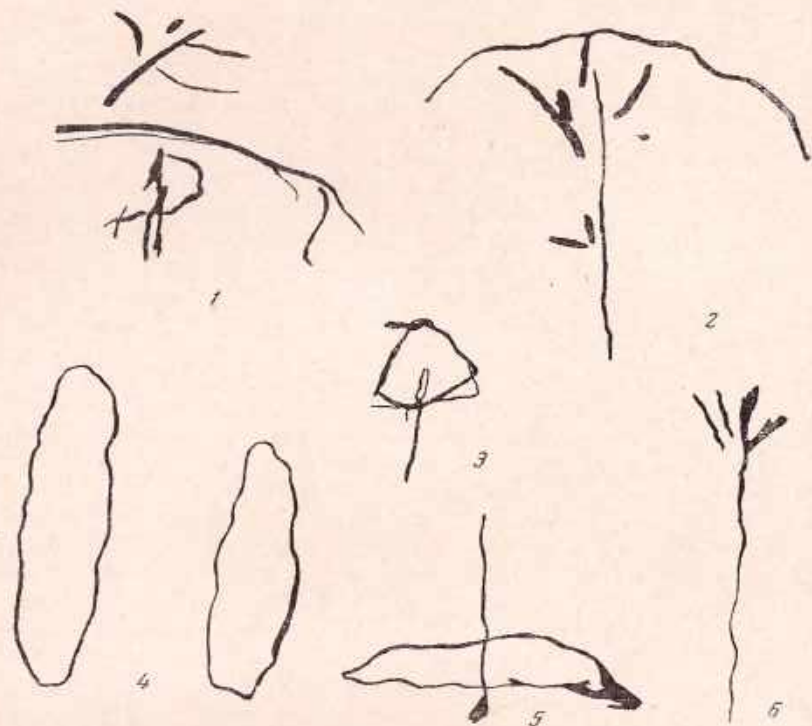
³³ Долгих, 1957.

³⁴ Там же, стр. 34.

³⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 303, л. 36.

четыре человек родовиков, двух детей мужского пола и двух женок и взяли в полон трех женок, трех девок и ребенка»³⁶.

Под сыском 11 ноября 1648 г. тамга князя Ледерея подписана как «знамя Мангезейского роду князя Ледерея в товаришней его место — рука». И первая и вторая тамги являются одним и тем же рисунком. Истолковать знаки князя рода Муггади можно

Т а б л и ц а 105. Тазовские и туруханские самоеды (лесные энцы):

1, 2 — знамя «рука» князя Ледерея (род Муггади); 3 — знамя «посох» князя Сурмы (род Селирта); 4 — знамя «лыжи» князя Дагура (Ючейский род); 5 — знамя «лук со стрелой» князя Кадуты (род Асида); 6 — знамя «рука» князя Сыртея (род Асида)

по-разному. Вне сомнения, этот знак не является родовой тамгой. Такой же знак поставил князец Сыртея рода Асида в то же время, что и Ледерей (105/6). Можно предположить, что оба князья предложение приказных людей «руку приложить» поняли буквально

*

³⁶ Бахрушин, 1955, стр. 9.

и изобразили ее на бумаге. Обычай в знак содеянного оставлять изображение собственной руки восходит к палеолиту и распространен повсеместно. Этот обычай бытует у многих народов и по сей день³⁷.

Возможно, что изображать руку в некоторых случаях было принято и у лесных энцев. Но если Сыртея просто нарисовал руку, то Ледерей нарисовал руку или что-то держащую, или до чего-то касающуюся, т. е. обе тамги по рисунку сложнее смысла высказанного выше предположения. К тому же остальные князцы поставили под тем же документом совсем другие знамена. Следовательно, объяснение знаков Ледерея и Сыртея тем, что они не поняли смысла акта удостоверения документа, будет неверным.

Тамга 105/3 князя Сурмы из рода Селирта названа посохом. Рисунок этого знака несколько неопределен.

Ючейский князец в качестве тамги нарисовал лыжи (105/4). Любопытно отметить, что в настоящее время, по сообщению Б.О. Долгих, потомки Ючейского рода не имеют лыж в употреблении и утверждают, что лыжи у них не употреблялись и ранее.

Рассмотренные знаки, как и тамга «лук» князя Кадуты из рода Асида (105/5), не связаны с родовыми тотемами энцев.

Знамена пустоозерских, березовских, тазовских и мангазейских самоедов довольно резко отличаются от тамг их соседей как по значению, так и по начертанию. Простых линейных знаков в XVII в. не употребляли ни обские угры, ни селькупы, ни народы Восточной Сибири. Характер тамг показывает, что у самоедов существовали более развитые имущественные отношения, чем у других народов Западной Сибири, и родовая структура была иной.

*

³⁷ Этот обычай особенно широко распространен у среднеазиатских горцев. Памирцы, например, ставят у крупных ирригационных сооружений камни с изображением кисти правой руки руководителя работ (замечательно вырезана надпись о Саиде Форрухшо и изображение его руки в кишлаке Поршнеев в Шугнане, много изображений рук на скалах у Лянгара, Номангута и в других местах).

ТАМГИ ОБСКИХ УГРОВ

*

В XVII в. изображения животных у остяков продолжали традиции, сложившиеся еще в усть-полуйское время. Усть-полуйская костяная скульптура, бронзовые усть-полуйские и более поздние литые предметы, зооморфные гравировки на различных вещах почти полностью тождественны по манере остяцким рисункам XVII в.

Реалистические изображения зверей и птиц постепенно сменились стилизованными рисунками. Видимо, уже с VIII в. (здесь предположительно берется за раннюю крайнюю дату кинтусовский период усть-полуйской культуры) начинают складываться графические шаблоны изображений. Эти своеобразные штампы не вытесняют, однако, изображений тех же объектов в реалистической манере. Это проявилось в гравированных рисунках, в массе появившихся в кинтусовский период и бытовавших приблизительно до XVI в. Бляхи и различные пластинки, покрытые гравировкой, были найдены в Истяцком кладе (по описанию Д. Н. Анучина, находился в 180 верстах от Тобольска и в 10 верстах от Истяцких юрт вблизи дороги на Омск) и в других местах, заселенных обскими уграми¹. Гравированные бляхи Истяцкого клада являются чрезвычайно интересным источником, по которому можно проследить эволюцию пиктографических изображений обских угров.

В XVII в. аналогичные вещи бытовали на Оби. Раскопки Обдорского могильника (С. И. Руденко) и остяцких захоронений XVI—XVII вв. у села Молчанова на Оби (А. П. Дульзон) дали некоторое количество вещей, подобных найденным на поселениях и в могильниках более ранних периодов². Среди находок в могильниках XVI—XVII вв. имеются подвески, щитковые перстни и другие вещи с изображениями, как на истяцких бляхах, но их немного. Вероятно, бронзовое литье и гравировка на меди в XVI—XVII вв. уже не существовали. Об отсутствии этих производств у обских угров говорят все источники XVII—XVIII вв. Г. Новицкий, на-

*

¹ Анучин, 1899.

² Руденко, 1914; Дульзон, 1955.

пример, особо оговаривает крайнюю примитивность изделий остяков и вогулов. Спафарий Мелеску также подчеркивает архаичный тип хозяйства обских угров и отсутствие какой-либо индустрии. В актовых источниках XVII в. имеются сведения о регулярных закупках остяками и вогулами железных заготовок и готовых изделий, которые они не покупали бы или покупали очень мало, если бы делали их сами. Поэтому будет правильным считать, что гравированные изображения на медных бляхах и пластинках относятся ко времени до XVI в.

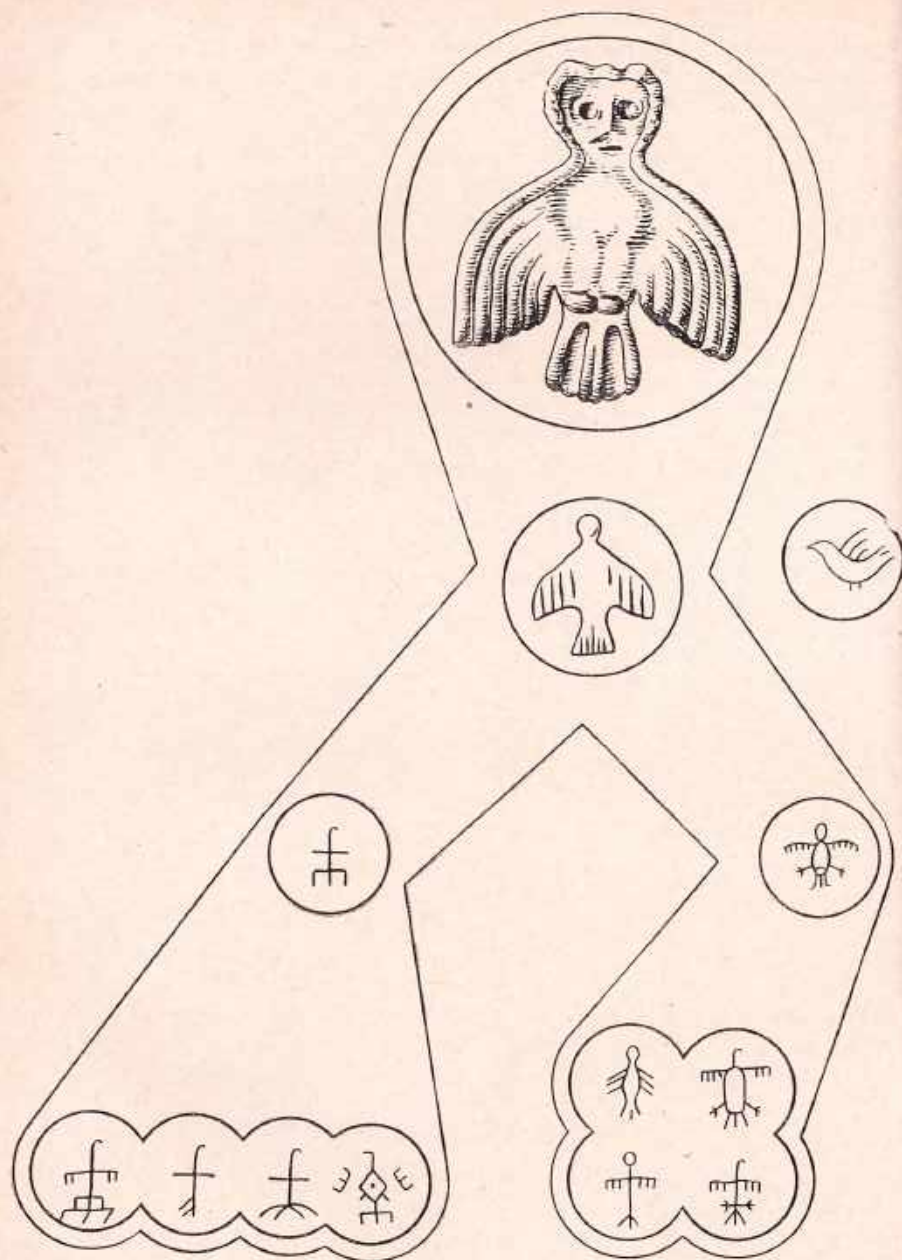
Д. Н. Анучин связывает изделия «приуральской чуди» в виде летящих птиц, т. е. птиц в геральдическом положении, с культом³. Это предположение, по-видимому, справедливо. Нижнеобская культура последних веков до нашей эры и первых столетий нашей эры характеризуется очень широким распространением подобных изображений (см. табл. 106). Изображения птицы с раскинутыми крыльями в полем литье и в гравировках часто имели антропоморфный характер.

В работах В. И. Мошинской и В. Н. Чернецова по археологии Нижнего Приобья и в названной работе Д. Н. Анучина помещено много изображений птиц с одной или несколькими антропоморфными личинами на груди или на нескольких головах. Все эти изображения, очевидно, являются культовыми аксессуарами. Именно эти изображения птиц в геральдическом положении послужили прототипами для пиктограмм обских угров XVII в.

В табл. 106 показан переход от усть-полуйского литого изображения птицы и того же изображения в гравировке к пиктограммам «дятел», «сизый» (воробей), «журавль», рисунку на татуировке начала XX в., пиктограммам «филин» и «орел» (см. табл. 106, нижний ряд слева направо). Здесь можно увидеть, что единый общий прототип к XVII в. стал крайне стилизованным. На медных пластинках и бляхах Истяцкого клада и других находках подобного типа встречаются только контурные изображения птицы с раскинутыми крыльями. В XVI в. появился линейный рисунок птицы (табл. 106, рисунок слева в третьем ряду). Такое изображение в документах обычно не имело конкретного наименования. Писцы и толмачи переводили остяцкое название знака как «птица», т. е. здесь фигурировало общее, неконкретное понятие. Этот знак служил основой для получения иных, конкретных в смысловом отношении пиктограмм. Конкретизация в каждом случае достигалась различными способами. Одновременно с линейным знаком «птица» в XVI — первой половине XVII в. употреблялись два знака — «орел» и «филин» — в виде контурных рисунков. К концу XVII — началу XVIII в. эти знаки также превратились в линейные (табл. 106, правая ветвь). Эти знаки более

*

³ Анучин, 1899, стр. 101.

Т а б л и ц а 106. Знаки птиц у обских угров

арханглы, чем «дятел», «журавль» и др. В материалах первой половины XVII в. они сохранились только у сургутских остяков, у которых отношения и быт, как будет видно далее, были более архаичными и претерпели в течение рассматриваемого времени меньшие изменения, чем у березовцев. Рисунок тетери, помещенный в табл. 106 справа, — единственный профильный рисунок птицы у обских угров. Аналогии ему можно найти и в археологических материалах. Вероятно, к этому же времени относятся профильные рисунки журавля в орнаментике березовских остяков. Об этом свидетельствуют этнографические материалы, собранные В. Н. Чернецовым. В рисунках знамен XVII в. журавль встречается в такой же «геральдической форме», что и изображения всех птиц, кроме тетери.

Почти все остальные пиктограммы также имеют прототипы в археологических материалах. Например, к XVI—XVII вв. сложились устойчивые изображения бобров и выдр. В гравировках угров они очень четко различаются по рисунку хвоста: у бобров в прорисовках на металле его изображали в виде заштрихованного круга, а у выдры — в виде черты.

К XVI в. у обских угров накопилось много смысловых знаков. Наиболее часто встречающиеся на протяжении XVI—XVII вв. знаки помещены в табл. 107.

Знак «земля» имеет такое же начертание, как и знаки, подобные по смыслу, у большинства народов. На скребках из Усть-Полуя с рисунком свастики — скобеля — иногда ставился такой же знак (см. табл. 61). Этот знак в сочетании со знаком «вода» имеется на нескольких скребках, совершенно подобных по форме описанным выше. Древность происхождения этого знака очевидна. То же самое можно сказать о знаке «вода», который, исходя из имеющихся данных, к XVII в. насчитывал по крайней мере тысячелетие.

Знаки «солнце» и «месяц» были несколько упрощены уже к XVIII в. Начиная с этого времени солнце изображалось в виде простого диска, а месяц — в виде сектора круга.

Человека обские угры, в отличие от других народов Сибири, изображали в крайне стилизованной, орнаментальной форме. Эта схематичность наметилась еще в оронтурское время⁴. Рисунки человека в XVII в. были контурными. В дальнейшем их сменили линейные изображения.

О происхождении сакральных знаков подробно говорилось выше (см. стр. 105—119). Следует отметить обозначение на письме абстрактных понятий специальными знаками. Например, знак «тотем», о котором говорилось в главе о знаменах остяков Березовского уезда, никак не отражает облика идолов. Это был особый знак, обозначающий общее, абстрактное понятие. Не совсем ясно

*

⁴ Чернецов, 1957, стр. 148.

	XVI B	XVII B	XVIII B	XIX B	XX B
1					
2					
3					
4					
5					
6					
7					
8					
9					
10					

	XVI B	XVII B	XVIII B	XIX B	XX B
21					
22					
23					
24					
25					
26					
27					
28					
29					
30					

11					
12					
13					
14					
15					
16					
17					
18					
19					
20					

31					
32					
33					
34					
35					
36					
37					
38					
39					
40					

Таблица 107. Смысловые знаки обских угров

значение знаков «дол», «аед», «яид», «ковдыс» и «костыль». Можно только констатировать, что они не связаны с изображениями животных, а означают, как и перечисленные выше, какие-то абстрактные понятия.

Примечательно, что у обских угров существовал специальный знак для обозначения самого акта письма. Знак изображался в виде трех вертикальных черт и расшифровывался толмачом как «писал».

Стрелу остяки изображали, как правило, с двухперым наконечником. Лук всегда рисовали со стрелой. К XX в. рисунок лука стал более схематичным. Вогулы рисовали его не отрывая пера в виде почти правильного круга, перечеркнутого по вертикали. Лодки угры изображали как горизонтально расположенный сектор. На затесах знак «лодка» имел вид горизонтальной длинной черты.

Весьма интересно происхождение знака «перна». В XVII в. его писали очень похоже на знак «птица». В начале нашего столетия С. И. Руденко нашел знак «перна» у остяков в виде орнаментального креста. Очевидно, в прошлом «перна» означала какую-то птицу.

Знаки «рыба», «олень» и «соболь» с XVI по XVII в. почти не изменились, они лишь несколько упростились. Знаки «росомаха», «белка», «бобр» и «ящерица» тоже почти не изменились.

Из табл. 107 видна исключительная стойкость изображаемых знаков. В XIX — XX вв. в охотничьих затесах и на документах фигурируют изображения, обнаруженные в XVI — XVII вв.

Обские угры в XVII в. знали не только простые, но и сложные знаки, возникшие в результате соединения различных пиктограмм или их элементов. Так, знак «дерево» фигурирует в пяти различных соединениях. В соединении со знаком «земля» (108/1) он приобретал, вероятно, какой-то культовый смысл. Соединение знаков «дерево» и «солнце» (108/2) также, вне сомнения, имело сакральный характер. Это же можно сказать о соединении знаков «дерево» и «лодка» (108/3). Разгадка значения таких сложных знаков будет найдена при дальнейшем изучении религиозных воззрений обских угров.

Чрезвычайно интересно происхождение знака «дятел». Для изображения дятла обские угры соединяли знаки «дерево» и «птица». Начертание знака «дятел» напоминает птицу, сидящую на дереве на хвосте (108/4). Связь аллегорического значения знака с действительностью здесь очевидна. Столь же любопытно происхождение сложного знака, состоящего из изображений оленя и дерева (108/5). Знак «дерево» означал священное дерево и «древо ель», как названо это знамя в документе. Известно, что под такими деревьями угры обычно приносили жертвы, в том числе и оленей. Синтез этих знаков позволяет истолковать сложный знак как «олень, принесенный в жертву». Этот знак был поставлен на следственных материалах сыска 30-х годов XVII в. Установить родо-

вую принадлежность автора этого знамени не удалось, так как не имеется приписки с его именем, что помогло бы отыскать изображение эмблемы его рода в других материалах. Истолковать появление такого знака под сыскими документами можно как дань обета сделать жертвоприношение по каким-то причинам.

Т а б л и ц а 108. Образование сложных знаков у обских угров. Соединение знаков:

1 — «дерево» и «земля»; 2 — «дерево» и «солнце»; 3 — «дерево» и «лодка»; 4 — «дятел» и «дерево»; 5 — «дерево» и «олень»; 6 — «шайтанская рожа» и «скобель»; 7 — усложненный знак «тетеря»

Угры знали и сложные сакральные знаки (108/6). Так, имеется несколько знамен ясачных людей Кодских городков и Белогорья, состоящих из соединения знаков «шайтанская рожа» и «скобель».

Березовские остиаки употребляли также усложненный знак тетери. Зная, что согласно верованиям обских угров «третья душа» имела вид тетери, можно предположить, что этот знак именно и изображает тетерю в таком значении.

Рассмотренные знаки обских угров имели назначение не только религиозное или декоративное. Рисунки остиаков и вогулов хорошо известны в науке благодаря работам С. И. Руденко, В. Н. Чернецова, Ф. Мартина⁵ и др. От знамен их отличает прежде всего реалистическая живописная манера. То же можно сказать и об орнаментике обских угров. Изображения, подобные знакам птиц, ни в орнаментике, ни в рисунках не встречаются, что подтверждает сказанное. Эти знаки возникли в результате эволюции первоначально реалистических изображений. К XVI—XVII вв. (возможно, и ранее) они перестали быть чисто декоративными и стали средством сообщения определенных понятий и событий.

Предысторической формой письма у всех народов считается мнемоническая форма. Обские угры употребляли счетные бирки, дожившие до XX в., множество охотничьих знаков, распространенных у народов Сибири таежной зоны, и другие способы сообщений. Широкое использование мнемонических средств не прекратилось с развитием письма. Одновременное существование мнемонической формы передачи информации и зародышевой формы письма имело место и у обских угров. Сообщение о направлении, куда ушел тот или иной человек, знаки собственности на жилище, орудиях и пр. и охотничьи знаки отличались от охотничьих затесов, где фиксировались какие-то события, от знаков принадлежности к определенному роду и сакральных знаков, употреблявшихся при культовых актах. Угорские знаки следует считать переходной формой от простейшего пиктографического письма к идеографическому.

Идеографическое письмо у большинства народов довольно быстро совершенствовалось. Это выражалось в том, что символы становились все более универсальными и условными, возникал звуковой эквивалент рисунка. Идеограмма на поздних ступенях развития означает не смысловое понятие, а только звуковой комплекс. Сочетанием таких символов обозначают слова — понятия. Символы обских угров включали некоторое число знаков, которые можно, безусловно, отнести к идеограммам. К ним следует причислить сакральные символы, нерасшифрованные знаки и сложные знаки типа «дятел». Остальные знаки являются пиктограммами в стадии, переходной к идеограммам. Следует отметить, что в разработке логической системы сообщения понятий обские угры опередили большинство народов Сибири.

*

⁵ Руденко, 1929; Чернецов, 1957; Martin, 1897.

Развитие письма прежде всего связано с общественными отношениями народов, их хозяйственным уровнем. Распространение угорских символов является прекрасным подтверждением этого положения. Березовские остиаки, типами общности которых были главным образом племена с менее архаичными отношениями, чем у сургутских хантов, имели в употреблении гораздо больше символов и более развитую их систему. Сфера применения письменных знаков у березовцев была шире, чем у ясачных людей Сургутского уезда. Система смысловых знаков у обских угров употреблялась для охотничьих сообщений, для оформления различных сделок и при религиозных действиях. Неизменность хозяйственного уклада угров в течение столетия была основной причиной замедленного развития письменности и способствовала длительному сохранению одних и тех же форм символов.

В настоящей работе приведены далеко не все символы, бытовавшие еще четыре сотни лет назад. Документальные материалы XIX в., например, содержат сведения об иных способах подписей, чем перечисленные здесь, возможно, бывших и ранее: ставился личный знак внутри схематичной родовой тамги, т. е. употреблялись суммарные символы, в сочетании обозначавшие данного человека из определенного рода. Возможно, что существовали документальные записи событий на каком-то материале, подобные охотничьим затесам, но не обнаруженные до сего времени. Словом, вопрос о символике обских угров и народов Сибири вообще требует дальнейшего изучения.

Профессор Ч. Лоукотка считает, что «по своей сущности письмо — это один из факторов, формирующих народ из разрозненных и распыленных племен»⁶. В отношении обских угров этот тезис имеет обратное значение. Этническая консолидация угорской народности на Оби была причиной того, что рассматриваемые символы развивались и сохранялись в течение весьма длительного времени. Характер их знаков крайне самобытен. У хантов трудно найти в XVII в. какие-либо знаки, заимствованные у соседних народов, в то время как у их соседей, например у тымцев и караковцев, имелись знаки, явно взятые у угров. Возможно, знамена селькупов Средней Оби тоже имеют связь с угорскими символами. Однако некоторые исследователи переоценивают угорское влияние на символику соседних народов. Например, С. А. Токарев считает, что якуты в XVII в. не употребляли тамг для оформления актов и что порядок рукоприкладства был введен у них по примеру остиаков и вогулов⁷. В действительности, как видно из предыдущего рассмотрения тамг народов Сибири и как будет показано далее,

*

⁶ Лоукотка, 1950, стр. 15.

⁷ Токарев, 1953, стр. 102.

угорское влияние было весьма ограниченным. Это позволяет в любых случаях выделить знаки обских угров из тамг других народов, отличных по смыслу.

Тамги обских угров и знаки, подобные им, встречаются на наскальных изображениях. Пока имеется очень мало сведений о наскальных изображениях Западной Сибири, и мы можем лишь констатировать наличие угорских символов на этих памятниках. Изучение их должно дать много сведений об истории народов Оби.

Рассматривая орнаментику ярасинского, карымского, оронтурского и кинтусовского этапов усть-полуйской культуры, В. Н. Чернецов писал: «На протяжении нескольких тысячелетий в орнаментации посуды в Нижнем Приобье можно наблюдать два параллельных приема: орнаментацию штампов и лепточный узор. Как уже приходилось писать раньше, фигурный штамп возникает в охотничьей среде, для которой он может считаться типичным: все фигуры, оттиснутые на бересте, имеют свои названия, показывающие, что узоры являются изображениями следов различных животных и птиц. Следы, оттиснутые на сосудах, очевидно, заменяли животных, скульптурные изображения которых находим на более ранней керамике Приобья. Такая замена по принципу „pars pro toto“ была совершенно естественна для охотников, постоянно наблюдающих следы зверей и птиц на снегу и на мягкой почве. Эти следы ассоциировались с самими животными. Штампованные узоры на керамике и на берестяных изделиях объединяются не только внешним формальным сходством, но и принципом нанесения — оттискиваниями изображения следа на мягкой глине или на достаточно податливой бересте, подобно тому как это происходит в природе. Оттиски следов заменяли собой животных — тотемных апотропеев»⁸.

В XVII в. среди тамг обских угров встречаются несколько раз так называемые звериные и птичьи лапы. Эти «лапы» суть не что иное, как те же изображения следов животных и птиц, о которых писал В. Н. Чернецов. В XVII в. эти изображения именовались «жеролина нога», «орловая лапа», «медвежья лапа» и пр. Имеются случаи, когда остяки указывали толмачам, что они изображают именно следы животного, а не часть его тела. Так, во время сыска 21 января 1641 г. в Сосвинской волости Березовского уезда служилыми людьми Ефимом Ларионовым, Григорием Третьяковым и Григорием Леонтьевым был опрошен ясачный остяк Илья Качегов⁹. Он приложил к своим «сказкам» тамгу, подписанную писцом: «Илья Качегов сын, знамя его — следы соболей» (109/2). Род Соболя в это время зафиксирован на Средней Оби в Сургутском уез-

*

⁸ Чернецов, 1957, стр. 238.

⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, слдб. 103, лл. 235—237 (тамга на склейке лл. 235 и 236).

де и на правом берегу Оби по течению Лямина (см. карту расселения хантыйских родов в XVII в., стр. 170). Ясачные люди, жившие на этой территории, рисовали всегда соболя полностью (109/1). Манера рисунка на протяжении некоторого времени несколько меняется. Если в XVII в. встречались в тамгах и контурные и линейные изображения, то в более позднее время, начиная с середины XVIII в., употреблялись главным образом линейные изображения, контурные встречались уже крайне редко. В Сосвинской же волости в XVII в. только две семьи относились к роду Соболя. По-видимому, это были выходцы с земель по среднему течению Оби.

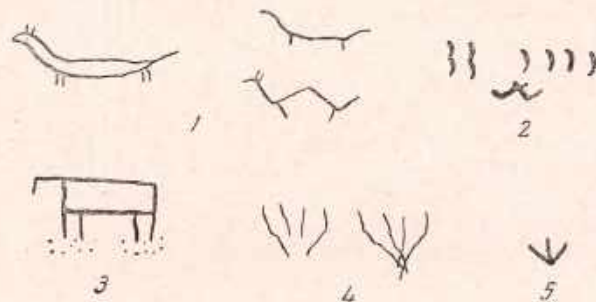
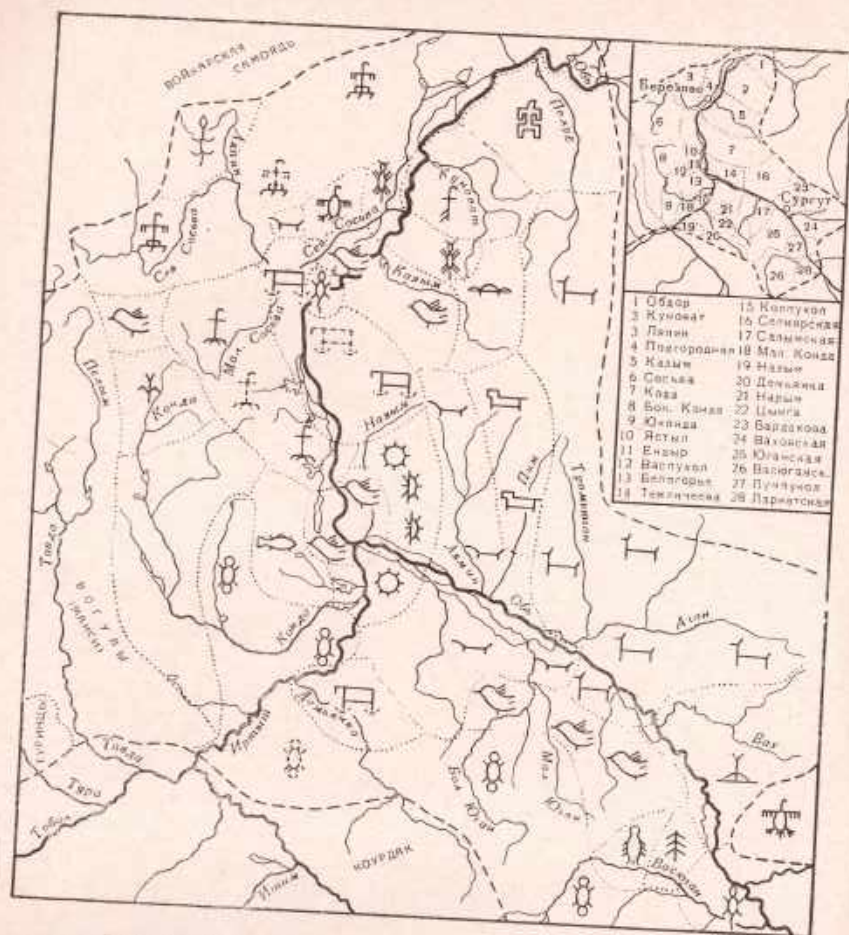

Таблица 109. Образование новых родовых знаков у отделившихся частей родов:

1 — соболя; 2 — следы соболей; 3 — медведь; 4 — медвежья лапа; 5 — птичья лапа

В этом аспекте тамга «следы соболей» может быть истолкована следующим образом: люди, которым она принадлежала, были оторваны от основного рода Соболя, т. е. они составляли уже периферийный род, окруженный инородной средой. «Следы соболей», следовательно, — тамга периферийного рода. Такая символика означала след, в лице этих людей оставленный тотемом-предком. Случай с тамгами остяков из рода Соболя далеко не единичен. Выше говорилось о тамге «медвежья лапа» периферийного рода Медведя из Нарымской волости Тобольского уезда (109/3, 109/4). Тамга «медвежья лапа» имеется также у одного из периферийных родов в Коде. То же самое можно сказать о тамгах типа «птичья лапа». Знак «орловая лапа» ставили ясачные люди Подгородней Березовской волости, выходцы из рода Орла на Тыме; знак «жеролина нога» принадлежал периферийному роду Журавля на Малой Сосьве. Вероятно, тамгу в виде следа зверя или птицы принимали те люди, которые отрывались от своего рода и переселялись на другое место. Для хантов в XVII в. это правило очевидно. Относительно аналогичных обычаев у вогулов того же времени прямых сведений пока не найдено. В. Н. Чернецов обнаружил у вогулов подобные тамги, например «лапу филина» —

Расселение хантыйских родов в XVII в.

тамгу рода Кукиных. Возникает существенный вопрос: являются ли эти тамги упрощенным изображением тотема основного рода, т. е. относятся ли их владельцы к коренному населению, или они являются пришельцами, например из Лумпуколья, где в XVII в. был основной угорский род Филина. На этот вопрос на основании рассмотренных источников ответить не удастся. В XVII в. погулы уже нигде не употребляли рисунков родовых эмблем, подобных остяцким. У хантов вплоть до XX в. сохранялись полные рисунки эмблем основных родов и тамги в виде следов животных и птиц для периферийных родов. Причем лучше всего сохранились обычаи употребления знамен у хантов, приписанных в XVII в. к Сургутскому уезду. В первых веках нашей эры, в послеустыно-луийское время, знаки в виде следов животных на вещах, описанные В. Н. Чернецовым, вероятно, имели то же смысловое значение, что и в более поздний период. Определение значения изображений и сопоставление данных с материалами XVII—XX вв. могли бы расширить имеющиеся сведения о расселении обских угров, складывании у них родовых групп, их передвижениях и пр.

Установление значения полных и символических тотемических изображений позволило приблизительно определить границы территорий наиболее крупных родов в XVII в. и состав племенных объединений на Оби.

Самыми большими у обских хантов были роды Оленя и Бобра. Род Оленя занимал значительную территорию на правом берегу Средней Оби и всю северо-восточную окраину Нижнего Приобья. Ядром этого рода было население Бардаковой волости. В XVII в., кроме Бардаковой, род Оленя заселял Тромъюганскую и Колик-Еганскую волости. Названные группировки ясачных людей на Тромъюгане и Колик-Егане получили административную самостоятельность только к началу XVIII в. Это были периферийные роды — части основного рода. Любопытно был разрешен здесь вопрос о родовой тамге. Население собственно Бардаковой волости употребляло архаичное контурное изображение оленя. В верховьях Агана ханты делали линейные рисунки, а тромъюганцы и колик-еганцы рисовали оленя в сильно стилизованной орнаментальной форме с разными изображениями рогов и ног. Таким образом, целиком сохраняя сюжет, ханты ввели только графические отличия тамг, характерные для каждой группировки. На востоке хантыйских земель род Оленя, вероятно, доходил до границы с тымцами и караконцами, т. е. занимал и северную часть Ваховской волости. В рассмотренных источниках нет прямых указаний на заселение бассейна Ваха родом Оленя. Однако это предположение кажется верным, так как известно, что представляли и ставили тамгу «лук» только жители устья Ваха. Среди тамг алачеевских служилых людей, ведущих свой род с Ваха, имеется несколько человек, ставивших в качестве тамги изображение оленя. Люди из рода Оленя встречаются в XVII в.

в Березовских волостях вплоть до Куноватской. Северной границей расселения этого рода следует считать южные земли Обдорского края. Часть земель левобережья была захвачена только в Юганской волости. Род Оленя на севере имел соседями селькупов-оленьеводов, а на юге — несколько хантыйских родов. Таким образом, ядро рода Оленя заселяло бассейны Агана и Тромъюгана. Здесь в XVII в. были более архаичные формы общности, чем в Нижнем Приобье. Объединения хантов представляли здесь родовые группировки: вокруг Сургута — наиболее старые, на Тромъюгане и Колик-Егане — возникшие на базе периферийных родов. Расселение хантов рода Оленя шло в двух направлениях. Наибольшая масса переселенцев двигалась на север, где объединилась в племенные группировки на Казыме и Куновати. Эта часть населения имела, вероятно, менее тесные связи с ядром рода, чем группа людей из рода Оленя, перешедшая на левый берег Оби и образовавшая там вместе с родом Тетери юганское племенное объединение.

Следующим по величине следует считать у хантов род Бобра. Он заселял обширную территорию в южной полосе хантыйских земель. На востоке земли рода Бобра начинались от междуречья Васюгана и Парабелы, захватывая верховья и среднее течение Васюгана. Далее эти земли включали верхнее течение Малого Югана, Большого Югана, левобережье Демьянки, южную окраину Белогорья, территорию Малой Конды и бассейн Юконды. Род Бобра делился на несколько самостоятельных объединений. Самым крупным из них была Васюганская волость, которая, по всем данным, в начале XVII в. занимала и верховья Малого Югана. К концу XVII — началу XVIII в. на Малом Югане возникло самостоятельное объединение — какой-то периферийный род Бобра. Также же группировки существовали в Малой Конде и Юконде. Любопытно отметить, что род Бобра подразделялся в основном на «чистые» объединения, без примеси людей из каких-либо иных родов. В течение довольно большого времени, т. е. с XVI по XVIII в. включительно, по документальным источникам не было обнаружено наличия достаточно большого числа людей из рода Бобра, входивших в племенные союзы хантов. Исключение с некоторой натяжкой составляют только ханты рода Бобра, жившие на Белогорье и юридически подчинявшиеся местной волостной администрации. Особое положение Белогорья делает это исключение весьма условным. Вероятно, люди рода Бобра, заселявшие окраину Белогорья, относились к этой волости номинально, будучи связаны теснейшим образом с единокордами на Конде. Границы расселения рода Бобра в XVII в. в общих чертах совпадают с территорией распространения изображений бобра на различных памятниках материальной культуры. Вещи типа «чуждских образков» с изображениями бобра встречены главным образом в западной половине земель рода Бобра. Возможно, часто находимые при раскопках

вещи с этими изображениями свидетельствуют о тотемическом культе. Следовательно, складывание рода Бобра в особую группировку следует отнести ко времени, предшествующему изготовлению вещей с изображениями бобра, т. е. приблизительно к началу XIV в.

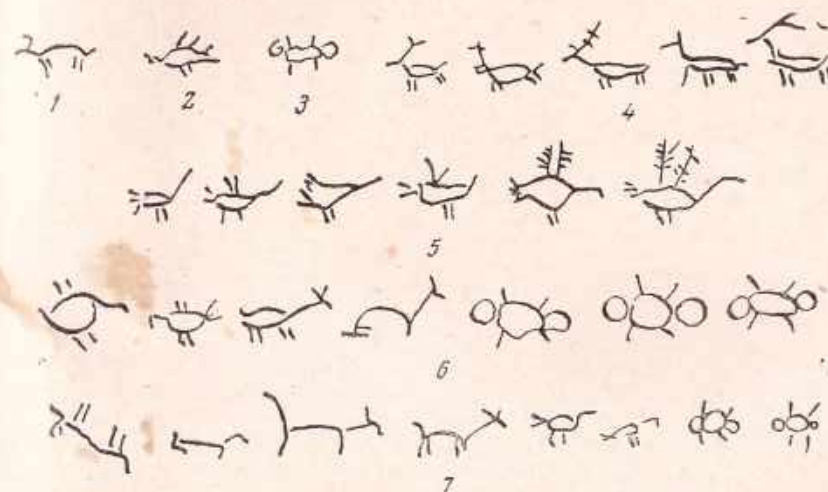

Таблица 110. Сургутский округ. Юганская народная управа:

1—5 — 1886 г. Знамена Игнифора Михайлова Чегаева, Мамонта Иванова Лянкина, Василия Егорова Княмина, Чалтомновых и Дякинских; 6 — 1901 г.; 7 — 1903 г.

Третьим по величине занимаемой территории был род Соболя. Основное ядро этого рода, видимо, расселялось на землях Салымской волости. На левом берегу Оби в XVII в. существовала большая родовая группировка, составлявшая целую волость, и периферийный род, входивший в Юганский племенной союз. Род Соболя на правом берегу Оби расселялся по течению Лямина. Вероятно, миграция людей из этого рода проходила с левого берега на правый, по Лямину. На правом берегу ханты рода Соболя входили в племенные союзы на Казыме, в Конде и в Селиярской волости. Люди из рода Соболя зафиксированы также на землях бассейна Сосьвы. Здесь, как уже было сказано, употреблялась тамга в виде следов зверя, т. е. это был знак людей, оторвавшихся от основного рода.

Сильно распылен был и род Тетери. Его ядро находилось на Лумпуколье и среднем течении Югана. Периферийные роды Тетери существовали в XVII в. в низовье Назыма и на севере Белогорья, на Казыме и Северной Сосьве и на юге Сосвинской волости, на границе с землями вогулов. Самостоятельная родовая группировка

составляла одну из Лумпукольских волостей. Остальные входили в племенные объединения на Югане, в Темличеевой, Белогорской, Сосвинской и Березовской Подгородней волостях.

Если родовая структура хантыйских объединений в Березовском уезде изменялась и впредь, то на восточных землях она оставалась прежней. Так, например, на Югане до начала XX в. существовали только три рода: Оленя, Тетери и Бобра. Характер тамг, их графика и назначение оставались теми же (табл. 110). Об этом говорят документы Юганской инородной управы. 18 декабря 1886 г. три представителя, видимо старшины, остяков с Югана подписали клятвенное обещание о приводе волостных людей к присяге¹⁰. Это были Никифор Михайлов Чегаев, Мамонт Иванов Лянкин и Василий Егоров Княмин. Они поставили тамги: оленя, тетерю и бобра (110/1—110/3). В том же году были подписаны остяками два приговора общественных сходов об утверждении административных должностей. В приговорах говорится о том, что Юганская управа насчитывает 232 ревизских души. Всего остяков на Югане 1031 человек¹¹. Под приговорами поставили тамги 113 человек: 94 — оленей, 12 — тетерей и 7 — бобров, 19 сентября 1886 г. семь человек Чалтоновых юрт подали прошение за своими «подписями» (110/4)¹². Несколько позже аналогичное прошение об отводе рыболовных угодий подали Лянкины, жившие в Новолянкиных юртах. Их тамги — тетери (110/5)¹³. «Подписи» юганских остяков за 1901—1903 гг. показывают, что родовая структура населения не изменялась. По-прежнему здесь было всего три рода (110/6, 110/7)¹⁴.

Каждая из Лумпукольских волостей представляла собой в XIII в. самостоятельный род. Об одном из них — роде Тетери — уже говорилось. Два других были родами Филина и Ели. В тамгах хантов других областей в XVII—XVIII вв. не встречались родовые эмблемы в виде тетери и ели. Возможно, что миграция людей из этих областей была ограниченной.

Род Выдры целиком занимал Ларяцкую волость. Небольшое число людей из рода Выдры жило на Сосьве. Они входили в Подгорную волость. Из этого рода происходили князья Алачевы. В документах XVII в. имеются тамги князев Дмитрия и Окташа Алачевых в виде выдры.

Род Лисицы был также самостоятельной группировкой и заселял бассейн Пима.

*

¹⁰ Тобольский областной архив, ф. 421, Юганская инородческая управа Сургутского округа, дело 43, л. 1.

¹¹ Там же, ф. 421, д. 43, л. 4.

¹² Там же, д. 45, л. 1.

¹³ Там же, д. 45, л. 2.

¹⁴ Там же, д. 239.

Белогорье было заселено представителями нескольких родов. Автохтонным родом здесь следует считать род Рыбы (?). Сюда же относилась часть людей из родов, имеющих эмблемами солнце и месяц. По всей видимости, Белогорье как административная единица оформилось значительно позже, чем родовые группировки на Средней Оби. Сюда вошли родственники хантов Темличеевой волости, жившие на левом берегу Оби, и периферийный род Тетери.

Род Журавля заселял обе стороны верхнего течения Малой Сосьвы и захватывал на востоке отрезок земель по Оби. Вероятно, ядро этого рода находилось на землях вокруг Оби и сохранилось в самостоятельных группировках в некоторых из Обских городков. Часть рода Журавля разделилась между Сосвинской волостью — племенем и Кодой.

Сосвинская волость состояла из многих родов. Из них известны только род Дятла, периферийный род Тетери, периферийный род Журавля и род Птицы (Перны). Автохтонными здесь являются, вне сомнения, роды Перны и Дятла. Вокруг них, по всей видимости, и оседали различные пришлые элементы. К XVII в. союз всех этих родов был юридически оформлен. Род Дятла начал расселяться с территории Сосвинской волости на север, в Обдорь. На Обдорских землях в XVII в. жил крупный периферийный род Дятла, который вместе с родом Человека (?) и несколькими другими составлял племенной союз. Происхождение рода Человека не совсем понятно. Скорее всего, люди из этого рода считали своим самым старым предком определенное лицо. Очевидно, что оформление этого рода относится к более позднему времени, чем время возникновения остальных хантыйских родов. То же можно сказать и о хантыйском племенном союзе в Обдорье. Таким образом, род Дятла селился только на левом берегу Оби.

На Ляпине автохтонным был род Ящерицы. Он явился стержнем, вокруг которого сгруппировалось остальное население. Этот род, судя по письменным источникам, входил только в Ляпинскую волость. В других волостях в XVII—XVIII вв. людей из этого рода не обнаружено.

На Казыме ту же роль играл род Росомахи. Кроме него в племенной союз входили периферийные роды Тетери, Соболя, Белки и Оленя.

Род Белки селился на правом берегу нижнего течения Казыма, в устье Сосьвы и несколько севернее, на левой стороне Нижней Оби. Он был разделен между двумя племенными группировками.

На Куновати автохтонным был род Сисык. Он занимал почти весь бассейн этой реки и входил в Куноватскую волость, восточную окраину которой занимал род Оленя и к которой относились несколько других периферийных родов.

Первоначальное местоположение рода Медведя установить трудно. Известно, что в XVII в. этот род заселял Нарымскую волость

и входил в некоторые Обские городки, Коду и Сосвинскую водость.

Заслуживает особого внимания периферийный род Орла, распыленный среди нескольких березовских хантыйских племен. Основной род Орла известен у тымцев и караконцев, т. е. у селькупов. В какой мере роды Орла в бассейне Тыма и в Нижнем Приобье связаны друг с другом, судить пока не представляется возможным.

Следует отметить, что предлагаемая карта расселения хантыйских родов весьма условна и далеко не исчерпывающа. На нее нанесены некоторые более мелкие роды. Так, например, известно, что Атлымские городки заселял род Утки. Изображения утки в материалах XVII в. весьма неопределенны. Установить прототип рисунка трудно. Известны также роды Лося, Лягушки, некоторых видов рыб, но не по документальным данным, а по этнографической литературе. Их территорию в XVII в. установить пока не удается. Довольно точно определяются земельные границы только у хантов Сургутского уезда. Всего на карту нанесены земли двадцати двух родов.

Даже если не принимать во внимание размещение родовых групп, то очевидна большая пестрота родового состава Березовского уезда. Сургутский же уезд представляется поделенным между несколькими родовыми группами. Это приводит к мысли, что березовские группы хантов образовались несколько позднее сургутских. Сургутские объединения представляются более архаичными, о чем говорит не только их общественный уклад, но и характер их знаков.

В рисунках сургутских остяков сохранились, например, изображения «линии жизни» — схемы внутренностей. «Линия жизни» рисовалась главным образом на профильных изображениях тетери и оленя (63/2, 63/3, 76/2, 76/3). Имеется она на изображениях животных и различных антропоморфных изображениях, начиная с усть-полуйского времени, например, на бронзовой фигуре из Крыма, относящейся к ярославскому этапу¹⁵, на блюде из «загородного сада» и на блюде из деревни Рублево около Сосвинского завода¹⁶. Аналогии в изображениях «линии жизни» имеются главным образом у полярных народов. В XVII в. обычай изображать «линию жизни» сохранился только в тамгах хантов среднего течения Оби. На тамгах северных хантов ее нет. Это указывает на большую архаичность жизненного уклада сургутских хантов, на стабильность их обычаев и культовых воззрений.

Таким образом, по социальному устройству хантов можно разделить на две группы, которые совпадают с фратриальным делением обских угров по В. Н. Чернецову.

*

¹⁵ Чернецов, 1957, рис. 2.

¹⁶ Там же, стр. 244.

Несмотря на некоторые общие черты, тамги остяков и вогулов резко различаются и по характеру сюжетов, и по назначению. Очевидно, вогулы в это время стояли на более высокой ступени общественного развития. Вогульское общество, по всей видимости, уже вступило в переходный период от родо-племенного строя к феодальному. Вогулы испытывали сильное тюркское и русское влияния, в то время как ханты, особенно сургутские, сохраняли архаические родовые отношения. Знамена вогулов имеют много тюркских заимствований. Этого нельзя сказать о тамгах остяков. Что касается их северных и восточных соседей — селькупов, то здесь можно говорить об угорском влиянии на знамена последних, а не наоборот. Тамги обских угров составляют особую группу знаков среди знамен народов Сибири. Они имеют более развитый характер, свидетельствуют о довольно высоком графическом искусстве, употреблении их гораздо шире, чем у других народов. Знамена обских угров — один из важнейших источников по истории населения значительной части Западной Сибири.

ТАМГИ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

*

Знамена юкагиров, тунгусов, бурят и якутов представляют собой совершенно не изученный источник. Материалов XVII в., содержащих тамги этих народов, значительно меньше, чем по Западной Сибири. Это объясняется, прежде всего, более поздним освоением восточных земель русскими. К XVII в. относится начало интенсивной колонизации Востока. Только к 20-м годам стала осваиваться территория Якутского уезда. В 1656 г. был образован Нерчинский уезд (в 1653 г. на территории уезда возник Иргенский острог и были объясачены нерчинские тунгусы). Иркутский уезд с 30—40-х годов входил в Енисейский уезд и стал самостоятельным только с 1682 г.

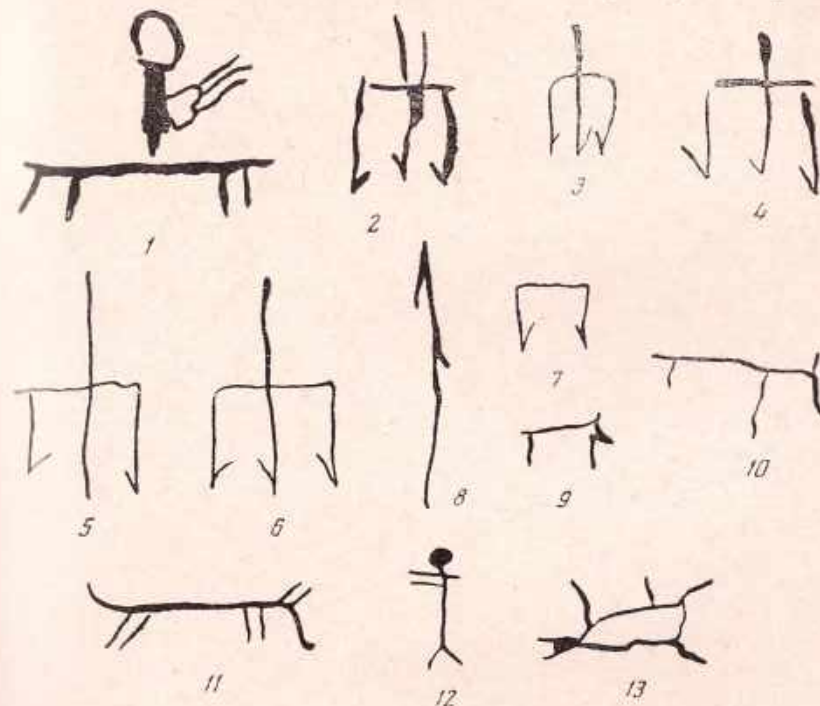
Русская администрация на восточных землях была знакома с обычаями и бытом коренного населения не так хорошо, как это было в Западной Сибири. Во вновь образованные уезды русская администрация вынесла свои знания о знаменах нерусских народов. Порядок юридического оформления документов здесь был введен тот же, что и в Западной Сибири. В ряде случаев русской администрации приходилось сталкиваться с недопониманием аборигенами значения акта рукоприкладства и т. п., из чего делались неправильные выводы об отсутствии у этих народов «знамян» или «тамог». Несмотря на нечеткость делопроизводства, все-таки накопились материалы со знаками коренного населения, но таких документов, как будет видно далее, немного. Эти знаки требуют более широкого исследования, для чего необходимо изучение материалов сибирских архивов. В настоящей работе делается только попытка рассмотреть и обобщить обнаруженный до настоящего времени материал.

ИРКУТСКИЙ УЕЗД. БАРГУЗИНСКИЙ ОСТРОГ.

Тунгусы

Лимагиры и баликагиры — самые крупные родовые группировки, приписанные в XVII в. к Баргузинскому острогу. И те и другие были «конными и скотными» людьми. В ясачных материа-

лах XVII и XVIII вв. лимагирские и баликагирские тамги не обнаружены. Знамена баргузинских тунгусов встречены в единичных документах. Тринадцать знаков поставлено под расспросными речами тунгусов перед казачьим головой Самойлом Александровичем Лисовским от 14 декабря 1673 г.¹ Эти «расспросные речи»

Т а б л и ц а 111. Баргузин. Тунгусы (лимагиры и баликагиры)

являются необычным документом. Лимагиры и баликагиры до этого, вероятно, были челом о переводе их для фискального сыска в Селенгинский острог, а Лисовский был послан к ним для разбора дела. Чтобы заверить официально «речи», он потребовал от тунгусов рукоприкладства — акта, не принятого при оформлении перенесенных и ясачных документов.

Тамга 111/1 была поставлена баликагирским шаманом. Изображение человека с бубном, вероятно, на лошади. Рисунок лошади несколько своеобразен. Тунгусы в XVII в. обычно рисовали оленей по контуру, с большими рогами, загигающимися вперед

¹ ЦГАДА, Иркутская приказная паба, оп. 1121/4, стлб. 2, л. 22.

и вниз. Следовало ожидать, что рисунок лошади также будет контурным. Здесь же нарисовано в упрощенной линейной манере животное без рогов, с короткими ушами. Так как названия тамг в документе не дано, остается догадываться, что это лошадь. Шаманская тамга резко отличается от всех остальных знаков: далее под «расспросными речами» было поставлено семь знамен, изображающих острогу (111/2—111/8). Пять первых трезубцев палеографически отличаются друг от друга. Знак 111/2 изображен со втулкой. Аналогичным по положению бородак на зубьях является трезубец 111/6. Однако он изображен с черенком. Все остальные трезубцы черенковые, но с разным положением бородак. Знак в виде остроги являлся, вероятно, родовой тамгой. При этом палеографически отличные знаки служили личной тамгой главы каждой семьи, входившей в данный род. Знаки 111/7 и 111/8 — двузубая острога и острога с одинарным наконечником — по всей вероятности, были тамгами отделившихся семей. Генетическая связь их с общеродовой тамгой здесь очевидна. Случаи изменения родовой тамги, подобные описанному, при разделе семей были широко распространены у сибирских народов. Сюжет тамги — орудие рыболовства, острога — в известной мере свидетельствует о занятиях ее владельцев в прошлом.

Тамги 111/9—111/11 — изображения лошадей, аналогичные рисунку на шаманском знамени; 111/12 — изображение человека. Знак 111/13 расшифровать не удалось.

Исключая шаманскую тамгу, все знамена 1673 г. можно разделить на две группы: остроги и лошади. В документе говорится, что расспрошены были тунгусы «Лимагирского и Балакагирского роду», что не оставляет сомнений о принадлежности тамг людям именно этих родов. Однако определить, к какому из родов принадлежал владелец той или иной тамги, не представляется возможным.

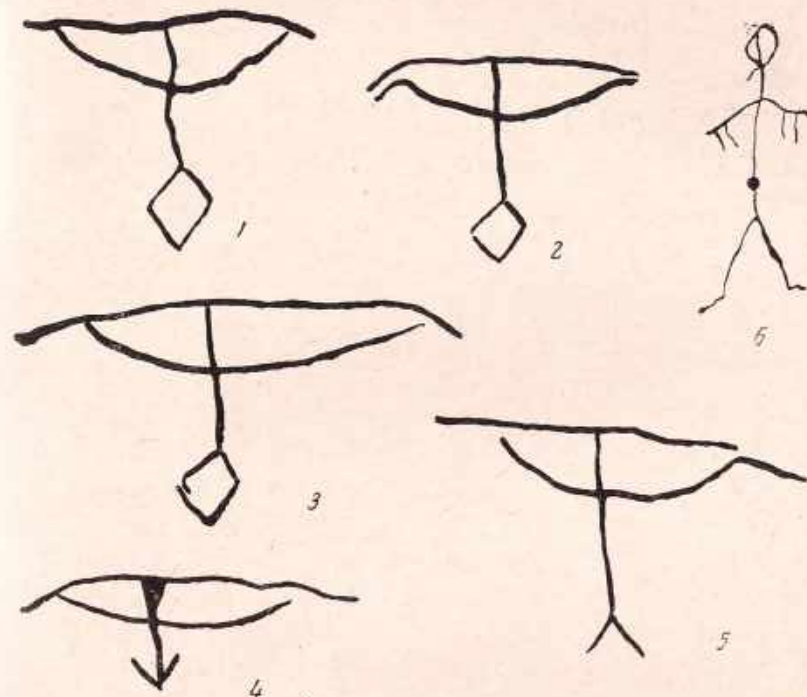
Киндигиры, чильчагиры и някугиры представлены тамгами, имеющимися под «расспросными речами» 1701 г.² Первые три рисунка лука, помещенные в табл. 112, написаны киндигирами. Об этом говорится в приписке к тамгам: «знамя тунгусов Киндигирского роду». Изображен прямой лук и стрела с ромбовидным четко выписанным наконечником. Чильчагиры также имели в качестве тамги рисунок лука со стрелой, однако наконечники у стрел были совсем иными, чем у киндигирских стрел (112/4, 112/5). Някугирская тамга (112/6) изображает человека. Рисунок сильно стилизован и отличается в деталях от всех известных изображений людей у других тунгусских родов. Род някугиров был бедным пешим родом. Выбор этого сюжета някугирами объясняется, вероятно, тем же, что и у охотских тунгусов, где тамгами оленных

*

² ЦГАДА, Иркутская приказная изба, оп. 1124/1, стлб. 278, лл. 102, 103.

людей были рисунки человека на олене, а пеших — луки и рисунки людей.

В июне 1672 г. были опрошены относительно перехода в Селенгинский острог баунтовские тунгусы³. Десять человек опрошенных ясачных людей оставили свои знамена. Среди тамг имеются

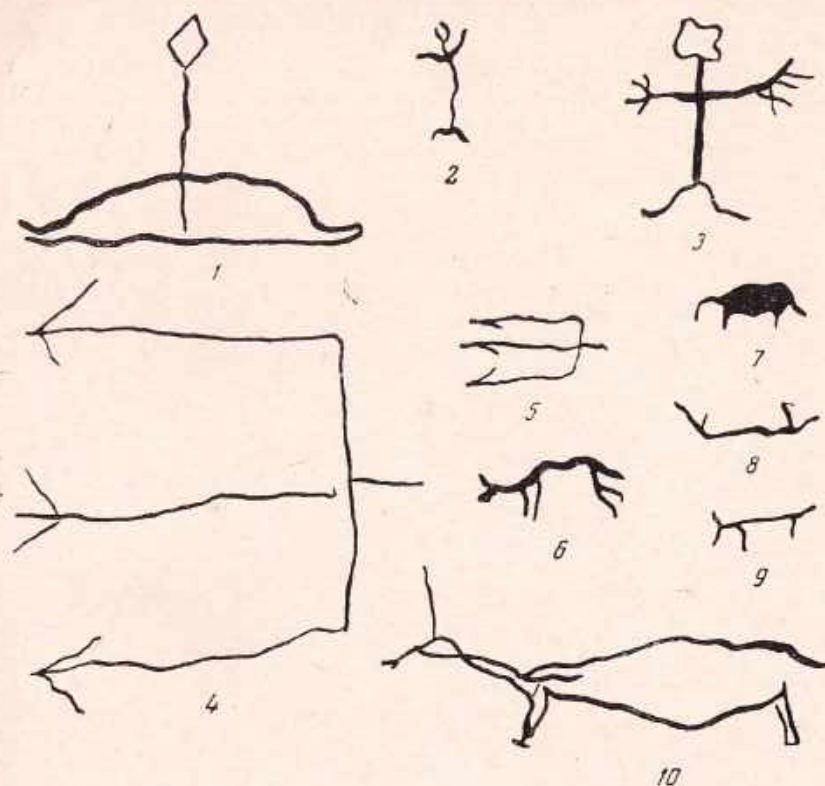

Т а б л и ц а 112. Баргузин. Тунгусы (киндигиры, чильчагиры, някугиры)

лук со стрелой киндигирского типа (113/1), рисунки людей (113/2, 113/3), остроги (113/4, 113/5) и лошади (113/6—113/9), как у лимагиров и балакагиров; контурный рисунок оленя (113/10). Наличие у баунтовцев тамг нескольких родов свидетельствует о том, что они не были родом. Очевидно, что это группировка, состоявшая из людей Лимагирского, Балакагирского, Киндигирского, Някугирского и других родов. Рассмотренные знамена полностью подтверждают вывод Б. О. Долгих об этнической принадлежности баунтовских тунгусов.

*

³ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, оп. 1124/1, стлб. 2, лл. 16—19.

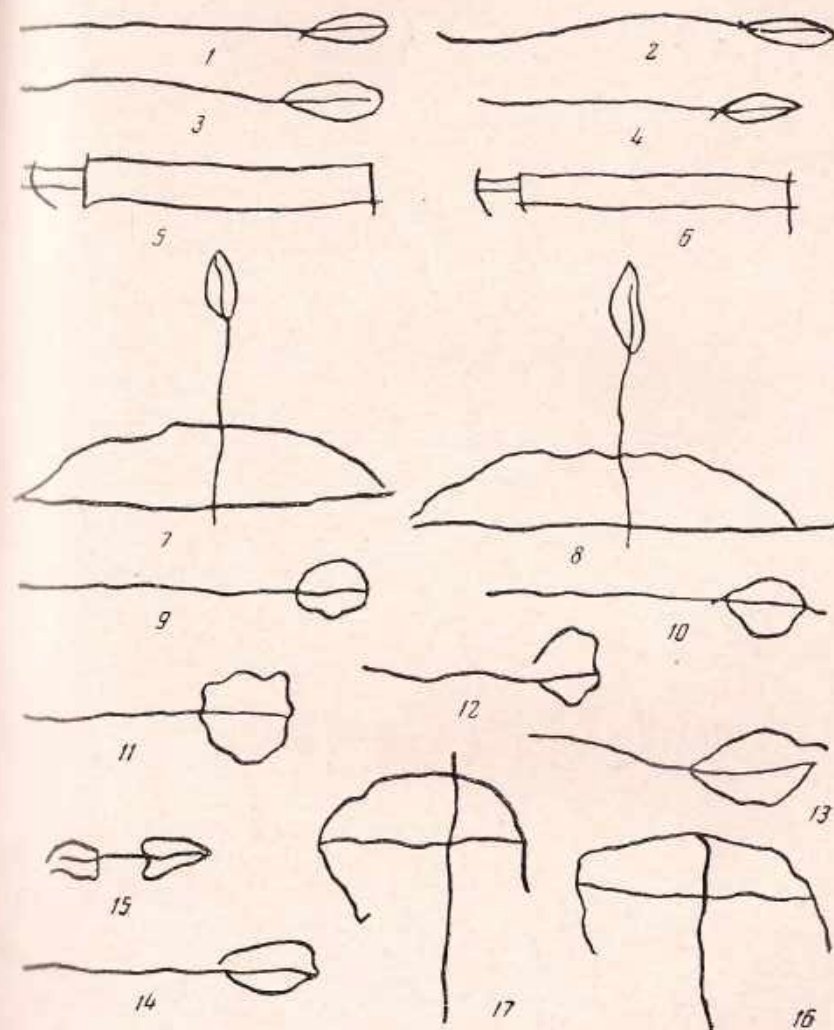
Т а б л и ц а 113. Баргузин. Тунгусы (лимагиры и баликагиры)

Обращает на себя внимание знак 113/3 — рисунок человека. Здесь очень тщательно изображены кисти рук. Подобных рисунков пока не найдено.

НЕРЧИНСКИЙ УЕЗД.

Хоринские буряты

Наряду с автохтонными тунгусскими родами, заселявшими Нерчинский уезд в XVII в., в документах упоминаются «нерчинские братские люди», т. е. хоринцы. В 60—70-х годах XVII в. численность хоринцев непрерывно возрастала, так как в это время началось возвращение хоринских бурят из Восточной Монголии

Т а б л и ц а 114. Тамги нерчинских братских людей (хоринцев)

в Россию⁴. Хоринцы расселялись на территории Нерчинского уезда.

Тамги хоринцев имеются под челобитными конца 90-х годов XVII в. и 1702 г. (табл. 114)⁵. Знамена не имеют никаких подписей. Это затрудняет определение родовой принадлежности их авторов. Хоринские знаки резко отличаются от тамг их соседей — тунгусов и других народов Сибири — как по манере, так и по сюжетам изображений. Рисунки хоринцев очень четки. Вероятно, хоринцам часто приходилось ставить тамги: все они написаны довольно твердой рукой. По сюжетам знамена можно разделить на три группы: стрелы (114/1—114/4, 114/9—114/15), ножи (114/5, 114/6), луки (114/7, 114/8, 114/16, 114/17). Наконечники у стрел ребристые, листовидной формы. Луки прямые, изображаются они со стрелами, имеющими наконечники или без наконечников. Особый интерес представляют рисунки ножей. Они нарисованы в ножнах, имеющих форму вытянутого прямоугольника. Эти знамена позволяют достаточно отчетливо представить форму хоринских ножей XVII в. Таких тамг у других народов Сибири не встречено. Эти знаки могут служить признаком хоринских бурят.

ЯКУТСКИЙ УЕЗД.

Якуты

Якуты в XVII в. заселяли огромную территорию и по административному делению входили в Кангаласскую, Батурусскую, Катилинскую, Нюрюптейскую, Мегильскую, Бетунскую, Намскую, Борогонскую, Чумецкую, Атамайскую, Сылянскую, Дубчинскую, Скороульскую, Емколевскую, Бояназейскую, Катырьскую, Накарскую, Подгороднюю, Модуцкую, Уснецкую, Чириптейскую, Батулинскую, Малягарскую, Одейскую, Бордонскую, Гурменскую, Яркалевскую, Магасскую, Одугейскую, Баягантайскую, Игидейскую, Одайскую и Чечуйскую волости.

Д. А. Кочнев, исследовавший общественное устройство якутов в конце XIX в., писал: «К сожалению, у якутов не найдены такие тамги с постепенными изменениями, по которым можно бы угадать постепенное дробление родов. Мне лично самому приходилось видеть тамги, ... но из них трудно что-либо вывести, потому, что их слишком мало. В настоящее время у якутов тамгами начинают служить инициалы имени и фамилии. Это уже русское влияние»⁶.

✱

⁴ История хоринских бурят описана в работе С. А. Токарева «Расселение бурятских племен в XVII в.» (Токарев, 1939).

⁵ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, оп. 1121/1, табл. 278, лл. 23, 55.

⁶ Кочнев, 1899, стр. 62—63.

Д. А. Кочнев, несомненно, столкнулся со знаками собственности или, как их называли у якутов в XVII в., «конскими пятнами». К концу XIX в. у якутов сохранились только эти знаки. В XVII в. они употребляли в качестве личных знаков другие тамги. По назначению знамена якутов в XVII в. можно разделить на две группы: тамги шаманов и тамги рядовых ясачных людей. Шаманской тамгой у якутов так же, как и у коренных народов Средней и Восточной Сибири, был рисунок шаманского бубна. Графически он изображался в виде диска, перечеркнутого крест-накрест.

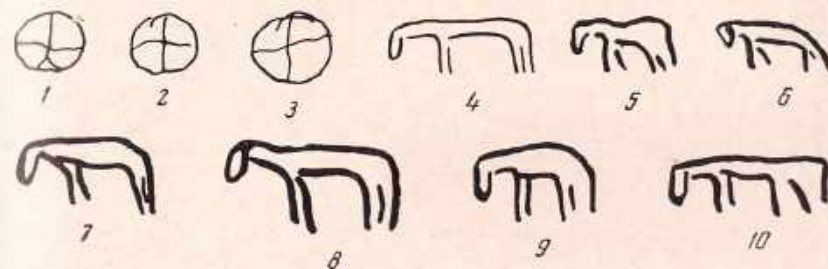

Таблица 115. Якутский уезд

В табл. 115 первые три знака принадлежат шаманам. Знак 115/1 поставлен под «расспросными речами» в судебном деле шаманом Мегильской волости Селкаем в 1679 г.⁷ В этом же году шаман Бутурусской волости Токой поставил под допросом точно такую же тамгу (115/2)⁸. И, наконец, знамя 115/3 аналогичной формы было поставлено в качестве личной тамги шаманом Дейтаком из Накарской волости. Документ, под которым стоит этот знак, относится к 70-м годам. Таким образом, все эти тамги принадлежат людям из разных родов и означают одно понятие, которое можно расшифровать как «шаман». Этот знак был, по всей вероятности, заимствован якутами у соседних народов.

Относительно знамен рядовых якутов в литературе не существует общего мнения. С. А. Токарев считает, что знамена угорского типа у якутов не бытовали и что обычай ставить их в подтверждение какого-нибудь акта был внесен сюда русскими приказными людьми⁹.

Ввиду слабой изученности этого вопроса и узости его источниковедческой базы делать определенные выводы представляется

✱

⁷ ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 1, табл. 128, л. 145 об.

⁸ Там же, л. 171 об.

⁹ Токарев, 1953, стр. 101—102.

преждевременным. Однако следует обратить внимание на ряд весьма примечательных фактов. По сюжетам большинство знаков якутов в XVII в. представляли собой рисунки лошадей и луков. Известно, что у тунгусов тамги в виде луков принадлежали пешим охотникам, а тамги в виде лошадей и луков ставили люди, имевшие определенный тип хозяйства.

В каждой волости существовали «штампы» в рисунках лошадей. Нередко в одной волости можно выявить несколько прототипов рисунков.

Такие шаблоны можно проследить по знакам якутов Батулинской волости (115/4—115/10). С 16 по 27 февраля 1675 г. в этой волости велось следствие, в котором приняли участие шесть человек¹⁰. Каждый из них в разные дни подписал по шесть-семь документов. Всего в этом судебном деле имеется 41 тамга. В табл. 115 отобраны наиболее отличающиеся друг от друга графически рисунки. Но и при этом видна общая манера изображений. Легко выявить прототип, общий для всех тамг (115/4). Чтобы сложился такой штамп, требовалось, естественно, достаточно долгое время и частое употребление знаков. Этот факт также весьма знаменателен.

Аналогичный вывод можно сделать относительно знамен якутов других волостей. В табл. 116 помещены тамги ясачных людей Атамайской волости 1665 г.¹¹; Батулинской волости около 1660 г.¹²; Батурусской волости¹³; Баягантайской волости 1670-х годов¹⁴; Бетунской волости 1697 г.¹⁵; Борогонской волости 1670 г.¹⁶; Ярканской волости 1660 г.¹⁷; Мегинской волости 1663—1664 гг.¹⁸; Модуцкой волости¹⁹; Намской волости 1665 г.²⁰; Нюрютейской волости 1622 г.²¹; Оленного зимовья 1697 г.²²; Успенской волости 1673 г.²³; Устюцкой волости около 1660 г.²⁴; Чиринтейской волости 1673 г.²⁵.

Интересен рисунок, изображающий лошадь, который сделал якут Батулинской волости (116/4). Лошадь изображена с полным

*

¹⁰ ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 1, стлб. 132

¹¹ Там же, стлб. 12, л. 203.

¹² Там же, л. 116; оп. 3, стлб. 2, л. 1.

¹³ Там же, стлб. 12, л. 139.

¹⁴ Там же, лл. 134, 297.

¹⁵ Там же, стлб. 16, л. 90.

¹⁶ Там же, стлб. 12, л. 134.

¹⁷ Там же, л. 206.

¹⁸ Там же, лл. 147—148 об., 159 об.

¹⁹ Там же, л. 227.

²⁰ Там же, л. 172.

²¹ Там же, оп. 1, стлб. 32, л. 47.

²² Там же, стлб. 16, л. 70.

²³ Там же, стлб. 32, л. 36.

²⁴ Там же, стлб. 12, л. 216.

²⁵ Там же, стлб. 32, л. 28.

седельным набором и уздечкой. Седло имеет высокие переднюю и заднюю луки и стремяна.

Якуты Намской волости в качестве знамен нарисовали копье и колчан со стрелами (116/22, 116/24). Рисунок хорошо передает форму колчана.

В таблице также помещены изображения избы (116/5) и нарт (116/31, 116/32). Имеются и шаманские тамги (116/33, 116/34, 116/37).

Подавляющее большинство знамен рядовых якутов находится в материалах XVII — первой половины XVIII в. Во второй половине XVIII в. в порядок представительства при различных мероприятиях были внесены изменения. Рядовых якутов реже стали привлекать к сыскам и различным следствиям. От имени целых административных единиц выступали только должностные лица — князья и сотники. Порядок рукоприкладства также изменился. Князьям были выданы печати с изображением дерева, соболя на нем и охотника с луком (табл. 117)²⁶. По краю печати было вырезано название волости. Таким образом, княжеские тамги, т. е. знаки глав наиболее крупных родов, в документах перестали фигурировать. Печати получили и старшины. Образцы этих печатей приведены под копией аттестата коллежского советника Левина²⁷. Сотничьей тамгой стал лук. К этому времени рисунок лука приобрел сильно стилизованную форму. Его рисовали в виде двух горизонтальных параллельных черт, перечеркнутых третьей.

Юкагиры

Юкагиры, платившие налоги не в самом Якутском остроге, а в зимовьях, числились по Янскому Нижнему, Индигирскому Нижнему, Верхнему и Среднему, Алазейскому, трем Колымским и Анадырскому зимовьям. Как и у всех народов Восточной Сибири, кроме якутов, обыски ясачных людей здесь имели иной характер, чем в Западной Сибири. Дозоры с целью переписи плательщиков ясака устраивались очень редко. Обычно перед очередным сбором «мягкой рухляди» со старых переписных ясачных книг снималась точная копия. В тех местах, где вписывалось количество мехов, оставались пропуски. При сборе ясака пропуски заполнялись и делались пометки о новопробытых и выбывших ясачных людях. Во время следующего ясачного сбора учитывались эти пометы. У юкагиров «во всех товарищеских своих местах» обычно выступали только главы родов и семей. Русская

*

²⁶ ЦГАДА, Государственный архив, VII разряд, д. 3704, ч. 17, лл. 322 об.—323.

²⁷ Там же.

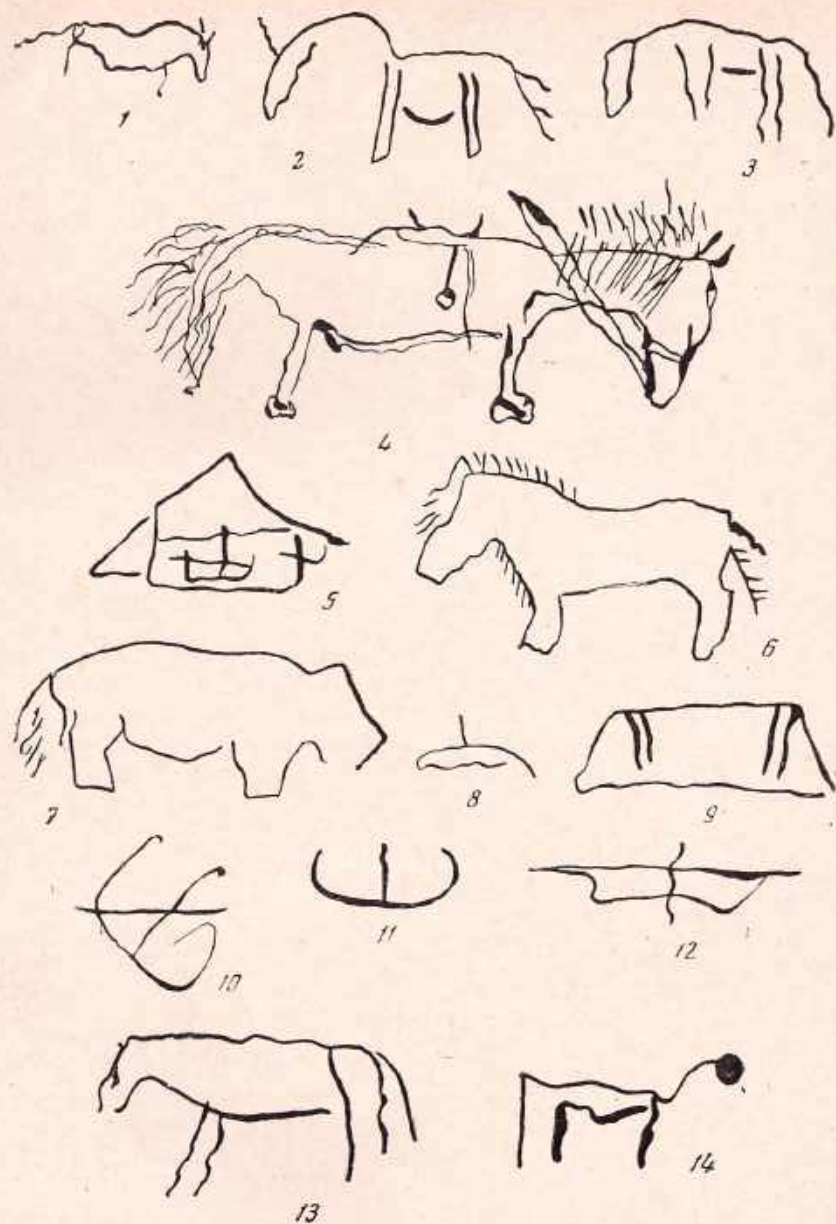
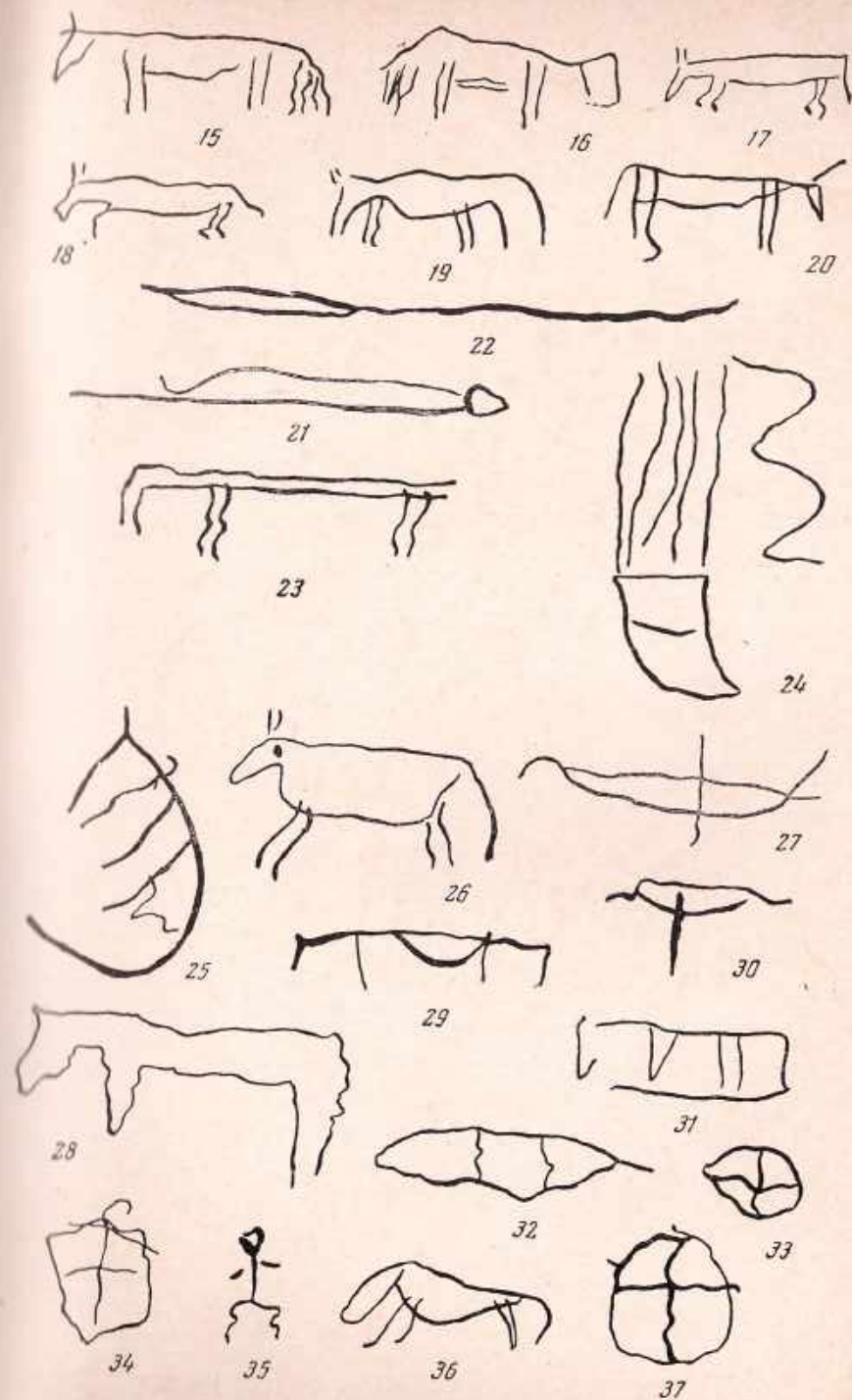
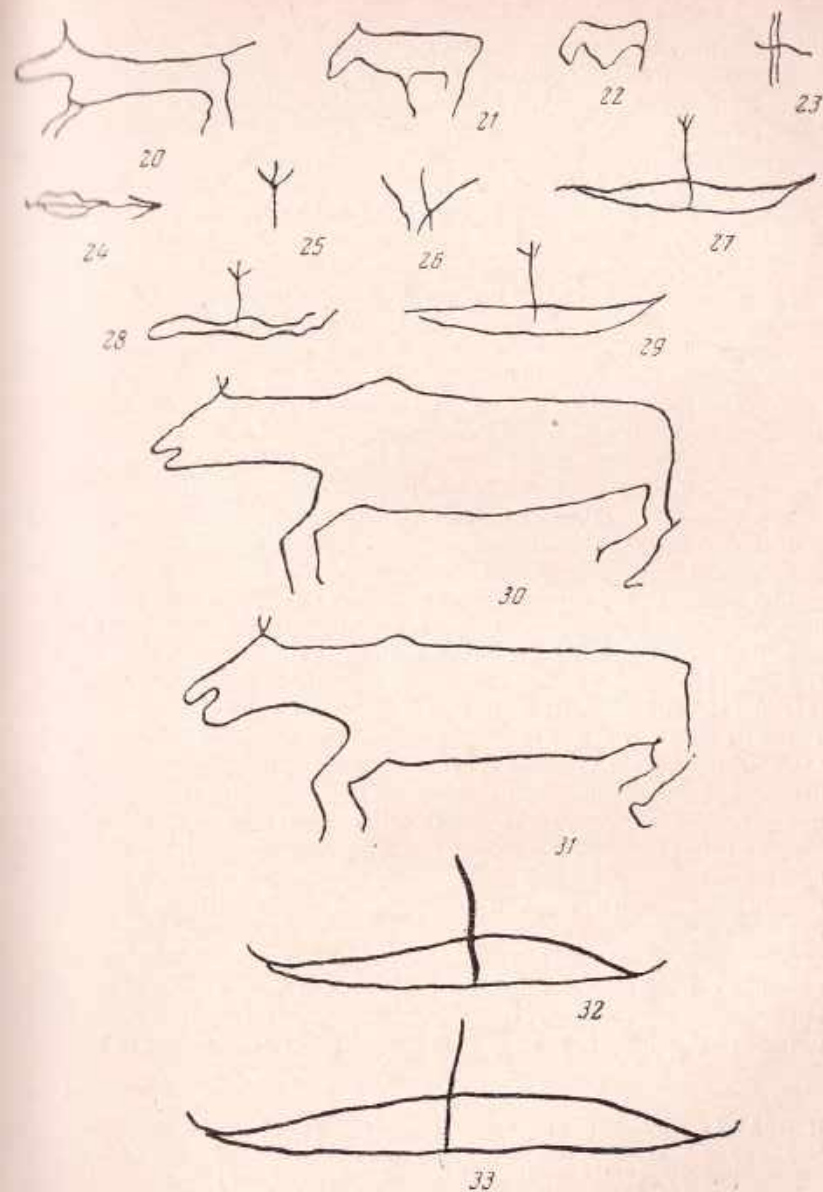
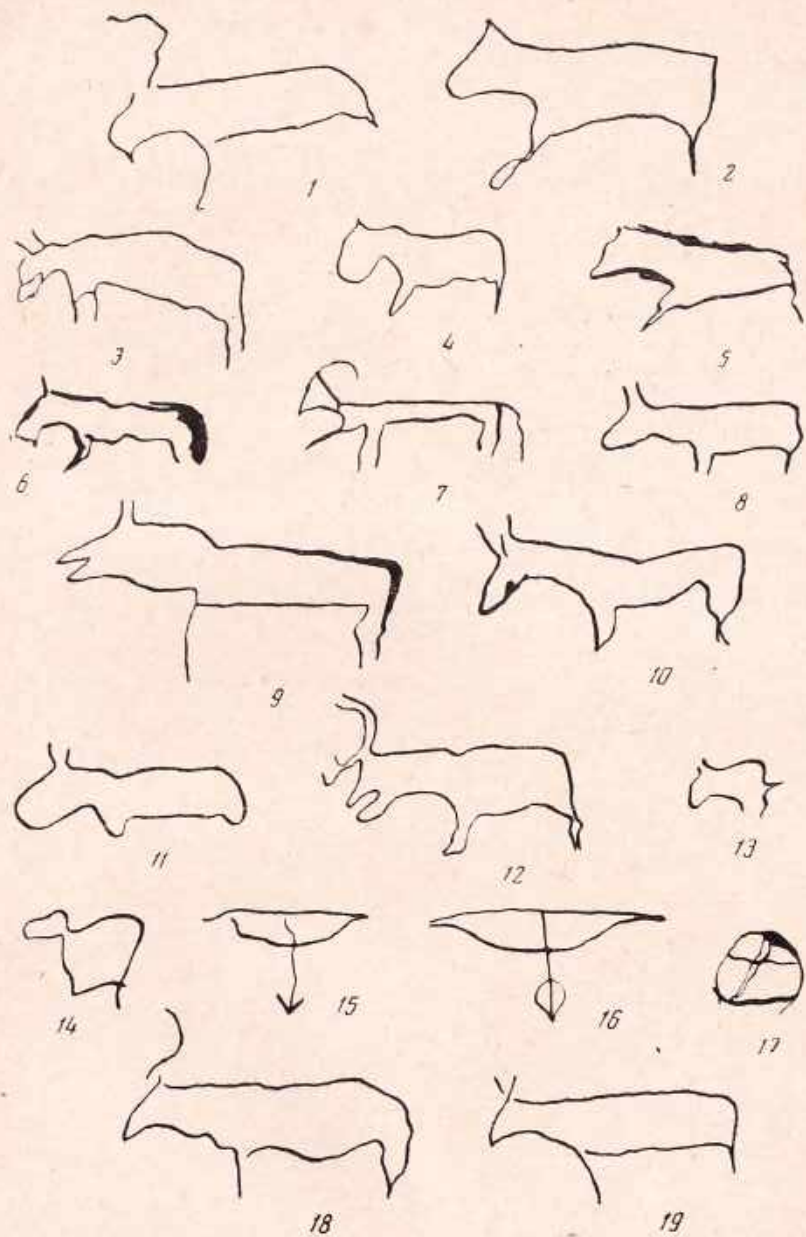

Таблица 116. Якутские знамена волостей:

1 — Атамайской; 2 — 5 — Батулинской; 6 — 8 — Батурусской; 9 — Баянтайской; 10 — 12 — Бегунской; 13 — Бороганской; 14 — Ярванской; 15 — 18 — Мегинской; 19 — 21 — Модунской; 22 — 25 — Намской; 26 — Нюрютейской; 27 — Оленяного зимовья; 28 — 35 — Уснецкой; 36 — Устьюкская; 37 — Чиритейская

Т а б л и ц а 118. Знамена юкагиров:

1—17 — Верхненолымского зимовья; 18—29 — Средненолымского зимовья;
30—33 — Нижненолымского зимовья

13 Ю. Б. Симченко

администрация и не наставляла на привлечение к ясачной переписи всего взрослого мужского населения, так как такой порядок вполне удовлетворял предъявляемым требованиям. При оформлении «обычных речей» тамги не проставлялись. В ясачных материалах тамг юкагиров не обнаружено. Они известны только по трем челобитным юкагиров Верхнеколымского, Нижнеколымского и Среднеколымского («Ковымских») зимовий. Все эти зимовья возникли в начале 50-х годов XVII в.

В 1679 г. ясачными юкагирами Верхнеколымского зимовья была подана челобитная о притеснениях со стороны русских служилых людей²⁸. Челом били семнадцать человек. Все эти люди поставили под челобитной свои тамги (табл. 118). Первым приложил руку князец Логур, далее все остальные юкагиры²⁹. Тамги 118/1, 118/2, 118/10, 118/11, 118/13, 118/14 являются рисунками оленей. Эти изображения напоминают тунгусские контурные рисунки оленей. Выделяется лишь знамя 118/9, по всей видимости, лось. Рисунки, подобные этому, имеются у юкагиров Нижнеколымского зимовья (118/30, 118/31). Что это изображение лоса, указывает горб и сравнительно небольшие, пригнутые к голове рога. Отличительной чертой этого рисунка, весьма характерной для юкагирских изображений, является тщательная прорисовка открытого рта животного. Лосей с открытым ртом рисовали только юкагиры. Аналогичен рассмотренному знак толмача юкагира Сазыкова (118/12). Два юкагира нарисовали в качестве тамги лук (118/5, 118/6). Стрелы у луков имеют листовидный наконечник. Такие стрелы на тамгах юкагиров Верхнеколымского зимовья служили, по-видимому, их отличительным знаком, так как ясачные люди Среднеколымского зимовья рисовали трехперые наконечники у стрел, а нижнеколымские юкагиры — стрелы без наконечников. Большой интерес представляет знак 118/17, принадлежавший шаману Накыче. Он подобен шаманским тамгам якутов и тунгусов и изображает, как и у тех, бубен. Этот факт также примечателен.

Рисунки весьма стабильны и сделаны в общей манере. Исполнение их приводит к выводу о широком и частом употреблении графических приемов. Этот вывод подтверждается сведениями о распространении у юкагиров «тос» — берестяных грамот³⁰.

*

²⁸ ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 1, стлб. 39, л. 44.

²⁹ Тамги поставили: 2,3 — Егур; 4 — Малвай Смагин; 5 — Накыча Большой; 6 — Глухов; 7 — Шалга; 8 — Якуп Волчихин; 9 — Кытега; 10 — Заварза; 11 — Узоглаз; 12 — Сазыка; 13 — Офья; 14 — Нора; 15 — Мия Нуртин; 16 — ?, 17 — шаман Накыча.

³⁰ О юкагирских письменах имеются интересные данные в работах В. И. Нохельсона (Nochelson, 1924), С. М. Шаргородского (Шаргородский и др., 1895) и др. С. М. Шаргородский изучал быт юкагиров Ушканского рода на реке Яса. Только после двух лет пребывания в поселке Недим-

Знамена юкагиров Среднеколымского зимовья известны по челобитной 1682 г.³¹ Как уже было сказано, они изображают луки иначе, чем верхнеколымцы. Среднеколымские юкагиры тоже поставили две тамги, изображающие стрелу, и одну — наконечник стрелы (118/24—118/26). Одна из стрел имеет тщательно нарисованное оперение. Неясно лишь значение знака 118/23. Тамги юкагиров Нижнеколымского зимовья в изученных материалах встретились только под челобитной, приложенной к отписке подьячего Якутского острога Семена Аврамова³². С. Аврамов в 1661/62 г. был послан из Якутского острога воеводой Иваном Федоровичем Голенищевым-Кутузовым на реки Колыму, Индигирку и Олязбыку для сыска о таможенном недоборе. Он должен был также «привести под высокую государеву руку» живущих там юкагиров. На Красном Песке юкагиры били челом о злоупотреблениях приказных и служилых людей, бравших за железные изделия невероятно высокую плату мехами. При этом юкагиры силой принуждали покупать товары, привозимые русскими. Тех, кто отказывался их брать, захватывали в качестве заложников. Эту челобитную Аврамов и приложил к своей отписке. В табл. 118 не приводятся все знамена, поставленные под челобитной, так как шесть из них являются совершенно одинаковыми изображениями лосей, а остальные — рисунками луков. Как и другие юкагирские тамги, эти знаки написаны твердой рукой.

Най он смог ознакомиться с ребусными письменами на бересте — «тос». В качестве материала для письма юкагиры употребляли свежесодранную бересту, на которой хорошо видны поверхностные прорезы ножом. «Тос» являются великолепным доказательством того положения, что народы Сибири испытывали необходимость в письменности для связи и информации. Основным назначением «тос» было описание охотничьих маршрутов, оставляемое на пути следования части рода. По описаниям можно было установить местонахождение охотников, ход рыбной ловли и охоты, словом, все основные сведения, отражающие жизнь какой-либо группы людей. С. М. Шаргородский в своей работе останавливается на самой, пожалуй, интересной разновидности «тос» — любовных письмах. В них передавались довольно тонкие нюансы человеческих отношений. Любовные «тос» были единственной допускавшейся для женщин формой сообщения о своем отношении к тому или иному мужчине. У юкагиров употреблялся довольно большой набор общепринятых знаков для передачи сообщений на письме. Бытование «тос» вряд ли будет правильно отнести только к прошлому веку. Складывание такой формы письменности требует длительного времени. По всей видимости, «тос» существовали и в XVII в.

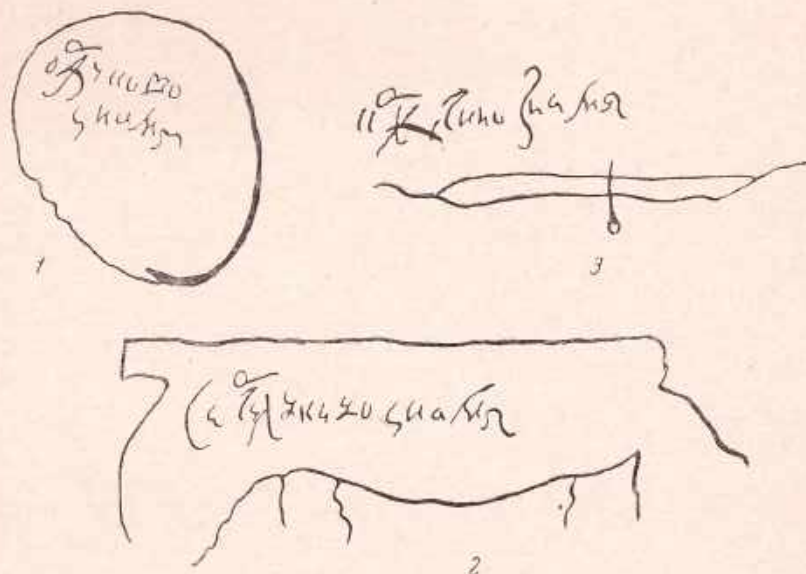
³¹ ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 2, стлб. 40, лл. 9—13.

³² ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 361, лл. 504—506.

УСТЬ-ВИЛЮЙСКОЕ (НИЖНЕВИЛЮЙСКОЕ) ЗИМОВЬЕ.

Тунгусы

К Усть-Виллюйскому зимовью в XVII в. были приписаны четыре больших группы населения, платившие здесь ясак: тунгусы — долганы и кумкогиры — и якуты — кокуи и осекуи. Судить об усть-виллюйских знаменах приходится лишь по нескольким известным нам знакам.

Т а б л и ц а 119. Знамена усть-виллюйских тунгусов (долганов и кумкогиров)

15 января 1677 г. в Усть-Виллюйском зимовье были опрошены главы трех каких-то больших группировок населения о численности плательщиков ясака³³. «Сказки» записаны на трех листах. При этом на обороте каждого листа поставлена тамга. Писец, как это иногда делали якутские приказные люди, внутри знамен подписал имена их владельцев, без указания значения знака (см. табл. 119). В обыкленных речах говорится, что один из тунгусов — Ордук — был шаманом. Его знамя (119/4) представляет собой точно такой же круг, как и шаманские тамги у якутов и юкагиров.

*

³³ ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 1, стлб. 235, лл. 14—17.

Этот знак, вероятно, тоже изображает шаманский бубен. Другой ясачный тунгус — Сергийяк — в качестве тамги изобразил какое-то животное, по всей видимости оленя (119/2). Рисунок сильно стилизован и сделан довольно уверенно. Последнее знамя принадлежит тунгусу Кржиге и изображает лук. Установить родовую принадлежность ясачных людей, поставивших эти тамги, по имеющимся источникам не представляется возможным. Рассмотренные знаки позволяют установить общность тамг усть-виллюйцев и других тунгусских родов³⁴.

ТОНТОРСКОЕ (УЧУРСКОЕ) ЗИМОВЬЕ.

Тунгусы Озянского рода

В Тонторском зимовье в XVII в. платили ясак лалагиры, озяны и киндигиры. В 1679 г. тунгусы Озянского рода подали три челобитных, на которых поставили свои знамена. На первой челобитной³⁵ знаки поставили три ясачных человека. Знак 120/1 изображает оленя. Рисунок выполнен в характерной для тунгусов манере: олень нарисован по контуру с большой для тунгусов манерой: олень нарисован по контуру с большими рогами, свисающими вперед. Тамга 120/2 — рисунок прямого лука со стрелой, 120/3 — типичный шаманский знак, встречающийся и у юкагиров, и у якутов, и у тунгусов.

Рисунки оленя и лука повторяются на второй челобитной озянов от 11 июля 1679 г.³⁶ Знаки на обеих челобитных по манере совершенно аналогичны и написаны, вероятно, одной рукой. Весьма интересен знак 120/6, изображающий антропоморфную фигуру, скорее всего какой-то предмет шаманского культа.

Под третьей челобитной³⁷ подписались пять человек. Рисунок оленя здесь повернут в левую сторону, в то время как на первых двух челобитных олень нарисован головой вправо (120/7). Одно изображение лука ничем не отличается от предыдущих (120/8), другой нарисован со стрелой с многоперым наконечником (120/10). Один ясачный человек в качестве тамги изобразил стрелу с многоперым наконечником, такую же, как и у этого лука. Значение тамги 120/9 не ясно.

Таким образом, ясачные тунгусы Озянского рода в качестве тамг употребляли знаки трех видов: оленей, луки и шаманские

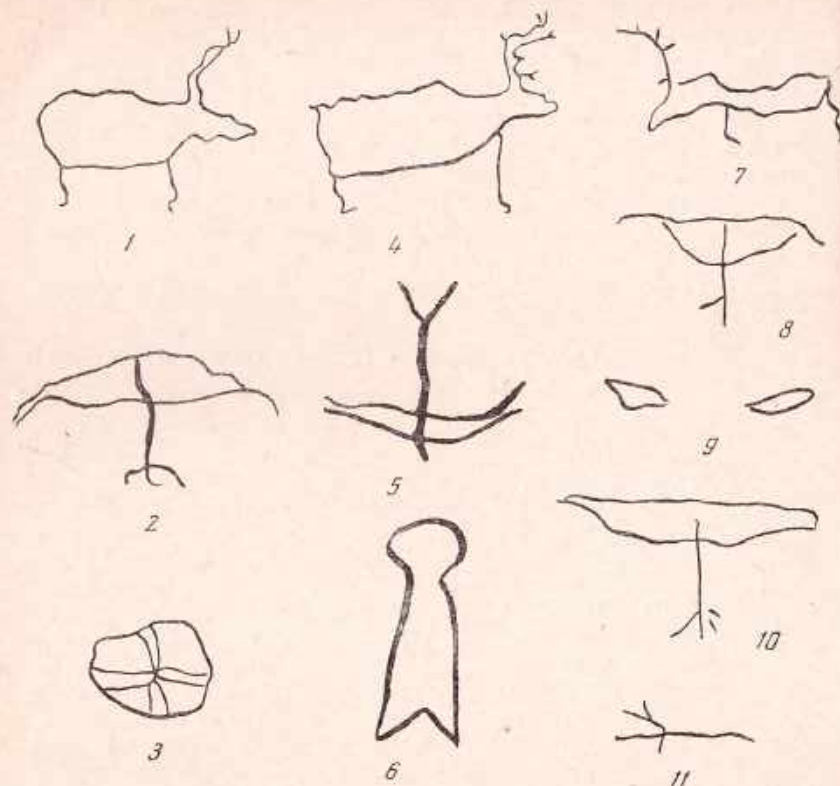
*

³⁴ Рисунки усть-виллюйских тунгусов и знамена тунгусов других родов напоминают отчасти изображения на Шиндхиских писаницах, изученных А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской (см. Окладников, 1959; Окладников, Запорожская, 1959).

³⁵ ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 1, стлб. 121, л. 240.

³⁶ ЦГАДА, Якутская приказная изба, стлб. 128, л. 207, № 118/4, 118/5.

³⁷ Там же, стлб. 235, л. 96.

Т а б л и ц а 120. Знамена тунгусов Товторского зимовья (Озянский род)

тамги. Можно предположить, что выбор тамг — оленей и луков — зависел от того, являются ясачные люди оленными или пешими, как это было у охотских тунгусов.

ВЕРХНЕМАЙСКОЕ ЗИМОВЬЕ.

Тунгусы

В 1660/61 г. подали челобитную на русских промышленных людей, занимавших тунгусские земли, ясачные люди Верхнемайского зимовья³⁸.

*

³⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, слоб. 361, лл. 18—19.

В ней сообщается, что бьют челом «ясачные тунгусишки с Май реки», часть из них — верховые, т. е. оленные, а часть — пешие, промышляющие в основном охотой и для уплаты ясака сбывающие меха якутам. К каким родам принадлежат челобитчики, в документе не сказано, однако по тамгам можно предположить, что это майские килары и горбиканы (табл. 121). Только названные роды охотских тунгусов и те же роды, приписанные к Майскому зимовью, употребляли для обозначения оленных людей рисунок всадника на олене, а для обозначения пешего ясачного человека изображали лук или делали антропоморфные рисунки. Изображения оленей (121/1—121/20) контурные, что типично для тунгусов. Необычно сильно стилизованы рисунки людей (121/21—121/25). Такие рисунки встречены только у майских тунгусов. Все эти знамена по своему происхождению отличаются от тамг других народов Сибири. Они никак не связаны с тотемическими воззрениями эвенков, не являются специфическими личными знаками и т. д. Эти знаки отражают прежде всего дифференциацию ясачных людей по типу хозяйства. Отсутствие указаний на принадлежность владельцев к какому-либо роду не позволяет уточнить этот вывод. Весьма трудно решить, была ли одна тамга знаком целого рода оленеводов, а другая — рода охотников, или же имущественное положение каждого человека обуславливало выбор тамги.

АЛДАНСКИЕ ТУНГУСЫ.

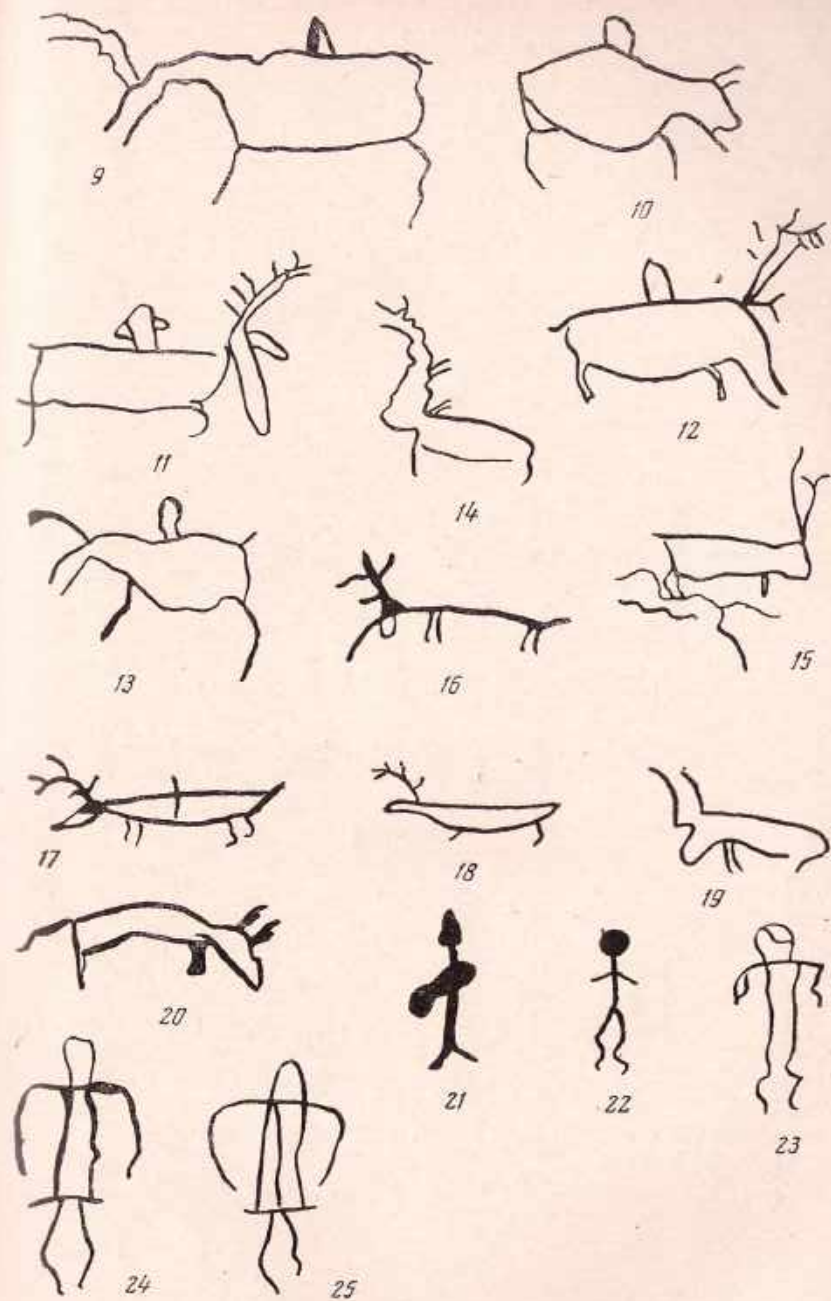
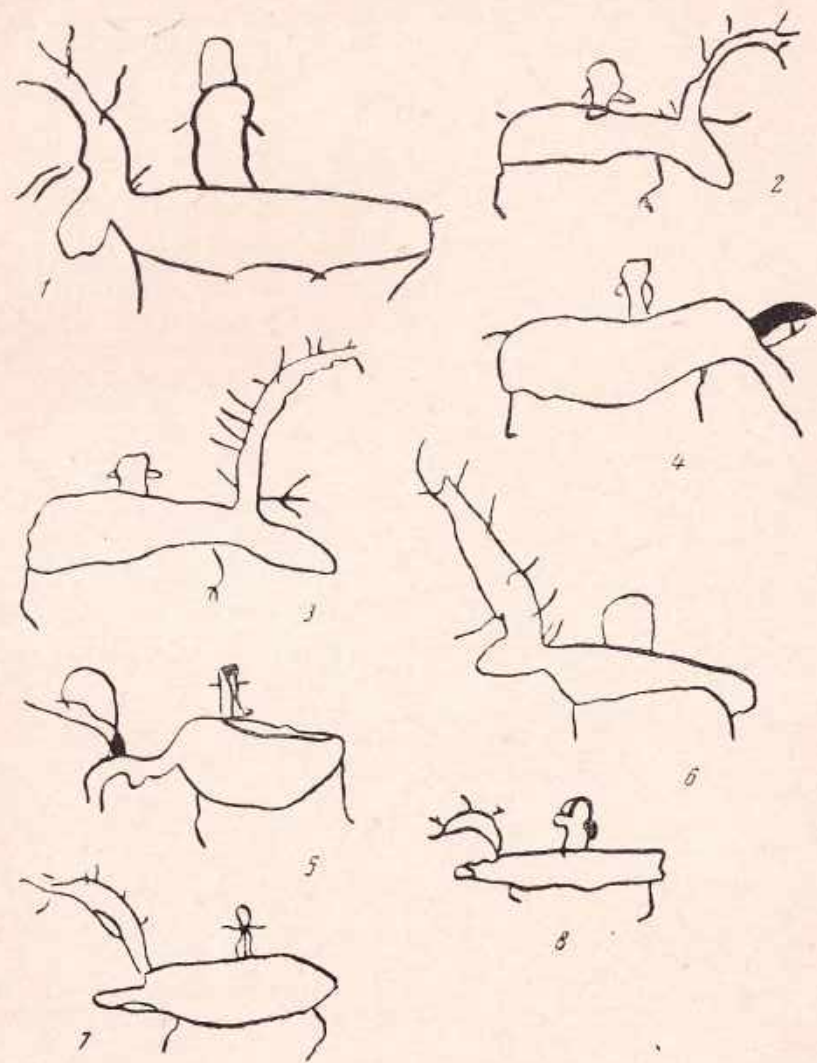
Макагиры и мемельцы

Бассейны Алдана и Май были в XVII в. заселены тунгусами Буякспирского, Тюгеспирского, Бутальского, Лалагирского, Озянского, Макагирского и Мемельского родов. Здесь из-за отсутствия источников приводятся только несколько тамг макагиров и мемельцев (табл. 122). Приводимые тамги не могут дать достаточно полного представления о знаменах тунгусов названных родов, так как из шести знаков два являются общими шаманскими, а остальные — различными вариантами широко распространенного знамени — лука.

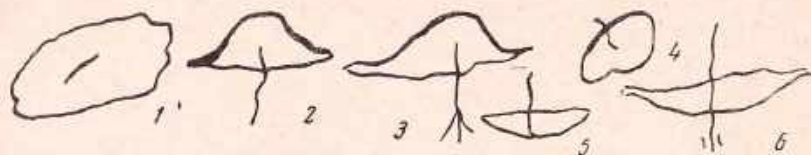
Знамена алданских тунгусов были поставлены под обыскными речами, датированными январем 1653 г.³⁹ Тамги подписаны только именами владельцев. При этом указано, что двое из опрошенных — шаманы. Шаман Макагирского рода Бояркин Илкивца поставил в качестве тамги диск с чертой внутри (122/4). Шаман из Мемельского рода написал такой же диск (122/4). Полное сходство тамг шаманов из разных родов и отличие их от знамен рядовых ясачных людей их родов еще раз говорит о повсеместном

*

³⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, слоб. 220, л. 250.

Т а б л и ц а 121. Знамена тунгусов Верхнемайского зимовья 1660/61 г.

Т а б л и ц а 122. Тамги алданских тунгусов (макагиров и мемельцев)

распространении особых шаманских знаков, произошедших, как уже говорилось, от изображения бубна.

Остальные макагирские и мемельские тамги однообразны по сюжетам и по манере рисунка. Можно отметить лишь разницу в изображении вильчатого наконечника у стрел, нарисованных тунгусом Дошо из Макагирского рода (122/3) и мемельцем Толстоухом (122/6).

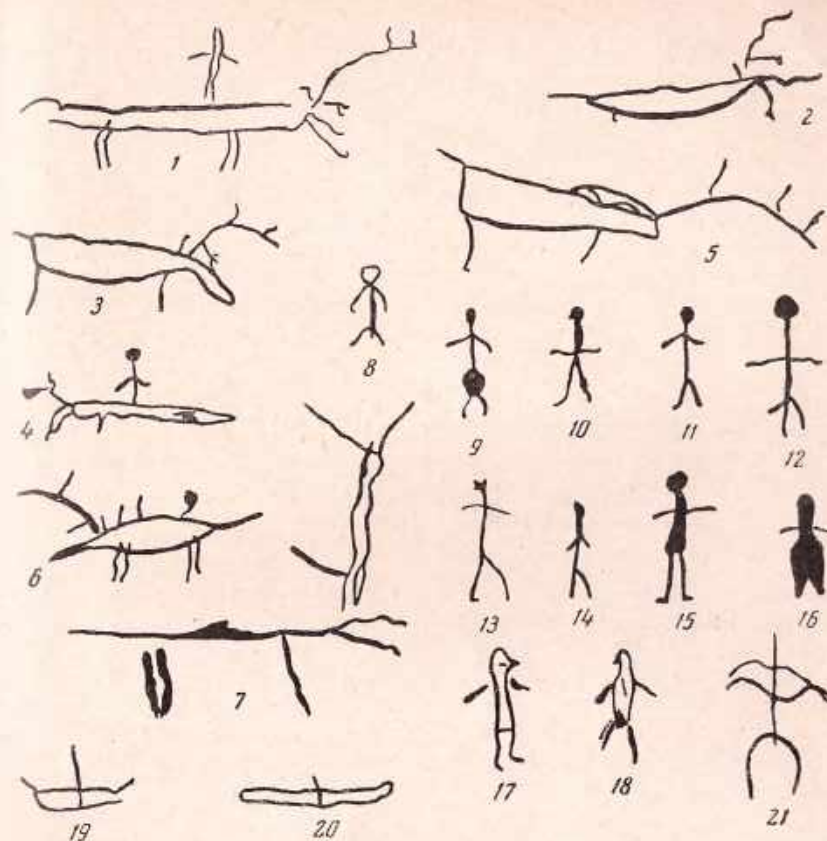
ОХОТСКИЕ ТУНГУСЫ

В XVII в. насчитывалось более тридцати родов охотских тунгусов. 1 марта 1668 г. представители десяти охотских родов — Киларского, Дельянского, Горбиканского, Инганского, Бояшинского, Евьянского, Ненякагирского, Уяганского, Ухахтагирского и Улбиданского — подали челобитную, в которой просили правительство о смене воевод⁴⁰. Под челобитной приложил руки 21 человек (табл. 123). Писцы не объяснили значения тамг, указав лишь имя и род их владельцев. В первую очередь знамена поставили ясачные люди оленных родов. Это прямо оговаривается в документе. Представители оленных, или верховых, родов — Киларского и Дельянского — поставили одинаковые по сюжету тамги — рисунки всадников на оленях (123/1—123/7). Изображения оленей сделаны в типичной для тунгусов манере. Знаки тунгусов остальных восьми родов — люди и луки (123/8 — 123/21). Манера антропоморфных изображений однообразна. Тунгус Марачикан из Горбиканского рода нарисовал человека с головой в виде незачерченного круга (123/8), инганцы рисовали туловище и ноги отдельными линиями (123/9—123/11), евьянцы изображали туловище и одну ногу непрерывной прямой и под углом к середине пририсовывали другую ногу (123/13, 123/14), ненякагиры рисовали тело по контуру и зачерняли его (123/15, 123/16), уяганы не зачерняли контурный рисунок туловища (123/17, 123/18).

Точно так же рисунки луков отличаются только в палеографических деталях.

*

⁴⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 361, лл. 95—97.

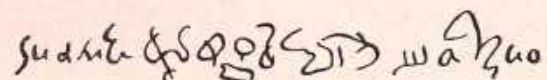
Т а б л и ц а 123. Тамги оленных (1—7) и пеших (8—21) охотских тунгусов:

1, 2 — Килар; 3—7 — Дельян; 8 — Горбикан; 9—11 — Инган; 12 — Бояшин; 13, 14 — Евьян; 15 — Ненякагир; 17—18 — Уяган; 19—20 — Ухахтагир; 21 — Улбидан

Здесь, в тамгах охотцев, прослеживается довольно интересное явление. Рисунки всадников на оленях, равно как и изображения людей и луков, нельзя рассматривать как тамги какого-либо рода. Эти знаки возникли как символы определенных групп родственного населения, делящегося по типу хозяйства. Тамги такого назначения употреблялись только народами Восточной Сибири.

Особый интерес представляют знаки, поставленные под одним документом охотским тунгусом Шалгой Зелемиевым. Документ был написан в январе 1677 г. и является изветом, составленным в форме расспросных речей. Источник сообщает, что «сказал киларский пеший мужик Шалга Зелемиев: „Бокан хочет-де з Зелемии и с Килары, с родниками своими и з Горбиканами, и з Год-

никанами казаков побить на дороге, как поедут казаки великих государей с казною в город"⁴¹. Таким образом, ясачный тунгус Шалга доносил на людей трех родов: Киларского, Горбиканского и Годниканского. Он поставил на обороте грамоты, написанной с его слов, не тамгу, а пиктограмму, состоящую из нескольких знаков (табл. 124). Писец, не зная значения этой надписи, назвал ее знаменем. Из-за очевидного неумения пользоваться орудиями письма Шалга Зедемиев написал пиктограмму недостаточно четко. Можно только выявить в левой части лук со стрелой, снабженной вильчатым наконечником. Рядом с этим луком — два других со стрелами без наконечников и, вероятно, стрела с листовидным наконечником. Другие значки расшифровать труднее.

Т а б л и ц а 124. Знамя охотского тунгуса Шалги Зедемиева

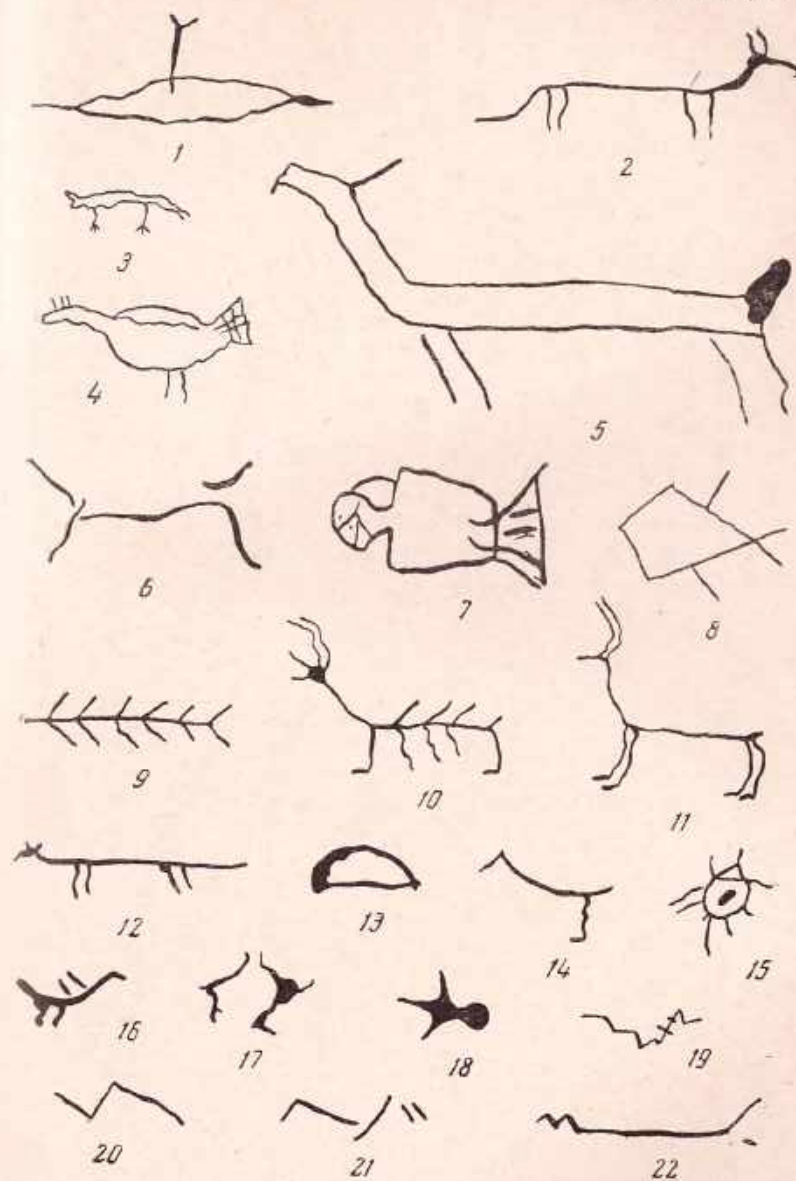
Можно предположить, что луки — это тамги тунгусов-заговорщиков. Знаменателен сам факт, что тунгус Шалга попытался передать на письме известные ему сведения. Это свидетельствует о наличии еще в XVII в. у тунгусов пиктографического письма. Как и у обских угров, здесь в рассматриваемое время, по всей видимости, бытовали общие для всех тунгусов знаки для передачи различных сообщений, но ограниченность источников XVII в. не дает возможности изучить их более подробно.

*

⁴¹ ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 1, стлб. 235, л. 32.

ПРИЛОЖЕНИЯ

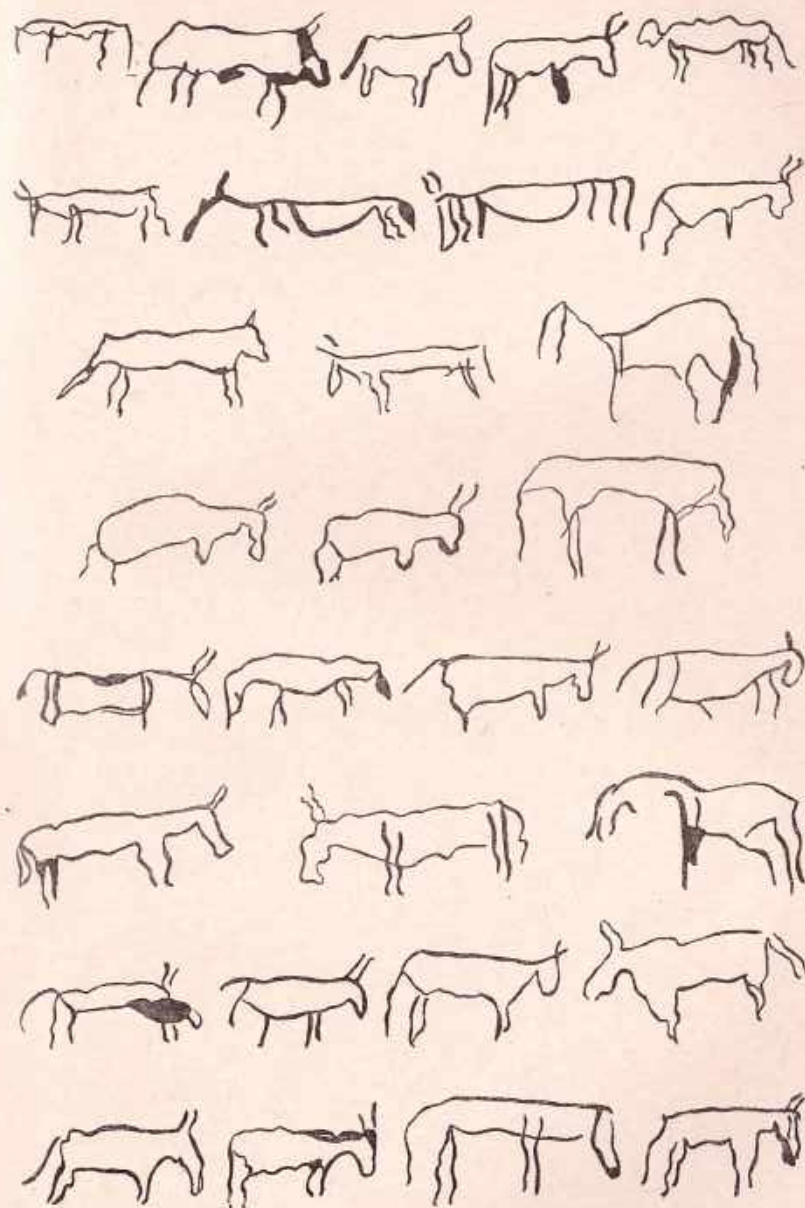
Таблица I

Знамена ясачных людей Сургутского уезда 1631—1696 гг. ЦГАДА,
Сибирский приказ, стлб. 8, л. 35; стлб. 27, лл. 263—272, 349—358, 407—48
(раз. паг.); стлб. 1299, л. 49.

Знамя «лучшего человека» Белогорской волости Березовского уезда.
1641 г. ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 103, л. 309.

Знамена якутов. 1660 г. ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 361, лл. 20—23.

Таблица III (окончание)

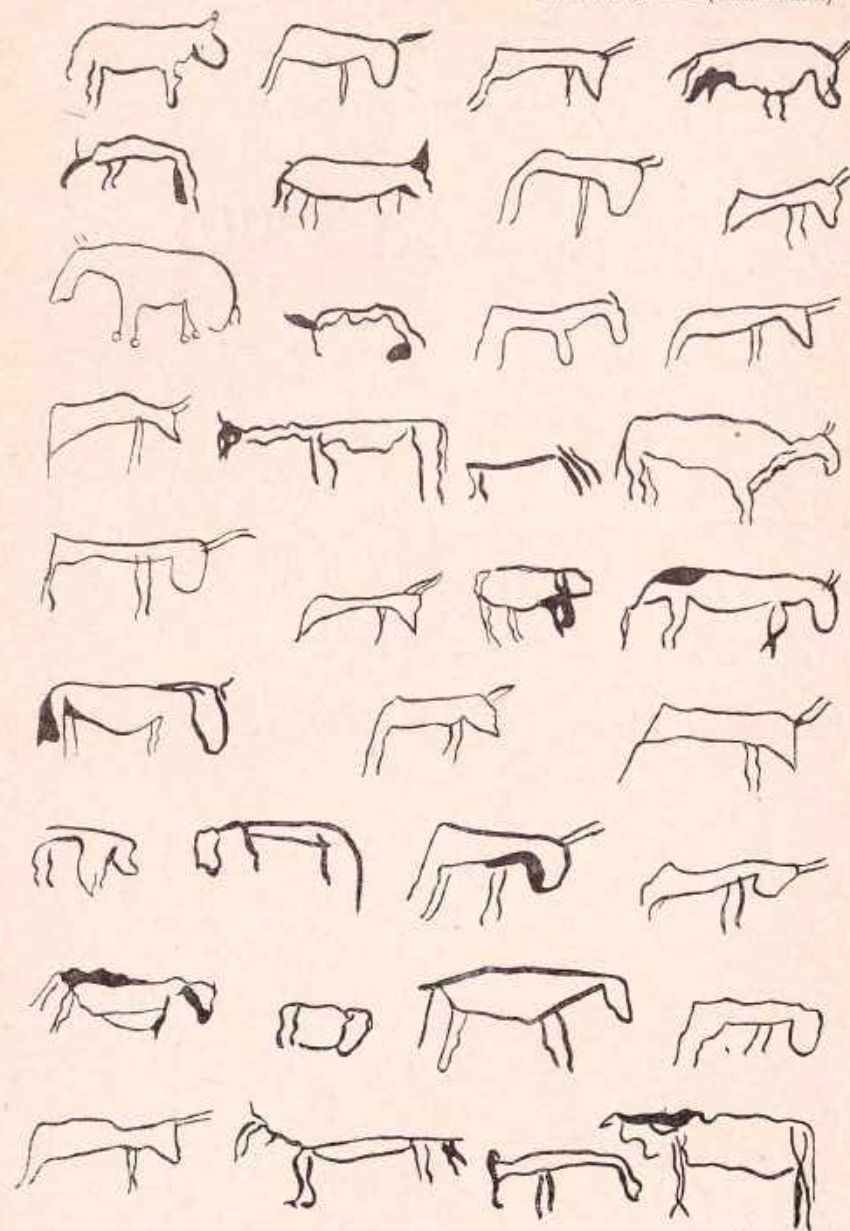

Таблица IV (стр. 211—215)

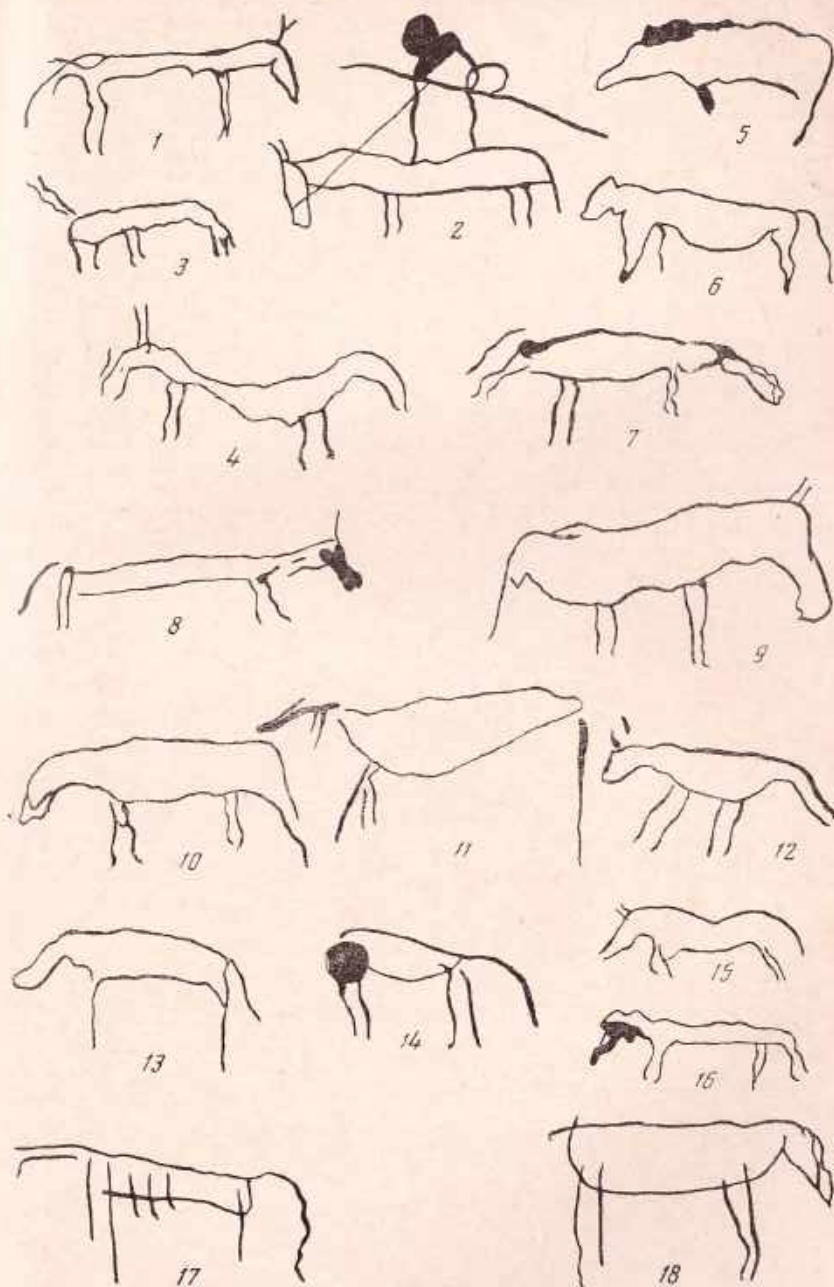

Таблица IV (продолжение)

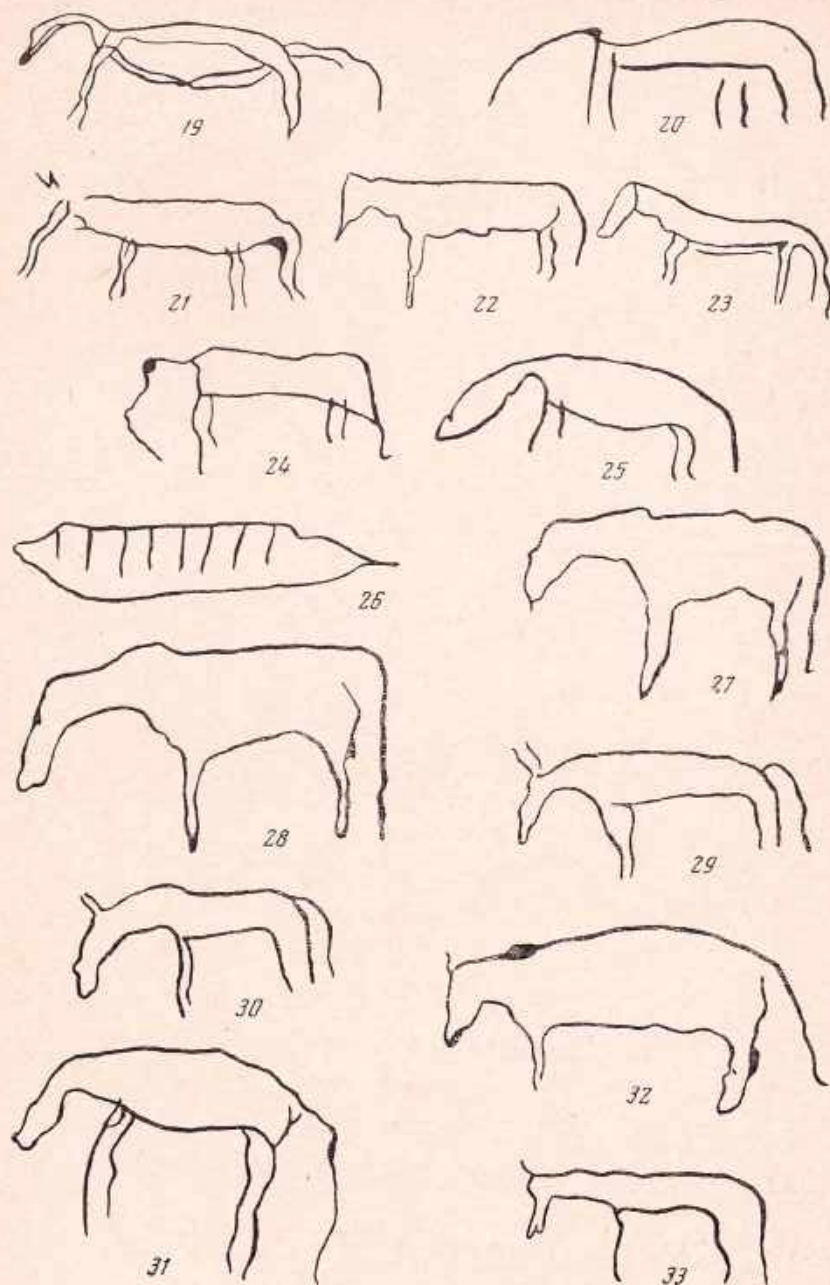

Таблица IV (продолжение)

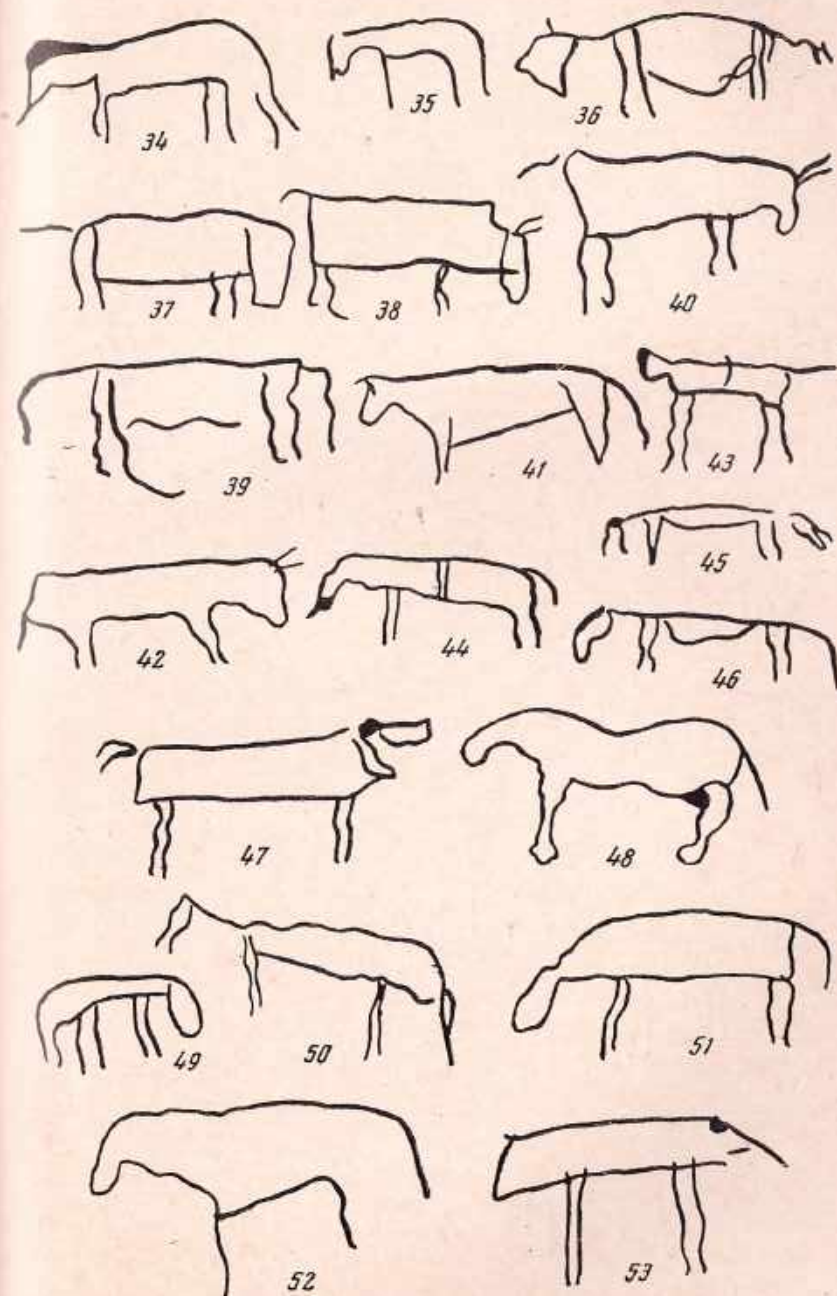

Таблица IV (продолжение)

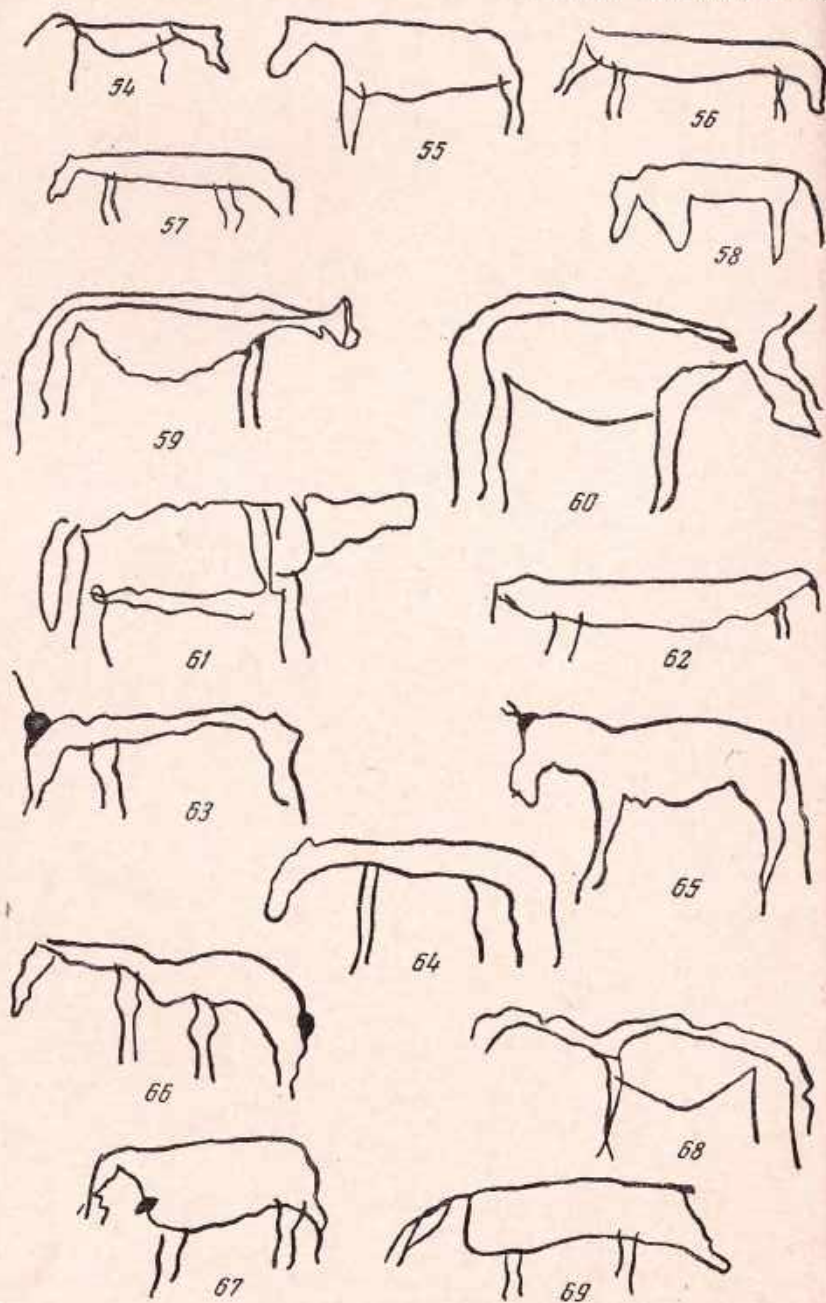
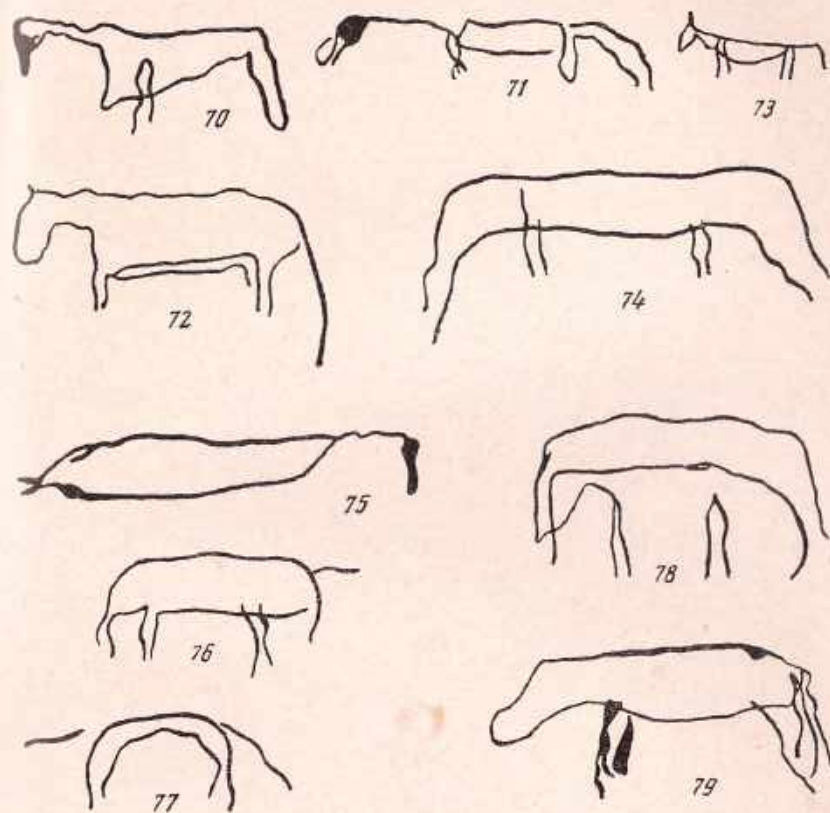
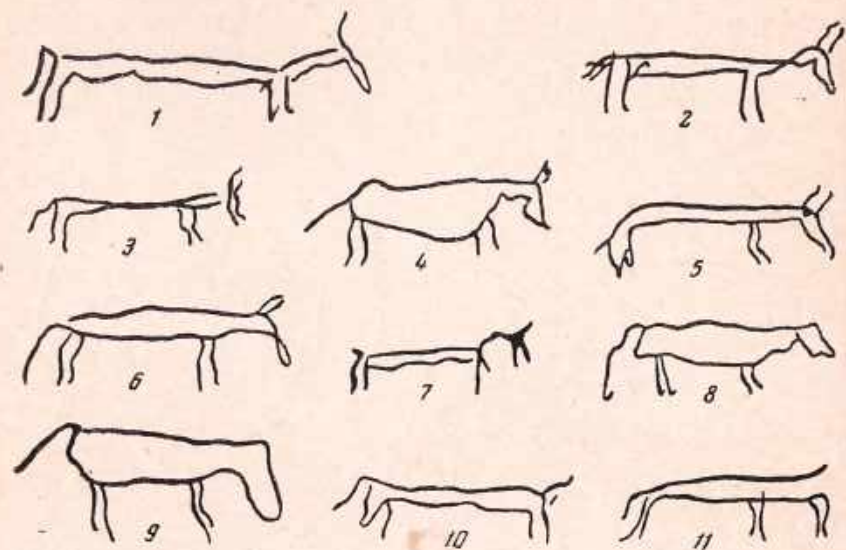

Таблица IV (окончание)

Знамена якутов семнадцати волостей Якутского уезда. 1660 г. ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 361, лл. 11—14.

Знамена якутов. 1661 г. ЦГАДА, Сибирский приказ, слоб. 361, лл. 18—19.

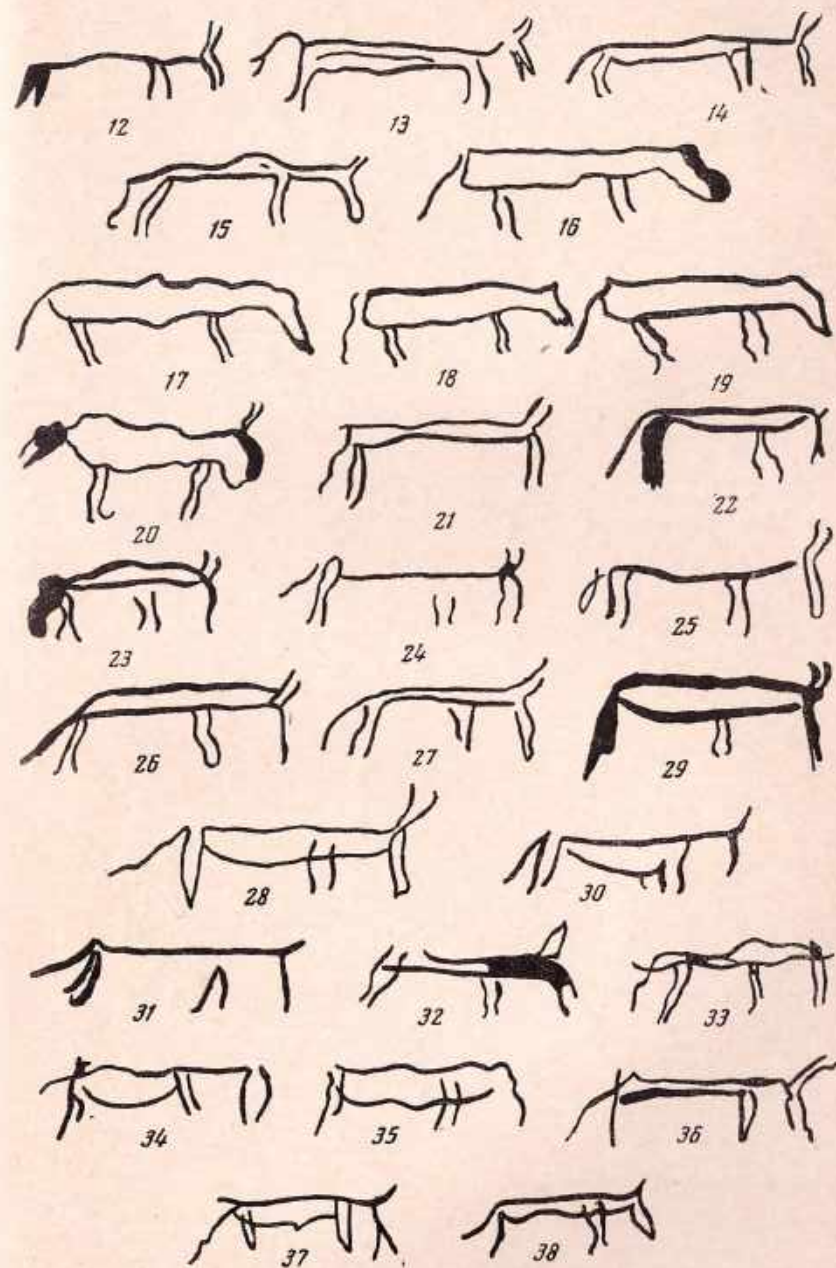

Таблица VI

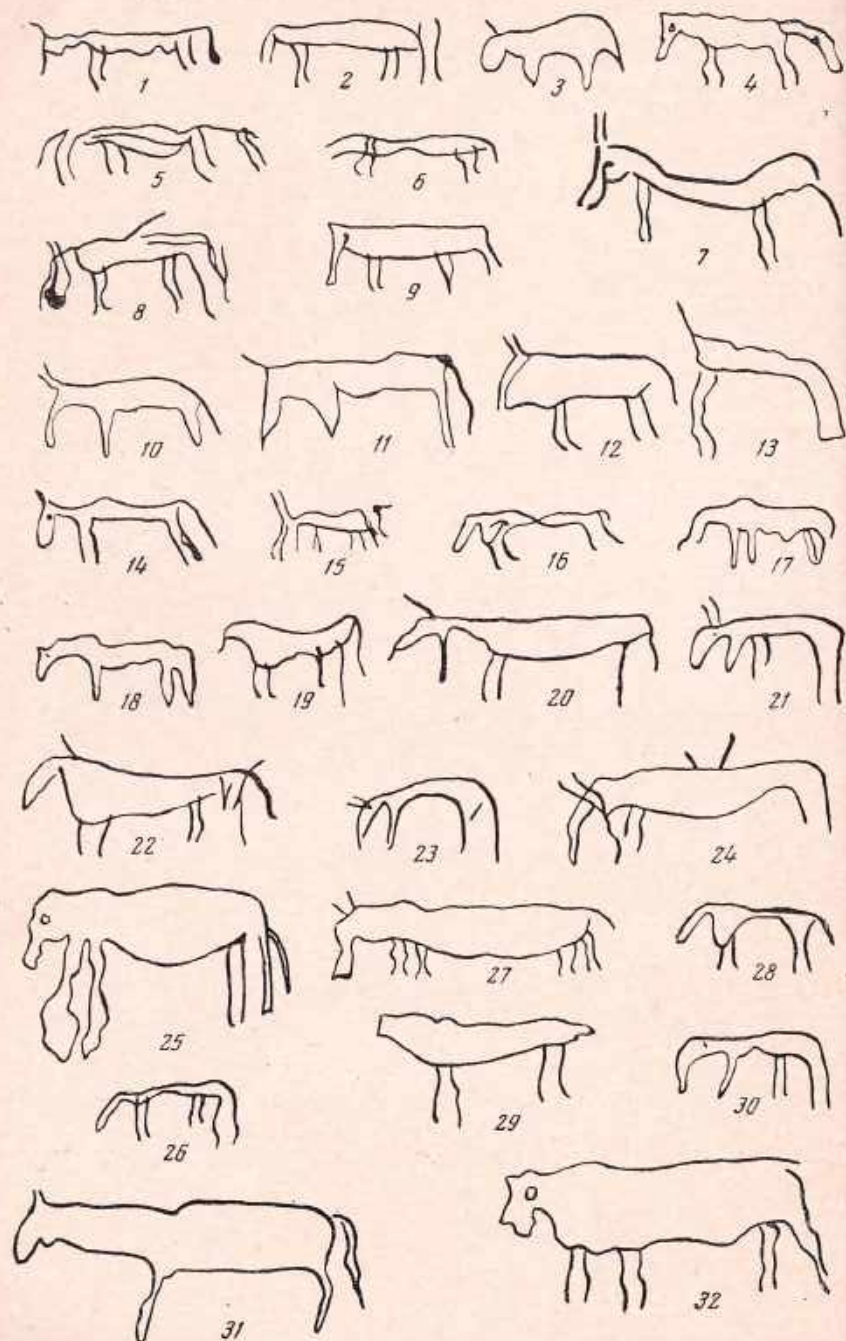
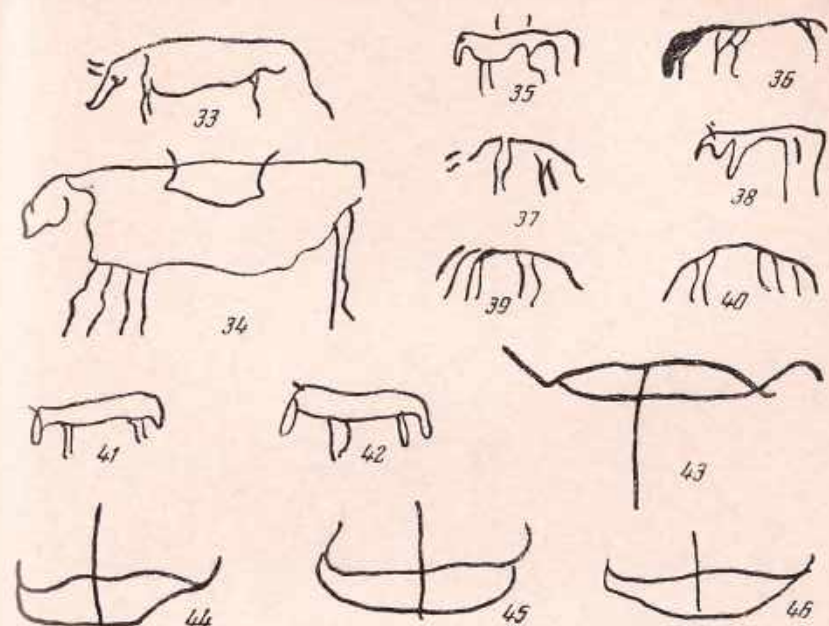
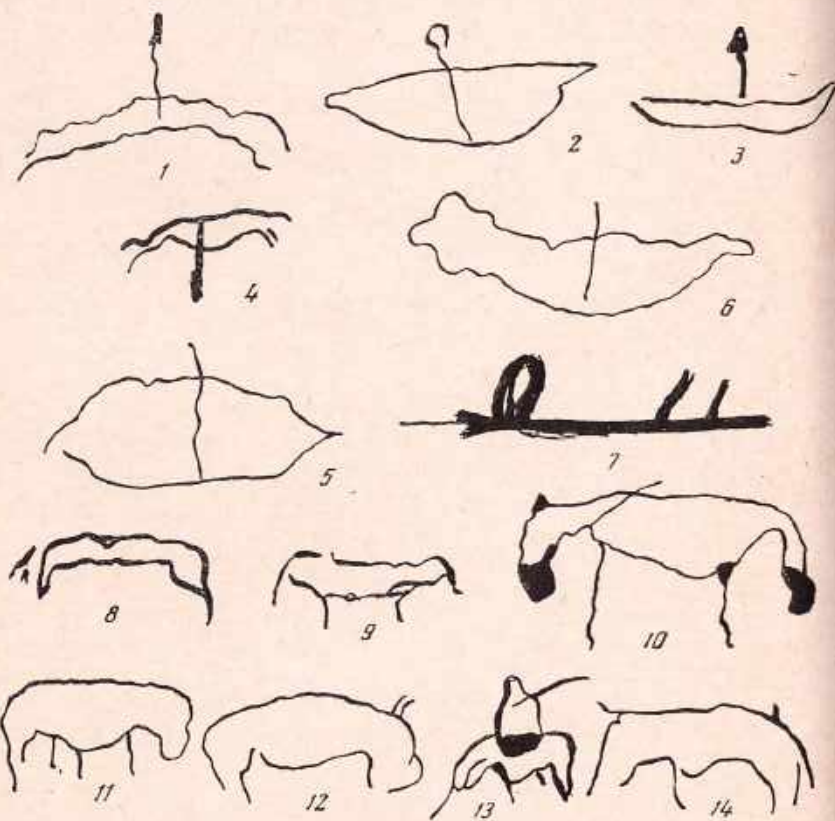

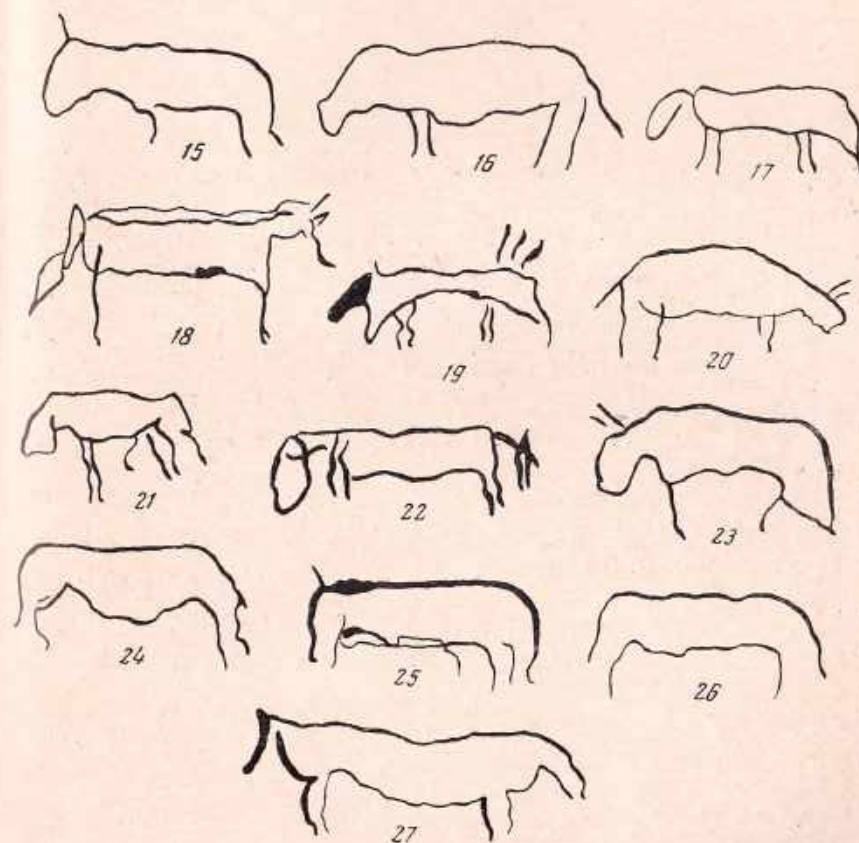
Таблица VI (окончание)

Знамена якутов восьми волостей Якутского уезда. 1663/64 г. ЦГАДА, Сибирский приказ, слб. 361, л. 78.

Знамена якутов. 1669 г. ЦГАДА, Сибирский приказ, стлб. 361—1,
лл. 5—6.

ЛИТЕРАТУРА

*

- Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М.—Л., 1959.
- Анучин Д. Н. К истории искусства и верований у приуральской чуди.—«Материалы по археологии Восточных губерний», т. III, М., 1899.
- Анучин Д. Н. Очерк шаманства у енисейских остяков.—«Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук», т. II, ч. 2, СПб., 1914.
- Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-кайсаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований.—«Живая старина», СПб., 1894, вып. III—IV.
- Бартепьев В. На крайнем северо-западе Сибири. СПб., 1896.
- Бартепьев В. О русском языке в Обдорском крае.—«Живая старина», СПб., 1894, вып. I.
- Бартепьев В. Понятие о грехе у остяков.—«Ежегодник Тобольского губернского музея», кн. 5, Тобольск, 1895—1896.
- Бартепьев В. Погребальные обычаи у остяков.—«Живая старина», СПб., 1896, вып. II—III.
- Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935.
- Бахрушин С. В. Самоеды в XVII в.—С. В. Бахрушин. «Научные труды», т. III, М., 1955.
- Богаевский П. Очерк религиозных представлений остяков.—«Этнографическое обозрение», вып. 4.
- Брем А. Остяки-идолопоклонники.—«Сборник „Нивы“», № 5, 1893.
- Будинский П. Н. К истории Сибири.—«Записки Харьковского университета», кн. 2, Харьков, 1883.
- Будинский П. Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893.
- Варсонофьева В. А. Географический очерк бассейна Уньи.—«Северная Азия», кн. 4, 1929.
- Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890.
- Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в.—МИА, № 6, 1941.
- Воронцов К. Форма погребения у современных и древних народов России.—«Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», вып. 1—4, Казань, 1899.
- Гондатти Н. Култ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири.—«Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. VIII, СПб., 1888.
- Горюхов Н. Религиозные языческие воззрения остяков.—«Тобольские епархиальные ведомости», № 2, 1890.

- Грач А. Д. Петроглифы Тувы.—«Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. 17, 1957.
- Гуронин Н. М. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в.—МИА, № 6, 1941.
- Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.
- Дмитриев А. Пермская старина, вып. IV. Пермь, 1892.
- Долгих Б. О. Тамги иганасанов и энцев.—«Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXVII, М., 1957.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.—«Труды Института этнографии АН СССР», т. V, М., 1960.
- Дульзон А. П. Остяцкие могильники XVI—XVII вв. у села Молчаново на Оби.—«Ученые записки Томского государственного университета», т. 13, 1955.
- Дунин-Горкавич А. А. Север Тобольской губернии. Тобольск, 1897.
- Дунин-Горкавич А. А. Остяцкие узоры на бересте. Тобольск, 1902.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север, тт. I—III. Тобольск, 1904—1911.
- Евтюхова Л. А. К вопросу о писанинах Алтая.—КСИМК, вып. 36, 1951.
- Ефименко П. Юридические знаки.—«Журнал Министерства народного просвещения», ч. 176, СПб., 1874.
- Замысловский Е. Чертежи сибирских земель XVI—XVII вв.—«Журнал Министерства народного просвещения», СПб., 1891, ч. 6.
- Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.—«Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. 22, 1954.
- «Известия Лоренца Ланга от 1716 г. о сибирских инородцах», Тобольск, 1905.
- Кастрен М. А. Опыт остяцкой грамматики. СПб., 1849.
- Керцелли Н. Г. Несколько слов о мезенских самоедах.—«Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XIII, вып. 1, М., 1874.
- Коплен Ф. Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. СПб., 1886.
- Кочнев Д. А. Очерки юридического быта якутов.—«Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XV, вып. 5—6, Казань, 1899.
- Красночуб Н. Поет народ саами.—«Советская культура», 23 августа 1959 г.
- Кузнецов Н. И. Природа и жители восточного склона Северного Урала.—«Известия Русского географического общества», т. XXIII, вып. VI, СПб., 1887.
- Лесков Н. Ф. Отчет о поездке к оловенским карелам летом 1893 г.—«Живая старина», СПб., 1894, вып. I.
- Лопарев Х. М. Самарово. СПб., 1896.
- Лоукотка Ч. Развитие письма. М., 1950.
- Луговский Л. Е. Легенда, связанная с двумя остяцкими идолами из коллекции принадлежностей шаманского культа в Тобольском губерном музее.—«Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. II, Тобольск, 1894.
- Макарий перомонах. Заметки о верхотурских вогулах, живущих по реке Лозьве.—«Вестник императорского Географического общества», 1853, кн. 1, разд. VIII.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М.—Л., 1941.
- Мошинская В. Н. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуй.—МИА, № 35, 1953.
- «Народы Сибири», М.—Л., 1956.
- Неклепаев Н. Поверья и обычаи Сургутского края. СПб., 1903.
- Новицкий Г. Краткое описание о народе остяком. Новосибирск, 1941.
- «Новый и полный географический словарь Российской империи», М., 1788.

- Носов М. М. Одежда и ее украшения якутов XVII—XVIII вв.—«Сборник научных статей (Якутский республиканский краеведческий музей)», вып. 1, 1955.
- Оборин В. А. Баяновский могильник на реке Косье.—«Ученые записки Пермского государственного университета», т. 9, вып. 3, 1953.
- Оглоблин Н. Н. Остяцкие знамена в XVII в.—«Исторический вестник», № 10, 1889.
- Оглоблин Н. Н. Знамена сибирских инородцев.—«Записки Уральского общества любителей естествознания», № 10, вып. 1, Екатеринбург, 1891—1892.
- Окладников А. П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири.—«Советская археология», 1948, № 10.
- Окладников А. П. Конь и знамя на Ленских писаницах.—«Тюркологический сборник», № 1, М.—Л., 1951.
- Окладников А. П. Шинкинские писаницы. Иркутск, 1959.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. М.—Л., 1959.
- Оксенов А. Политические отношения Московского государства к Югорской земле.—«Журнал Министерства народного просвещения», СПб., 1891, ч. 11.
- Остроумов. Остяцкие княжества в XVIII в.—«Русская старина», СПб., 1891, вып. 8.
- Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказаниям.—«Живая старина», СПб., 1891, вып. 3, 4.
- Патканов С. К. Из быта остяков и вогулов.—«Землеведение», М., 1897, № 3—4.
- Плотников А. Ф. Нарымский край. СПб., 1901.
- Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину реки Оби. СПб., 1879.
- Попов А. А. Тавгийцы.—«Материалы по этнографии авамских и вадеевских самоедов», М.—Л., 1936.
- Попов С. И. Крайний Север Урал-области и быт остяков.—«Пермский краеведческий сборник», вып. II, Пермь, 1926.
- Поппе Н. Н., Старцев Г. А. Финно-угорские народы. Л., 1927.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. II. СПб., 1881.
- Фон Пошман. Описание Архангельска.—«Архангелогородские губернские ведомости», № 22, 1870.
- Предольский В. В. Шаманство у остяков.—«Протоколы русского антропологического общества 1897—1898», М., 1898.
- Предольский В. В. По Енисею. Быт енисейских остяков. СПб., 1901.
- Прокофьев Г. Н. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов.—«Известия Ленинградского государственного университета», т. 2, 1930.
- Пыпин А. Н. Сибирь и исследование ее.—«Вестник Европы», т. 4—5, 1888.
- Росляков И. П. Похоронные обряды остяков.—«Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. 5, Тобольск, 1895—1896.
- Руденко С. И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска.—«Материалы по этнографии России», т. II, СПб., 1914.
- Руденко С. И. Графическое искусство остяков и вогулов.—«Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929.
- Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. М., 1910.
- Скалон В. Н., Хороших П. П. Об оленних писаницах Северной Азии.—КСИМК, вып. 39, 1951.
- Смирнов И. Н. Остяки и вогулы (югра).—«Этнографическое обозрение», вып. 5, 7, 8, 9.
- Соколов Д. Н. О башкирских тамгах.—«Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XIII, Оренбург, 1904.

- Соколова З. П. К истории жилища обских угров.—«Советская этнография», 1957, № 2.
- Соловьев Е. Т. О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего быта. (Знаки собственности в России). Казань, 1885.
- Соловьев Е. Т. О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и других племен, населяющих Россию.—«Труды V археологического съезда в Тифлисе», М., 1887.
- Сорокин Н. Путешествие к вогулам.—«Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете», Казань, 1873.
- Старцев Г. Остяки. Л., 1928.
- Теплоухов А. Ф. О древнем шаманском изображении, бытовавшем на Конде среди вогул и остяков.—«Советская археология», 1947, № 9.
- Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII в.—«Записки Бурят-Монгольского НИИ языка и литературы», вып. 1. Иркутск, 1939.
- Токарев С. А. Якутские племена и роды.—«Якутия в XVII в.», Якутск, 1953.
- Харузин Н. Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов.—«Этнографическое обозрение», 1895.
- Харузин Н. Знамена у морды в XVI и XVII вв.—«Юбилейный сборник в честь Г. Ф. Миллера», М., 1900.
- Хороших П. П. Наскальные изображения в Кяхтинском аймаке.—«Записки Бурят-Монгольского института культуры», № 12, 1951.
- Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров.—«Советская этнография», 1947, т. VI—VII.
- Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья.—МИА, № 35, 1953.
- Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э.—МИА, № 58, 1957.
- Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров.—«Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», М., 1959.
- Шаргородский С. М. Об юкагирских письменах.—«Землеведение», М., 1895, № 2—3.
- Шведов С. П. Очерк Сургутского края.—«Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», Омск, 1889.
- Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гылякского языка и фольклора, т. 3. Образцы народной словесности, ч. I, СПб., 1908.
- Штернберг Л. Я. Культ огня у сибирских народов.—«Первобытная религия в свете этнографии», Л., 1935.
- Щуков И. Река Казым и ее обитатели.—«Ежегодник Тобольского губернского музея», Тобольск, 1902.
- Якобий А. И. Остяки северной части Тобольской губернии.—«Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. IV, Тобольск, 1895.
- Ahlewist A. Über die Sprache der Nord-Ostjaken. Helsinki, 1880.
- Ahlewist A. Unter Wogulen und Ostjaken. Helsinki, 1886.
- Ahlewist A. Über die Kulturwörter der Obisch-ugrischen Sprachen. Helsinki, 1889.
- Finsch O. Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876. Berlin, 1879.
- Homburg Uno. Die Wassergottheiten der finnisch-ugrischen Völker. Helsinki, 1913.
- Hunfalvi P. A Kondai vogul nudo. Pest, 1872.
- Castren M. A. Versuch einer ostjakischen kurzen Wörterverzeichnis. Petersburg, 1842.
- Janko J. Einnahmen und Ostjakischen Hauscultes. Budapest, 1907.
- Jochelson W. The Yukagir and yukagirized Tungus.—«Memoirs of the American Museum of Natural History», Leiden—New York, 1924—1926.

- Karjalainen K. F. Zur ostjakischen Lautgeschichte. Über den Vokalismus der ersten Silbe. Helsingfors, 1905.
 Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker, T. I—II. Helsinki, 1921—1922.
 Martin F. Sibirika. Ein Beitrag zur Kenntnis der Volksgeschichte und Kultur der sibirischen Völker. Stockholm, 1897.
 Munkazi B. Ältere Berichte über das Heidentum der Wogulen und Ostjaken.—«Kelety Szemlyei», Bd. 5.
 Müller T. B. Leben und Gewohnheit der Ostjaken. Hamburg, 1721.
 Papay T. Die Nord-Ostjakische Volksdichtung. Leipzig, 1900.
 Schrenk A. Reise nach den Nordosten des europäischen Russland durch die Tundren Samojeden, t. I, Dorpt, 1854.
 Semayer F. Vogul-ostjak nimes kéregedenjek. Budapest, 1905.
 Sirelius U. T. Die Handarbeit der Ostjaken und Wogulen.—«Journal Siberien Finno-Ougrinnes», № 22.
 Sirelius U. T. Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen. Helsingfors, 1904.
 Wainwright G. A. A pair of constellations studies presented to F. L. I. London, 1932.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Верхотурский уезд. Вогулы	15
Полымский уезд. Вогулы	44
Туринский уезд. Отатарившиеся вогулы	52
Тюменский, Тарский и Тобольский уезды. Татары. Остяки	59
Березовский уезд. Остяки	70
Сургутский уезд. Остяки, селькупы, кеты	120
Нарымский, Кетский, Енисейский, Красноярский уезды. Кеты, селькупы, пустоозерские, березовские, тазовские и туруханские самоеды	134
Тамги обских угров	158
Тамги народов Забайкалья и Восточной Сибири	178
Иркутский уезд. Баргузинский острог. Тунгусы	178
Нерчинский уезд. Хоринские буряты	182
Якутский уезд. Якуты	184
Юкагиры	187
Усть-Вилуйское (Нижневилуйское) зимовье. Тунгусы	196
Тонторское (Учурское) зимовье. Тунгусы Озянского рода	197
Верхнемайское зимовье. Тунгусы	198
Алданские тунгусы. Макагиры и мемельцы	199
Охотские тунгусы	202
Приложения	205
Литература	222

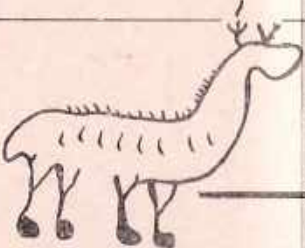
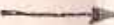
Юрий Борисович Симченко
Тамги народов Сибири XVII в.

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР*

Редактор издательства *Л. М. Алексеева*
Художник *В. А. Назаров*
Художественный и технический редактор *Н. Д. Новичкова*

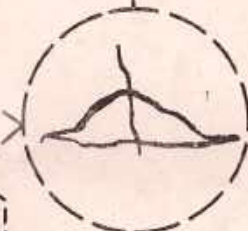
Сводный темплан выпуска общественно-политической
литературы 1965 г. № 1151
Сдано в набор 6/V 1965 г. Подписано к печати 29/VI 1965 г.
Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 14,25+1 вкл. Уч.-изд. л. 13,6
Тираж 1200 Т-08996. Изд № 4335/65. Тип. зан. № 2453
Цена 82 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

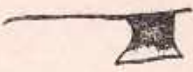
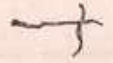
1640 г.		1648 г.		1654 г.		
Название знамени	Знамя	№	Название знамени	Знамя	№	Название знамени
топор						
		14	олень		25	чекан
копье					26	чекан
лук					27	лук
		15	лисица			
		16	утка			
весло		17	весло			
котел		18	котел		28	котел

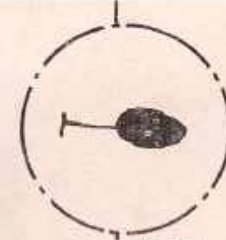

рогатый журавль

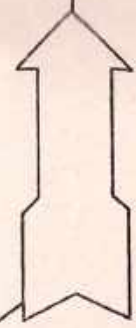

лук

		19	долото		29	долото	
плеть		20	плеть		30	плеть	
		21	пешня		31	пешня	
					32	топор	
		22	чекан				
стрела		23	стрела				
		24	медведь		33	медведь	
багор							
пешня							
кряк							

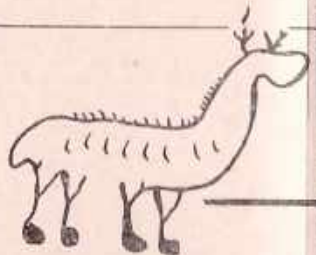

весло

утка

Табл. 25. Туринский уезд. Волостные тамги

Волости	1639 г.			1640 г.			1648 г.			№
	№	Название знамени	Знамя	№	Название знамени	Знамя	№	Название знамени	Знамя	
Андричеева				4	топор					
Байгарина							14	олень		25
Бангарина				5	копье					
Енбаева										26
Епанчина				6	лук					27
Ермолаева	1	лисица					15	лисица		
Зензярови										
Илисова							16	утка		
Илчибаева										
Илчибасова				7	весло		17	весло		
Илясова				8	котел		18	котел		28

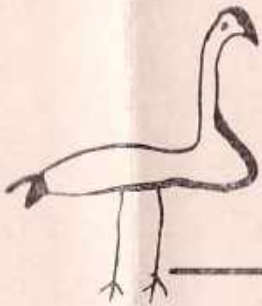
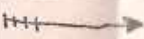
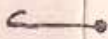
дричеева							19	долота		29	долота
чубаева	2	плеть		9	плеть		20	плеть		30	плеть
кузова							21	пешня		31	пешня
лмакова	3	журавль								32	топар
ртумова							22	чекан			
анчина				10	стрела		23	стрела			
анкина							24	медведь		33	медведь
нтюкова											
мтумова				11	багор						
оретеева				12	пешня						
лчидаева				13	кряк						

Табл. 25. Туринский уезд. Волостные тамги